

Научный совет РАН по исторической демографии и исторической географии
Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН
Институт российской истории РАН
Институт истории СО РАН
Институт истории и археологии УрО РАН

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕМОГРАФИЯ

Научный журнал

№ 1 (9)

Москва–Сыктывкар 2012

УДК 314.148

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕМОГРАФИЯ. Научный журнал. 2012. № 1 (9).

Основан в 2008 г.

Выходит 2 раза в год

Учредитель – Институт языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН
Журнал издается под руководством Научного совета РАН по исторической демографии
и исторической географии

Редакционный совет:

академик Ю.А. Поляков (председатель, Москва), академик В.В. Алексеев (Екатеринбург), А.Е. Загребин (Ижевск), член-корр. РАН В.Н. Лаженцев (Сыктывкар), член-корр. РАН В.А. Ламин (Новосибирск), С. Лаллукка (Хельсинки), В.И. Меньковский (Минск), Л.Л. Рыбаковский (Москва), Т.С. Садыков (Астана)

Редакционная коллегия:

И.Л. Жеребцов (главный редактор, Сыктывкар), В.Б. Жиромская (зам. главного редактора, Москва), В.А. Исупов (зам. главного редактора, Новосибирск), В.В. Фаузер (зам. главного редактора, Сыктывкар), Е.Н. Рожкин (отв. секретарь, Сыктывкар), Ю.В. Аргудяева (Владивосток), Н.М. Игнатова (Сыктывкар), Г.Е. Корнилов (Екатеринбург), Е.Ф. Кринко (Ростов-на-Дону), Д.А. Несанелис (Москва), С.А. Прокопенко (Ульяновск), И.А. Разумова (Апатиты), А.В. Репневский (Архангельск), В.А. Семенов (Сыктывкар), П.В. Федоров (Мурманск), М.С. Черкасова (Вологда)

Редакционно-издательская группа:

Н.М. Игнатова (руководитель, Сыктывкар), Д.В. Вишнякова (Сыктывкар), Н.К. Забоева (Сыктывкар), В.В. Якоб (Сыктывкар)

Издание подготовлено при поддержке Программы фундаментальных исследований Уральского отделения РАН, проект № 12-С-6-1001 «Население Крайнего Севера России: историческое развитие и современность. XX век».

ISSN 2304-5922

© Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, 2012

Адрес редакции: 167982, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26, ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН
журнал «Историческая демография».

Тел. (8212)245564 (гл. ред.), (8212)245500 (отв. секр.), факс (8212)245564

E-mail: zherebtsov@mail.illhkomisc.ru (гл. редактор), secr.hist@mail.illhkomisc.ru (отв. секретарь),
ignatova.hist@mail.komisc.ru (рук. редакционно-издательской группы)

Мнение автора может не совпадать с точкой зрения редакции.

СОДЕРЖАНИЕ

ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СТРАН И РЕГИОНОВ В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

Мацук М.А. (Сыктывкар). К вопросу о причинах перехода от описаний к переписям в России XVII в.	4
Васина Т.А. (Ижевск). Демографические процессы в Омутнинском заводе и на рудниках Глазовского уезда Вятской губернии в конце XVIII – первой половине XIX в.	12
Гагиева А.К. (Сыктывкар). Динамика численности должностных лиц крестьянского управления на территории Коми края в XVIII в.	26
Волошенко К.В. (Астрахань). Историко-демографические особенности населения Астраханского края	28
Гасанов И.М. (Казань). Демографические и этнические процессы в Казанской губернии	31
Суржикова Н.В. (Екатеринбург). Военнопленные I Мировой войны на Урале: проблемы изучения демографических характеристик	34
Хлынина Т.П. (Ростов-на-Дону). «Женское» и «мужское» в отношении к советской демографической политике 1930-х гг.	39
Мирошниченко М.И. (Челябинск). Репродуктивное поведение женщин Урала в 1920-е – первой половине 1930-х гг.	42
Журавлева В.А. (Златоуст). Аборты в городах и городских поселениях Урала в 1920–1930-х гг.	46
Мичко П., Шмигель М. (Банска Быстрица, Словакия). Волна беженцев с территории СССР в Словакию в 1944 г.	50
Исупов В.А. (Новосибирск), Жеребцов И.Л. (Сыктывкар). Динамика смертности и рождаемости и ее влияние на демографическое развитие во второй половине 1940-х – 1950-е гг. (на материалах Сибири)	56
Безносова Н.П. (Сыктывкар). Причины смертности населения Коми АССР в 1960–1970-е гг.	60

СОВРЕМЕННЫЕ ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

Мирзоев С.С. (Душанбе, Таджикистан). Оценка демографической ситуации в Республике Таджикистан	64
Ушакова В.Л. (Владивосток). Региональные особенности демографического развития в Приморском крае ...	68

ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКИ И МЕТОДИКА ИХ АНАЛИЗА

Стешенко Н.Л. (Краматорск, Украина). Проблема миграций в Южной Украине (XVI–XVIII вв.) в исследованиях советских ученых 1940–1950-х гг.	71
Кринко Е.Ф. (Ростов-на-Дону). Современная российская историография о причинах депортаций народов юга России в годы Великой Отечественной войны	75
Черкасова М.С. (Вологда). Правовое регулирование брачности у монастырских крестьян в XV–XVIII вв. (по архиву Троице-Сергиевой Лавры)	79
Исупов В.А. (Новосибирск), Жеребцов И.Л. , Безносова Н.П. (Сыктывкар). Переписи населения как источник для изучения динамики населения Европейского Севера и Сибири в первой половине XX в.	86

ХРОНИКА. БИБЛИОГРАФИЯ

Содержание сборников статей «Историческая демография» (2007 г.)	90
Содержание журнала «Историческая демография» (2008–2011 гг.)	93
ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ журнала «Историческая демография»	99

ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СТРАН И РЕГИОНОВ В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

*М.А. Мацук (Сыктывкар)**

К вопросу о причинах перехода от описаний к переписям в России XVII в.**

В политической и экономической жизни России XVII столетия имеется несколько загадок, не решенных исследователями до сих пор. Одной из таких загадок является причина перехода от посощных описаний территории к переписям населения и, соответственно, от составления писцовых к составлению переписных книг.

В дореволюционной, а вслед за ней и в советской исторической литературе сложилось устойчивое мнение о том, что правительство, переходя от посощных описаний территорий к переписям населения, якобы преследовало две цели: во-первых, переписывая тяглое население, окончательно прикрепить их, главным образом крестьян, к земле, в первую очередь, к земле светских феодалов; во-вторых, увеличить число тяглецов посредством включения в их число ранее нетяглоответственных жителей деревни и посада.

По поводу переписи 1646–1648 гг. имеются разные точки зрения относительно причин ее проведения. А.С. Лаппо-Данилевский считал, что перепись 1646–1648 гг. вызвали «постепенный рост населения, сильное развитие в нем стремления различными путями «отбыть тягла» и готовившееся конечное прикрепление тяглых классов» [1]. Прямого финансового значения за переписью 1646–1648 гг. А.С. Лаппо-Данилевский не видит и не говорит о нем. Он старается лишь подчеркнуть «подсобное» значение переписи, утверждавшей якобы положение живущей четверти. «Перепись 40-х годов, – говорит он, – составлена ввиду правительственного оклада, падавшего на живущую четверть, и находится в связи с окончательным прикреплением тяглых классов» [2].

П.Н. Милюков не согласился с первой частью утверждения А.С. Лаппо-Данилевского, подчеркнув, что «сошного письма и живущей четверти взимались все обычные подати. Напротив, двор является единицей обложения для экстренных сборов, преимущественно военного характера. Первым повсеместным сбором этого рода, сколько мы знаем, был «подымный сбор» 1638 и 1639 гг. Уже **прямо для целей подворного обложения принята была, как думаем, и перепись 1646–1648 гг.** (выделено нами – *М.М.*); она и послужила немедленно по окончании для нового экстренного сбора и для перевода на двор одной из постоянных податей – полоняничных денег» [3]. Еще четче выразился П.Н. Милюков в другой своей работе. Он писал: «**В указе об этой переписи (1646–1648 гг. – *М.М.*), как известно, побуждением к ней выставляется желание закрепить за служилыми людьми их крестьян. Однако же, ввиду тех явлений, которые предшествовали составлению переписных книг, трудно не предположить, что последние имели также и финансовую цель** (выделено нами – *М.М.*). Едва только они были окончены, как уже немедленно были употреблены в дело для подворной раскладки нового экстренного сбора «ратным людям на жалованье» – по 2 гривны с двора. Необходимо при этом заметить, что сбор был указан правительству на том же соборе 1642 г., на котором городское дворянство хлопотало о дворовой раскладке. Но подворная перепись была немедленно употреблена не только для назначения этой поворотной подати; в то же самое время она послужила еще и для определения (по совещанию с выборными) нового оклада полоняничных денег» [4].

С.Б. Веселовский придерживался противоположной точки зрения. Он отмечал: «Перепись 154–155 (1645/46–1646/47) гг., **судя по всему, не преследовала фискальных целей** (выделено нами – *М.М.*), и **не была ни в какой связи с какой-либо предполагаемой реформой в области прямого обложения** (выделено нами – *М.М.*), и правительство пользовалось ею для сбора последующих чрезвычайных налогов потому, что она прошла довольно удачно и дала более новые и более полные сведения о дворах, чем писцовые книги. В 157 (1648/49) г. был введен и положен подворно по переписи 154 (1645/46) г. постоянный налог – полоняничные деньги, но по своей очень невысокой ставке, он не имел большого финансового значения. И после этого все старые постоянные налоги оставались на сошном письме до полной замены его дворовым числом» [5].

* **Мацук Михаил Александрович** (Сыктывкар) – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН.

** Публикация подготовлена при поддержке Программы фундаментальных исследований Уральского отделения РАН, проект № 12-С-6-1001.

Мы привели столь длинные цитаты, чтобы подчеркнуть, как, опираясь на одни и те же факты, исследователи пришли к противоположным выводам.

Из советских историков обращался к поднятому вопросу, причем, повторяя точку зрения С.Б. Веселовского, Н.В. Устюгов, который в середине 1950-х гг. писал: «Составление переписных книг (1646 г. – *М.М.*) не преследовало... фискальных целей. Вопрос об изменении единицы обложения в это время не поднимался. Тем не менее, правительство стало пользоваться переписными книгами 1646 г. как основанием для подворного обложения некоторыми прямыми и чрезвычайными налогами» [6].

Итак, по поводу переписи 1646 г. существуют две полярные точки зрения. Одна сторона (П.Н. Милуков) утверждает финансовую причину проведения переписи, другая (А.С. Лаппо-Данилевский, С.Б. Веселовский, Н.В. Устюгов) – категорически и прямо отрицает таковое. Кроме того, в литературе имеется утверждение о том, что данный переход был продиктован правительству городовым дворянством на Земском Соборе 1642 г. Квинтэссенция этого мнения изложена В.О. Ключевским. В «Курсе русской истории» (лекция LI) он говорит об этом предмете так: «... Подворное обложение было проще и могло быть равномернее (посошного обложения – *М.М.*). **На соборе 1642 г. городские дворяне заявили правительству настойчивую просьбу собирать деньги и всякие запасы ратным людям по числу крестьянских дворов, а не по писцовым книгам** (выделено нами – *М.М.*). Мелким помещикам было виднее, чем кому-либо, что с закрепощением крестьян сельскохозяйственной силой, подлежащей эксплуатации, стали вместо земли рабочие руки с их инвентарем. В 1646 г. и предпринята была **общая подворная перепись**, которая, **поголовно укрепляя крестьян за владельцами без урочных лет, вместе с тем переводила прямое обложение с сошного письма на дворовое число** (выделено нами – *М.М.*)» [7].

Напомню, что на соборе 1642 г. обсуждались вопросы: 1. О включении Азова в состав Московского государства и о войне с Турцией; 2. О средствах удержания Азова; 3. О способах ведения войны с турками; 4. О денежных средствах для войны. По всем этим вопросам было высказано много мнений участников собора [8]. Весьма сомнительно, что частное мнение ряда городских дворян, даже высказанное на Земском соборе, явилось побудительным мотивом для правительства провести перепись тяглого населения. Тем более что перевод прямого обложения с сошного письма на дворовое число произведен не был. В этом вопросе В.О. Ключевский ошибался.

Дореволюционные и советские исследователи, называя в качестве причины проведения переписи 1646 г. стремление окончательно прикрепить тяглецов к их владельцам, опирались на царский указ о проведении этой переписи. В этом указе говорилось следующее: «В нынешнем во 154-м (1645 – *М.М.*) году октября в 19 день государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Русии указал и бояре приговорили: той статье о крестьянах (о сыске и возвращении беглых крестьян их прежним владельцам – *М.М.*) быть по уложению прежних государей, и как учинено при его государеве отце, блаженные памяти при великом государе царе и великом князе Михаиле Федоровиче всей Русии, во 149-м году, потому что перед уложением прежних государей прибавлено пять лет и учинено вдвое – десять лет. А ныне **для подлинного ведома** (выделено нами – *М.М.*) государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Русии указал и бояре приговорили: послать в Московский уезд и во все города стольников и дворян добрых, за своим государевым крестным целованьем, описать в своих государевых дворцовых волостях и в патриарших, и в митрополичьих, и в монастырских вотчинах, и за бояры, и за окольных, и за думными людьми, и за стольники, и за стряпчими, и за дворяны московскими, и за дьяки, и за жильцы, и за дворяны, и за детьми боярскими из городов, и за всякими служилыми людьми, и за отставленными дворяны и детьми боярскими, и за вдовами и недорослями, и в городех на посаде посадских и всяких ремесленных и торговых людей, а которые люди живут за патриархом и властями, и за монастыри, и за бояры, и за окольных, и за думными людьми, и за стольники, и за стряпчими, и за дворяны московскими, и за дьяки, и за приказными людьми, и за жильцы, и за дворяны, и за детьми боярскими из городов, и за иноземцы, и всяких чинов людьми на дворничестве, и которые живут на церковных землях бобыли и бобылки, и в уезде в вотчинах и в поместьях крестьян и бобылей, и их детей и братью, и племянников **переписать по именом, с отцы и с прозвищи** (выделено нами – *М.М.*)». Далее в указе дается подробная инструкция переписчикам, чтобы они внимательно проверяли основания владения помещиков и вотчинников крестьянами и другими зависимыми людьми, и отмечается: «А как крестьян и бобылей и дворян их переписут, и по тем переписным книгам крестьян и бобылей, и их дети, и братья, и племянники будут крепки без урочных лет. И которые породятся после той переписки и учнут жить своими дворами вновь, и тех дворов лишними дворами не ставить, потому что отцы их в переписных книгах написаны. А утаенных дворов выискивать, и быть тому выиску после переписных книг пять лет, а как пять лет выдет, и о утаенных дворах челобитья не принимать и в том отказывать» [9].

Таким образом, в указе обозначена следующая причина проведения переписи: «...**для подлинного ведома**» тяглецов их «**переписать по именом, с отцы и с прозвищи**». То есть, правительству было важно получить поименный реестр всех тяглецов, включая их детей и племянников. Указание о том, что переписанные тяглецы «будут крепки без урочных лет» не является, на мой взгляд, продекларированной в указе причиной проведения переписи 1646 г.

Фискальная составляющая в качестве причины проведения переписи в указе также не фигурирует.

В указе имеются положения, которые весьма трудно привязать к задаче переписать тяглое население для постоянного прикрепления («без урочных лет») к владельцу. В частности, сказано следующее: «А того им (переписчикам – М.М.) смотреть и беречь накрепко, чтоб у той переписки никто не воровал и **крестьян и бобылей не таили, и изо многих дворов в один двор не переводили**, и чужих бы крестьян и бобылей ничьих заочно за собою не писали, и **крестьян своих людьми не называли** (выделено нами – М.М.)» [10]. Интересно, что за эти правонарушения полагались очень большие наказания. В указе сказано: «У тех людей, хто утаит крестьянина или бобыля, из поместий и из вотчин отимать на государя по пятидесяти чети за крестьянина и отдавать тем людям, хто за кем сыщет тех утаенных крестьян.

А будет в котором городе посацкие и уездные волосные крестьяня или иные какие всяких чинов люди учнут писать в своих сказках двора два или три и больше в один двор и жилые двory пустыми писать, или учнут людей таить, а по сыску и по переписке про то сыщется, что они какие двory или во дворех людей утаили, и за утаеново за всякого человека и за утаеной за всякой двор на всех посадцких и на волостных, и на всяких чинов на жилецких людех иматъ по сту рублей, да тем же посацким и волосным, и всяким людям, которые двory и людей утаят, быть от государя в опале и в жестоком наказанье. И тех утаеных людей указал государь за утайку отдавать в помесную роздачу, а за тех утаеных людей свои государевы всякие подати на прошлые годы и вперед иматъ на тех посацких и волосных людех, в которой волости та утайка объявится, чтоб, на то смотря, вперед и иным так не повадно было воровать, на посаде и в волостях людей таить» [11].

Несоразмерно жестоким было и наказание переписчиков, зафиксировавших запустение переписываемых регионов. Так, царь Алексей Михайлович не утвердил переписные книги Тотмы и Тотемского уезда переписки князя Ивана Вяземского и подьячего Левонтья Нестерова и переписные книги Соли Вычегодской и Сольвычегодского уезда, «потому что по тем их книгам (в таких-то посадах и уездах – М.М.) объявилась пустота многая», и указал заново переписать эти посады и уезды. Тотму с уездом велено было переписать другому переписчику Льву Микулину, а Соль Вычегодскую с уездом – прежним переписчикам. В указах о новых переписях сказано: «Да будет по переписке Льва Микулина на Тотме на посаде и в Тотемском уезде объявится дворов и людей сверх князь Ивановых книг, а по князь Ивановым книгам **было в прописке хотя один двор или один человек, и государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Русии указал поместья ево, князь Ивановы, и вотчины роздать в роздачу безповоротно, а у подьячего у Левонтья животы ево взять на себя, государя, а их сослать в Сибирь** (выделено нами – М.М.); «Да будет что по их переписке у Соли на посаде и в Усольском уезде **объявится в прописке, хотя один двор или один человек, и государь указал поместья его, Павловы, и вотчины роздать в роздачу безповоротно, а у подьячего Бориса животы его взять на себя, государя, а их сослать в Сибирь за большим наказаньем** (выделено нами – М.М.)» [12].

Чего же реально хотело добиться правительство молодого царя Алексея Михайловича, проводя перепись населения, т.е., вводя новую форму учета движения населения? И для чего правительству необходим был реестр тяглецов, включая дворцовых и черносошных крестьян, а также посадских людей и ремесленников и торговцев, проживавших на посадах? Почему в указе о проведении переписи большое место было уделено требованиям выявления утайки дворов и людей, почему действовали такие суровые кары для переписчиков при «прописке» ими хотя бы одного тяглого двора? Постараемся ответить на эти вопросы. Но для этого необходимо проследить фискальную историю России первой половины и середины XVII в.

А.С. Лаппо-Данилевский, П.Н. Милюков и С.Б. Веселовский подметили основную тенденцию финансовой истории России XVII в. – стремление к унификации как в области номенклатуры общегосударственных налогов, так и в области принципов обложения.

В 1614 г. был введен общегосударственный налог – стрелецкий хлеб и деньги за него. Окладной единицей этого налога служила московская соха, которая распространялась теперь на все государство за исключением Сибири. После описания 1620-х гг. в большинстве уездов Поморья на ее основе стали собираться и четвертные налоги. Однако разорение центральных областей России в результате смуты и польско-шведской интервенции не позволили правительству закрепить соху в качестве единой окладной единицы. Для помещичьих владений была введена искусственная единица – «живущая четверть», основанная на сошном письме и являющаяся частью его [13]. После писцовых описаний 20-х гг. XVII в. правительство опять пытается найти единую общегосударственную окладную единицу. Причем делает эти эксперименты не на базе основных налогов, а на основе чрезвычайного – денег ратным людям на жалованье. Понять приказных можно. При сборе чрезвычайного налога, назначаемого в дополнение к основным, тяжесть неудачи не столь велика, как при провале опыта с основным налогом.

Итак, расскажем об экспериментах 1630-х гг. В это время было назначено как минимум шесть сборов денег ратным людям на жалованье. Первые четыре сбора 1632, 1634, 1635 и 1637 гг. основывались на живущей четверти и сохе как единой окладной единице. В 1632 г. с живущей четверти велено было собрать по полтине, а с сохи – по 400 р., а в 1634 и 1635 гг. – примерно по 200 р. с сохи [14]. Оклад сохи сбором 1632 г. был очень

высок. Достаточно сказать, что оклад сохи деньгами за стрелецкие хлебные запасы в этом году был равен 95 р. [15]. Поэтому правительству вынуждено было в следующие, 1634 и 1635 гг., понизить его в два раза. Однако в 1637 г. вновь было велено взять «для... городского дела и на жалованье ратным людям... по писцовым книгам с живущих четьи, с посадов и с наших дворцовых сел, и черных волостей, и с мордовских земель, с чети пашни по полтине» [16]. В то же время с земель духовенства бралось по 1 р. 20 к.; с поместных и вотчинных земель московских «чинов», гостей и т.п. – по 60 к.; с поместий и вотчин городского дворянства, вдов и недорослей – по 30 к. с живущей четверти [17].

Таким образом, кажется, правительству удался эксперимент. Деньги ратным людям на жалованье должны были собираться со всего государства на основе живущей четверти. Однако нет. Эксперимент не мог быть удачным в силу того, что содержание живущей четверти на поместных и черносошных землях было разным. П.Н. Милюков в рецензии на книгу А.С. Лаппо-Данилевского справедливо пишет, что «более мелкая, чем соха, это окладная единица (живущая четверть – *М.М.*) была особенно удобна в приложении к мелким размерам владельческого участка. Затем приравненная известному числу дворов, она давала владельческой земле огромное податное преимущество перед черной: с одной четверти, т.е. с полудесятины, черносошный крестьянин Русского Севера должен был платить столько же, сколько землевладелец остальной России платил с 7–10 крестьянских дворов...» [18]. Кстати, это прекрасно понимали и черносошные тяглецы. Приведем один пример. Яренчане в своей челобитной писали следующее: «А велено собрати твоих государевых окладных денег вновь с четверти пашни по полтине, а с твоих государевых дворцовых сел указано взять окладных денег с выти по полтине. А в ваших, государь, в Еренском городке и в уезде по твоему, государеву, указу писцы писали в сошное письмо не так, как поместные четверти. На поместных четвертях живет на одной выти по 10 и по 12 крестьян и больши. А мы, сироты твои, живем: в писцовых книгах написано за одним крестьянином по 10 и по 12 вытей и больши, а за молотчими крестьяны четвертного письма написано по шти, по пяти и больши. А (в) выть у нас кладено по 12 и по 14 четвертей, где што мера показала, то все без уроку в четвертное письмо и писано. И нам, государь, сиротам твоим, в таком великом окладе искупитца не мочно» [19]. У нас нет данных о сборе этого налога в 1637 г., однако, вероятнее всего, что он не был особенно удачным [20]. Тем более что в этом же 1637 г. сошный оклад денег за стрелецкие хлебные запасы был увеличен до 240 р. [21].

И тут правительство решилось на очень важный по значению для финансовой системы России шаг. Был назначен **набор даточных с дворового числа** (выделено нами – *М.М.*). С дворцовых волостей и с служилых – с 20 дворов по человеку, с духовенства и больших монастырей – с 10 дворов по человеку, с малых монастырей – с 10 дворов по 4 подводы [22]. Данные, относящиеся к черносошному Северу, говорят, что раньше в этом районе даточные в стрельцы и солдаты (набор 1632–1633 гг.) брались не с дворового числа [23]. Для владельческих крестьян сбор даточных с четко определенного числа дворов также впервые появился в 1638 г. [24]. Одновременно было велено «з городов, которые города в четвертях и в Казанском дворце, с посадов и с уездов имать ратным людям жалованье з **десяти дворов за даточного человека** (выделено нами – *М.М.*) по 20 рублей, з двора по 2 рубли» [25]. Значительный интерес тут представляет назначение налога как платежа за невыполнение натуральной повинности. И, конечно же – дворовое число, двор как новая, единая для всего государства окладная единица. Тяжелейшие ставки денег ратным людям на жалованье было очень трудно выплатить. Как проходили эти сборы, прекрасно показано А.И. Яковлевым [26]. Для нас очень важен вывод: «Выяснилось, что двухрублевая годовичная ставка на двор должна быть признана финансовой несообразностью для огромного большинства черных уездов и даже посадских дворов, а владельческие крестьяне не могли справиться и с однорублевой ставкой на двор» [27].

Да. Тяжесть налога была из ряда вон выходящая. В среднем затраты крестьянского двора в Яренском уезде на уплату четвертных налогов, денег за стрелецкие хлебные запасы, на выполнение таких повинностей, как ямская гоньба и «сибирские хлебные запасы», а также на уплату время от времени денег ратным людям на жалованье, т.е. всех налогов и государственных повинностей, в 1601–1631 гг. колебались в пределах одного рубля, иногда доходя до 1 р. 40 к. В 1637 г. они составили 2 р. 24 к.; в 1638 г. – 3 р. 53 к.; в 1639 г. – 2 р. 43 к. Естественно, что крестьяне и посадские люди справиться с такой ставкой не могли.

Дискредитировала ли подобная неудача с очень большой дворовой ставкой саму идею подворного обложения? Нет, не дискредитировала. Прав А.И. Яковлев, говоря, что «разумный расчет годовичного сбора требовал установления ставки на один двор владельческих крестьян самое большое в 2 гривны. Недаром на Азовском сборе (1642 г. – *М.М.*) служилые люди предлагали собирать с них деньги «повторно, с двора хотя по гривне» [28].

Итак, интересы правительства и дворянства в вопросе о дворовом числе совпали. Тем более что сбор даточных, вероятно, продемонстрировал преимущества нового подхода. Действительно, если в помещичьих усадьбах было более-менее ясно, что живущая четверть приравнена к определенному числу дворов, то в черносошных районах, где проживало 12,88% населения страны [29], сбор даточных мог осуществляться только с дворового числа. Но сбор даточных и сбор денег ратным людям на жалованье в то же время показали, насколько писцо-

вые книги 1620-х гг. отстали от действительности. Не зря служилые люди на соборе 1642 г. предлагали, «чтобы статистические ведомости дворовладения составлялись для этой цели (обложения новым сбором денег ратным людям на жалованье – *М.М.*) не по писцовым книгам, а по их сказкам» [30]. То есть они требовали обложения, учитывающего изменения в количестве населявших поместья крестьян. В таких условиях правительство молодого царя Алексея Михайловича провело в 1646–1648 гг. перепись населения.

Почему же составлялись именно переписные, а не писцовые книги? Ведь сошное письмо еще было в силе. Основные налоги собирались на основе все более стареющих данных писцовых книг 1620-х гг. А правительство останавливается на переписи, а не на описании. Что помешало правительству составить писцовые книги, а не переписные? Ведь и в писцовые книги можно было внести имена всех посадских людей и крестьян.

На наш взгляд, интересную точку зрения по этому вопросу высказал А.И. Яковлев. Он писал: «Введенный в обращение Приказом сбора ратных людей порядок финансовой раскладки по схемам дворового числа был проявлением тенденции государственной организации к самоопределению и самоутверждению. Посредством дворового числа государство стремится взять целиком в свои руки и поставить на формальные основания оценку платежеспособности каждого служилого человека и каждого черного поселения... Перепись 154 (1645/46) года прямо продолжала дело Приказа сбора ратных людей. Ликвидация урочных лет и твердая формулировка начал крепостного права были обязательным следствием принципиальной и технической индивидуализации платежей служилого класса: круг понятий, начавший определяться одной своей стороной в 146 (1637/38) г., нашел свое завершение через восемь лет в подворной переписи 154 года» [31]. То есть, государство за «самоуправление» в финансовой области, выразившееся в дворовом числе, заплатило окончательным оформлением крепостного права. Причем, «вводя порядок, символически выраженный идеей дворового числа, государство освобождает себя от вялых и тягучих приемов податной экспертизы сошного письма, и благодаря тому облегчает себе финансовые нажимы, но, выигрывая экономически, оно уступает в крепостном вопросе и проигрывает юридически» [32].

На наш взгляд, эта формулировка А.И. Яковлева полностью соответствовала бы действительности, если бы правительство собиралось перевести взимание основных налогов с сошного письма на дворовое число. Но дело в том, что правительство не собиралось этого делать. Мало того, оно вообще хотело прекратить взимание прямых налогов, заменив их косвенными (увеличенной пошлиной на соль). После же «Соляного бунта» правительство просто продолжило практику сбора основных налогов, исходя из сошного письма 1620-х гг., время от времени увеличивая оклад стрельцким хлебом «живущей четверти». Кроме того, если бы правительство руководствовалось только стремлением, переписав крестьян, сделать переписные книги свидетельствами крепости их помещикам, не стоило проводить переписные работы в громадном по масштабам черносошном Поморье.

На наш взгляд, **основным побудительным мотивом составления переписных книг 1646–1648 гг. являлось стремление правительства получить свежие данные о числе дворов посадских людей и крестьян с целью выяснения возможности пополнения армии путем набора даточных людей с точно определенного числа дворов.** Во время постоянного военного напряжения государства финансовый момент, выражением которого является сошное письмо, неминуемо должен быть поставлен в зависимость от военного момента, выражавшегося в переписях дворов, а затем и в ревизиях душ мужского пола. А поскольку в XVII в. **основные налоги были налогами военными:** стрельцкий хлеб и деньги за него, деньги ратным людям на жалованье, в составе четвертных: пищальные, ямчужные, приметные и другие, то нет ничего удивительного, что итоги переписи стали использоваться для сбора денег ратным людям на жалованье по дворовому числу. Кроме того, необходимо учитывать и то, что описание территорий, связанное с неизбежным межеванием земель и, главное, с фискальной экспертизой каждой черносошной или дворцовой волости и каждого поместья или вотчины, было достаточно длительным по времени процессом. Перепись населения не предполагала таких трудоемких аналитических действий и сразу давала правительству необходимые ему статистические сведения.

Перепись 1646 г. стала использоваться сразу же по своему основному назначению – как справочный материал для набора даточных людей. Уже 14 февраля 1647 г. из Новгородской четверти в Яренский уезд была послана грамота [33], в которой объявлялся набор даточных людей «по нынешним переписным книгам» со 100 дворов по человеку. Даточные набирались для строительства города на р. Осколе (усть р. Бела Колодезя) и вала на Каминской сакме с вотчин духовенства, монастырей, московских «чинов», городских дворян, посадских людей и крестьян дворцовых и черносошных. «А за переходные (сверх 100, 200, 300 и т.д.) дворы взяти с посадков по две гривны з двора, а с уездов с наших волостей з двора по гривне, а с монастырских по две гривны з двора». Причем была сделана оговорка: «... А то есмь посадским и уездным людем дати на волю: будет похотят за даточных деньгами платить или даточных людей дать». Под грамотой была подклеена роспись количества дворов церковных причетников, крестьян и бобылей в волостях уезда. Этот набор проводился в границах мероприятий 1644–1648 гг., в ходе которых силами даточных людей строили Тамбов, Керенск и пограничные укрепления [34].

Прошло два года, и на соборе 1649 г. было постановлено собирать деньги «на искупление пленных» ежегодно с посадских людей, патриарших и монастырских крестьян и бобылей с двора по 8 денег; с дворцовых,

черносошных и помещичьих крестьян с двора – по 4 де.; со служилых людей (стрельцов, казаков, пушкарей и т.п.) с двора – по 2 де. [35]. Причем было указано «сбирати те деньги погодно в Посольской приказ **по новым переписным книгам, а не по сошному письму** (выделено нами – М.М.), чтобы в том денежном сборе никто в избылх не был, занеже таковое искупление – общая милостыня, и благочестивому царю и всем православным христианам за то великая мзда от Бога будет» [36]. Правительство подчеркивало, что вводит не обыкновенный налог, а «милостыню», собираемую с каждого двора по определенному окладу. В соответствии с идейной нагрузкой и оклад был положен очень маленький, чтобы все население могло легко заплатить этот налог.

Для нас же сейчас очень важно, что сбор производится с дворового числа, и не просто с дворового числа, а с дворов, зафиксированных в «новых» переписных книгах. Таким образом, к финансово-военному значению переписи присоединяется чисто финансовое значение ее. И еще. В налогообложении начинает действовать компромиссный двуединый принцип – посошно-подворный. Это очень важный момент в финансовой истории России XVII в. И особенно важен он тем, что общегосударственный прямой налог впервые в XVII в. **собирается с дворового числа** установленного переписью, зафиксированного в переписных книгах, и никоим образом не связанного с господствовавшим сошным письмом. Дальше – больше. В 1651 г. назначается новый сбор денег ратным людям на жалованье в размере 20 к. с двора, причем назначается он «со всяких чинов людей по переписным книгам со ста дворов по двадцати рублей» [37]. Приказные пока мыслили большими цифрами. Однако уже на следующий год назначается тот же сбор «з двора по две гривны» [38]. В дальнейшем сбор ратным людям на жалованье назначается с двора, а большие цифры (от 25 до 100 дворов) употребляются при наборах даточных людей.

Создается парадоксальная ситуация. Чрезвычайный военный налог – деньги ратным людям на жалованье, прямой налог – полоняничные деньги собирались, а армия пополнялась новобранцами на основе переписи 1646–1648 гг. В то же время самый тяжелый налог – стрелецкий хлеб и деньги за него, четвертной налог собирались на основе сошного письма, зафиксированного в описаниях 20-х гг.

В 1660–1670-х гг. выявилось, что писцовые описания безнадежно устарели. Известно, что в это время правительство идет на списание недоимок, возникавших, в частности, в поморских уездах из-за отсутствия введения коррективов в оклады уездов и волостей, основанных на сошном письме, при изменении демографической ситуации в них. Это не удивительно, если учесть, что зачастую в одном уезде крестьяне находящиеся рядом волостей могли испытывать разную тяжесть тех же денег за стрелецкие хлебные запасы. Причем эта разница увеличивалась по мере возрастания сошного оклада этого налога. Так, в 1644 г. при окладе сохи равном 168 р., затраты крестьянского двора в среднем в волостях Яренского уезда: Сясьской земле и Ужгинской волости соответственно равнялись 26,2 к. и 22,8 к., тогда как в Глотовой слободе (волости) выходило 12,5 к., а в Вишерской вол. – 7,6 к. В 1655 г. при окладе сохи в 228 р. в среднем со двора собиралось в этих районах соответственно 40,4 к., 28,2 к., 21,8 к., 9,7 к. А в 1674 г. при окладе сохи, равном 700 р. – 133,9 к., 86,6 к., 81,2 к., 29,9 к. [39]. Данное положение существовало из-за разной ступени сельскохозяйственной освоенности районов уезда на момент последнего описания его (1628/29 г.) и неизменности числа сох в уезде и волостях, зафиксированного им на эту дату. Подобное положение существовало и в других поморских уездах, а также, вероятно, и в других районах страны.

Данные переписи 1646 г. также устарели к началу 1670-х гг. Правительству нужны были свежие данные об изменениях в демографической ситуации. Наборы даточных, проводившиеся в 1660-х – середине 1670-х гг., показали, что данные прежней переписи устарели. Показательно, что когда в 1676 г. планировалось набрать из крестьян Олонецкого, Вятского, Чердынского, Соликамского, Яренского, Кеврольского и Мезенского и Каргопольского уездов «к Москве на вечное житье в стрельцы 1000 человек з женами и з детьми», сборщику В.И. Рогозину предписывалось «выбирать тех крестьян в стрельцы сметя по зборным полоняничным книгам, сколько в тех, великого государя, погостех и в волостех живущих дворов» [40].

Правительство уже не считало возможным опираться при сборе даточных на данные переписи 1646 г. А на горизонте уже вставала война с Турцией за правобережную Украину. В этих условиях правительство Федора Алексеевича спешно проводит общегосударственную перепись 1678 г. и уже 19 ноября 1678 г. решает: «Для сохранения Божиих церквей и целости всех православных хрестьян от нашествия Турского салтана и Крымского хана к прежним пехотным полкам прибавить вновь пехотные полки», набрав в те полки даточных из числа дворцовых и помещечьих крестьян по одному человеку с 25 дворов «по новым переписным книгам 186-го году (1677/78 г.) и нынешнего 187-го году (1678/79 г.)» [41]. «А с патриарших и с монастырских, и посадских, и с тяглых, и с чувашских, и с ясашных людей тем даточным на корм по рублю с двора...; да в другой сбор по полтине с двора» [42].

Итак, **перепись 1677–1679 гг. имела в первую очередь также военное значение.** Это подтверждается и еще одним прямым свидетельством. Вятские переписчики М. Воейков и подьячий Ф. Прокофьев получили задание, «переписав на Вятке крестьянские и бобыльские дворы и в них людей, быть в Москве в прошлом же во 186-м (1677/78) году». Однако они не появлялись в Москве и не представили переписных книг в Новгородский приказ

по 4 января 1679 г. Резюме очень показательно: «Знатно, что живут на Вятке за своими прихотьюми и тем збор даточным людем остановили» [43].

На наш взгляд, именно нужда в наличии точных данных о мужском населении как потенциальном резерве даточных людей объясняет увеличенную по требованию правительства детализацию в фиксации всех разрядов сельского населения, в том числе захребетников, соседей и т.п., а также отметки о физических недостатках крестьян и посадских людей.

Таким образом, правительство России проводило переписи 1646 и 1678 гг. исходя из военных нужд государства. Попутно данные этих учетных документов были использованы и для окончательного прикрепления крестьян к их владельцам, и для развития фискальной системы страны.

Источники и литература

1. Лаппо-Данилевский А.С. Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований. СПб., 1890. С. 183.
2. Там же. С. 186.
3. Милуков П.Н. Спорные вопросы финансовой истории Московского государства. СПб., 1892. С. 123–124.
4. Милуков П.Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. 2-е изд. СПб., 1905. С. 72.
5. Веселовский С.Б. Сошное письмо. Исследование по истории кадастра и посошного обложения Московского государства. М., 1915. Т. 1. С. VI.
6. Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в. М., 1955. С. 421.
7. Ключевский В.О. Сочинения в девяти томах. М.: Мысль, 1988. Т. III. С. 214–215.
8. Сергеевич В.И. Лекции и исследования по древней истории русского права. 4-е изд., доп. и испр. СПб., 1910. С. 234–235; Черепнин Л.В. Земские соборы Русского государства в XVI–XVII вв. М.: Наука, 1978. С. 262–272; Чичерин Б.Н. О народном представительстве. М., 1866. С. 377–378 и др.
9. Акты писцового дела (1644–1661 гг.) / Сост. С.Б. Веселовский. М.: Наука, 1977. С. 77–79.
10. Там же. С. 78.
11. Там же.
12. Там же. С. 85–86, 87–88.
13. В литературе существует и другая точка зрения на «живущую четверть», введение которой рассматривается как «предварительный шаг к собственно подворному обложению»: Миллов Л.В., Булгаков М.Б., Гарскова И.М. Тенденции аграрного развития России первой половины XVII столетия. Историография, компьютер и методы исследования. М., 1986. С. 8. Историографию «живущей четверти» см.: Там же. С. 6–55.
14. РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1631 г. Д. 38. Л. 62–63; АЮБ. СПб., 1864. Т. 2. № 246. Стб. 749–750; № 230. Стб. 688–690.
15. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Ч. 26. Д. 40494. Л. 1.
16. ААЭ. СПб., 1836. Т. 3. № 268. С. 411.
17. Милуков П.Н. Государственное хозяйство... С. 67.
18. Милуков П.Н. Спорные вопросы финансовой истории... С. 119.
19. Интересно, что в цитированной выше грамоте 1637 г. не говорится о подобном разграничении окладной единицы в зависимости от статуса крестьянина.
20. Научный архив Коми научного центра Уральского отделения РАН. Ф. 1. Оп. 12. Д. 26. Л. 408–409 (копия).
21. А.И. Яковлев считает, что этот сбор «совершенно не удалось осуществить, и он остался проектом». Яковлев А. Приказ сбора ратных людей (1637–1653 гг.). М., 1917. С. 119.
22. Веселовский С.Б. Указ. соч. Т. 1. С. 184.
23. Милуков П.Н. Государственное хозяйство... С. 67.
24. Архив ИИ СПб. Колл. 153. № 67. Ст. 1–3.
25. Яковлев А.И. Указ. соч. С. 120–121.
26. Там же. С. 122.
27. Яковлев А. Указ соч. Гл. 2, § 2, 3.
28. Яковлев А. Указ. соч. С. 542.
29. Там же. С. 542.
30. Вычислено нами по: Водарский Я.Е. Население России в конце XVII – начале XVIII века. М., 1977. С. 153, 163.
31. Яковлев А. Указ. соч. С. 543, 548.
32. Там же. С. 547–548.
33. Архив ИИ СПб. Колл. 153. Оп. 1. № 77. Ст. 1–5.
34. Чернов А.В. Строительство вооруженных сил Русского государства в XVII веке (до Петра I): Дис... д-ра истор. наук. М., 1949. С. 787.
35. ПСЗ-I. Т. I. С. 13.
36. Там же.
37. РГАДА. Ф. 141. Оп. 3. 1651 г. Д. 47. Л. 53–54 (грамота в Соль Камскую 17 июля 1651 г.).
38. Там же. Д. 63. Л. 17–20, 25–29 (грамоты в Пустоозерский уезд и на Двину. Октябрь 1651 г.).

39. Мацук М.А. Мероприятия правительства по уравниению налогообложения в Яренском уезде (середина XVI – XVII вв.) // *Феодализм в России. Юбилейные чтения, посвященные 80-летию со дня рождения академика Льва Владимировича Черепнина: Тезисы докладов и сообщений.* М., 1985. С. 48.
40. РГАДА. Ф. 159. Оп. 3. Д. 623. Л. 1, 21.
41. АИ. СПб., 1842. Т. 5. № 29. С. 42.
42. ПСЗ-1. Т. II. № 1210. С. 817.
43. РГАДА. Ф. 159. Оп. 3. Д. 1096. Л. 1–2.

Демографические процессы в Омутнинском заводе и на рудниках Глазовского уезда Вятской губернии в конце XVIII – первой половине XIX в.**

Омутнинский чугуноплавильный и железоделательный завод (ныне г. Омутнинск Кировской области) был основан уральским промышленником И.П. Осокиным в 1775 г. на р. Омутной в Красноглинской волости Глазовского уезда Вятской губернии. Предприятие имело доменную печь, выплавлявшую в год 45–54 тыс. пудов чугуна, «молотовую фабрику» с шестью молотами и 290 рудников [1]. В 1808 г. производство по наследству перешло к сыновьям – П.И. и Г.И. Осокиным (последний стал единоличным владельцем после смерти брата в 1810 г.). С 1848 г. Омутнинский завод (вместе с Пудемским, который достался И.П. Осокину еще в 1774 г.) находился в собственности ярославского купца А.М. Пастухова и его потомков. В конце XIX в. в Омутнинский горный округ предприятий Н.П. Пастухова входили Омутнинский, Песковский и Пудемский заводы Глазовского уезда и Кирсинский завод Слободского уезда Вятской губернии (Песковский и Кирсинский были куплены Пастуховым в 1879 г. за 270 тыс. руб. [2]).

Мастеровые и рабочие Омутнинского завода, приписные «вечноотданные» и крепостные на посессионном праве, а также казенные работники (исключенные из числа «вечноотданных» указом Уральского горного правления от 22 февраля 1855 г.) первоначально относились к приходу православной Николаевской церкви с. Красноглинского. В самом поселке при Омутнинском заводе церкви – Александровская православная (1853 г.) и Петропавловская единовременная (1875 г.) – появились только во второй половине XIX в. Деревянная церковь с одним престолом во имя Св. Мученика Александра была построена в 1853 г. на средства заводоладельцев – купца 1-й гильдии, коммерции советника А. Матвеева, его племянников Николая и Павла Пастуховых, управлятеля завода, берг-гауптмана А.Х. Фон-Зигеля. Приход был открыт по указу Св. Синода от 19 декабря 1855 г. и включал, кроме заводского поселка, еще два селения [3].

Кроме жителей Омутнинского завода, приходу Николаевской церкви с. Красноглинского принадлежали и другие категории горнозаводского населения: служители и работники рудников Кирсинского завода И. Курочкина и Залазинского завода А. Мосолова (Зиминского, Малахievского, Волосковского, Колпашинского, Заленевского, Волковского, Репинского, Мишинского, Лавровского, Лазаревского, Осинового др.), а также «вольнопроживавшие» при рудниках государственные крестьяне.

В данной статье на примере Омутнинского завода и рудников Глазовского уезда Вятской губернии рассматриваются вопросы демографии различных групп жителей промышленных поселений в конце XVIII – первой половине XIX в. Источниками послужили хранящиеся в Центральном государственном архиве Удмуртской Республики (ЦГА УР) метрические книги – записи рождений, венчаний и смертей православных прихожан Николаевской церкви с. Красноглинского (за 1784–1850 гг.), Покровской церкви с. Красноглинского (за 1855 и 1860 гг.), Александровской церкви Омутнинского завода (за 1860 г.) [4]. Частично население Омутнинского завода крестило детей в приходе Троицкой церкви с. Елово, например, в 1805 г. – один младенец мужского пола, частично – в Спасской церкви Залазинского завода, например, крещены в 1820 г. – девочка, в 1840 и 1850 гг. – по одному мальчику. Кроме того, жители Омутнинского завода часто заключали браки с крестьянами Пудемского завода (так как предприятия принадлежали одному владельцу), поэтому сведения о таких венчаниях встречаются как в метриках Николаевской церкви с. Красноглинского, так и в метриках Троицкой церкви с. Елово (к приходу которой относился Пудем).

Метрические книги Николаевской церкви за 1784–1850 гг. и Покровской церкви за 1855–1860 гг. с. Красноглинского были проанализированы с использованием метода механической выборки с периодичностью в несколько лет: 1784, 1790, 1795, 1800, 1805, 1810 гг. и т.д. (несоблюдение 5-летнего временного интервала в ряде случаев вызвано сохранностью источников). Сведения метрических книг Николаевской церкви неоднородны: в частности, с 1830 г. среди заводских крестьян стали различаться крепостные и «вольнопроживающие» государственные, а с 1840 г. в метриках фигурируют только «вольнопроживающие» в заводе и на рудниках государственные крестьяне. Вероятно, это было связано с распространением в промышленном поселке раскола, что особенно заметно по ревизской сказке 1850 г. (старобрядцы, естественно, не совершали таинств в православной церкви). Что касается метрик Покровской церкви, то в 1855 г. они отражают разные социальные группы заводского на-

* Васина Татьяна Анатольевна (Ижевск) – кандидат исторических наук, научный сотрудник Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН, vasina@ni.udm.ru.

** Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре», проект «Социальная динамика российской периферии: традиции и инновации (XV–XX вв.)».

селения, а в 1860 г. – только жителей рудников. Метрика Александровской церкви 1860 г. более подробно зафиксировала различные категории населения Омутнинского завода (табл. 1–3).

В качестве основных критериев, раскрывающих специфику демографических процессов, выбраны: соотношение родившихся и умерших по полу, половозрастные показатели смертности, сезонность рождений, смертей и венчаний, сословная принадлежность заключивших брак, доля повторных венчаний, общая демографическая динамика. Результаты проведенных расчетов рождаемости и смертности отражены в табл. 4 (здесь в совокупности рассмотрены все категории населения заводов и рудников в приходах Николаевской и Покровской церквей).

Во-первых, проанализировано соотношение родившихся по признаку пола. Замечено, что в изучаемый период у жителей заводов и рудников Глазовского уезда мальчиков рождалось больше чем девочек, за исключением ряда лет (1795, 1820, 1850 и 1860 гг.). Общая динамика характеризовалась наличием маятниковых колебаний (периодическими спадами и подъемами) рождений девочек. В целом за 1784–1860 гг. можно говорить об увеличении числа родившихся девочек (от 50,0 в 1784 г. до 140,0 в 1860 г.) на 100 рожденных мальчиков. Средняя цифра за 1784–1860 гг., равная 93,0 девочкам на 100 мальчиков, свидетельствует, что в большинстве случаев воспроизводство населения м.п. опережало воспроизводство населения ж.п.

Во-вторых, изучено соотношение умерших по полу. На протяжении конца XVIII – первой половины XIX в. смертность среди мужчин в основном была выше, кроме 1805, 1820 (в этом году женщин умерло в 3 раза больше чем мужчин), 1834, 1850 и 1855 гг. Наблюдались маятниковые колебания смертности женской части населения по отношению к мужской. Среднее арифметическое за 1784–1860 гг. (87,5 умерших ж.п. на 100 умерших м.п.) говорит о несколько меньшей смертности женщин в промышленных поселках.

В-третьих, отмечен преимущественно положительный демографический баланс мужской части населения рудников и заводов в двух православных приходах. Отрицательный прирост (убыль жителей м.п. в связи с преобладанием смертности над рождаемостью) наблюдался только в 1850 г., а нулевой – в 1825 и 1860 гг. (табл. 4). Средний за изучаемый период показатель (49,3 умерших м.п. на 100 родившихся мальчиков) говорит о достаточных темпах прироста мужского населения.

В-четвертых, в табл. 4 отражен демографический баланс женской части православных жителей промышленных поселений. Аналогично отмечены маятниковые колебания числа умерших по отношению к количеству родившихся. В целом, демографический баланс оставался преимущественно положительным, за исключением 1784, 1810 и 1825 гг. Средняя цифра за 1784–1860 гг. составила 46,6 умерших ж.п. на 100 родившихся девочек и свидетельствует о существенных темпах прироста женского населения (который слегка опережал прирост жителей м.п.).

В-пятых, была прослежена общая демографическая динамика православного населения (обоего пола) заводов и рудников в приходах Николаевской и Покровской церквей. Демографический баланс оставался преимущественно положительным на протяжении изучаемых лет, за исключением 1810 (нулевой) и 1825 (отрицательный) гг. Отмечена тенденция к маятниковым колебаниям смертности. Наибольший темп воспроизводства населения об.п. наблюдался в 1800 г. (табл. 4). В среднем за 1784–1860 гг. на 100 родившихся приходилось 46,7 умерших.

Рис. 1 наглядно демонстрирует соотношение рождаемости и смертности совокупности групп населения (об.п.) рудников и заводов в православных приходах Николаевской и Покровской церквей в конце XVIII – первой половине XIX в. График иллюстрирует маятниковые колебания рождаемости и смертности в отдельные годы (увеличение/уменьшение расстояния между линиями отражает ускорение/замедление темпа прироста населения). Заметно, что на протяжении всего изучаемого периода, за исключением 1810 и 1825 гг., рождаемость превышала смертность. Более детальную картину можно получить, рассматривая демографические показатели отдельно по Омутнинскому заводу и рудникам Глазовского уезда Вятской губернии (табл. 5).

Выполненные расчеты позволили сделать следующие выводы. В Омутнинском заводе в большинстве лет воспроизводство населения м.п. опережало воспроизводство населения ж.п. (в среднем за 1784–1850 гг. на 100 мальчиков рождалось 86,9 девочек), в то же время смертность среди мужчин была выше (на 100 умерших мужчин приходилось 91,7 умерших женщин). Напротив, на рудниках сложилась иная ситуация: здесь прирост женского населения несколько опережал прирост мужского (средняя цифра за 1784–1850 гг. составила 101,2 младенца ж.п. на 100 младенцев м.п. благодаря высоким показателям за отдельные годы), но и женская смертность преобладала (117,2 умерших ж.п. на 100 умерших м.п.).

Темпы воспроизводства мужской части населения были выше в Омутнинском заводе, чем на рудниках: в 1784–1850 гг. на 100 родившихся мальчиков в среднем приходилось умерших м.п. в заводском поселке 38,9, а на рудниках – 63,6. Аналогичные процессы наблюдались у женской части населения. В Омутнинском заводе в среднем за период на 100 родившихся ж.п. приходилось 38,9 умерших того же пола (т.е. в заводском поселке темпы воспроизводства женской части населения были достаточными и совпадали с темпами прироста населения м.п.). Противоположная ситуация выявлена на рудниках: существенная убыль женского населения наблю-

далась в 1784, 1805 и 1810 гг. (смертность превышала рождаемость в 6, 2 и 3 раза), вследствие чего средний показатель составил 120,8 умерших ж.п. на 100 родившихся девочек.

Наконец, в табл. 5 представлена общая демографическая динамика православного населения (об.п.). Заметно, что на рудниках смертность населения была выше: отрицательный баланс наблюдался в 1784 г., нулевой – в 1800, 1805, 1810 и 1850 гг. В среднем за период на 100 родившихся приходилось 76,9 умерших, т.е. темпы воспроизводства жителей рудников были незначительными. В Омутнинском заводе нулевой баланс населения об.п. отмечен только в 1810 г., отрицательный – в 1825 г., а средний показатель составил 36,6 умерших на 100 родившихся.

Следует сказать, что в целом в Вятской губернии наблюдались аналогичные колебания уровня смертности. В частности, на 100 родившихся об.п. приходилось в 1845 г. 55,3 умерших, в 1850 г. – 79,0, в 1855 г. – 70,0, в 1860 г. – 76,2 [5]. Тот же показатель на рудниках составлял в 1845 г. – 50,0, а в 1850 г. – 100,0 умерших на 100 родившихся об.п., в Омутнинском заводе – соответственно 31,3 и 70,6 (табл. 5), т.е., если на рудниках уровень смертности значительно менялся, то в заводском поселке в эти годы он был ниже, чем в губернии.

Рис. 2–3 иллюстрируют соотношение рождаемости и смертности населения (об.п.) в Омутнинском заводе и на рудниках в приходе православной Николаевской церкви в конце XVIII – **середине XIX в.** Заметно, что демографические процессы в Омутнинском заводе определили общие для горнозаводского населения демографические тенденции в приходе Николаевской церкви (графики 1 и 2 практически совпадают). Наибольший всплеск рождаемости в заводском поселке приходился на 1815 и 1820 гг. Смертность превысила рождаемость только в 1825 г., нулевой прирост наблюдался в 1810 г. (рис. 2). На рудниках демографические процессы существенно отличались. Здесь рождаемость стабильно превышала смертность в период с 1815 по 1845 г. Смертность преобладала в 1784 г., а в 1800, 1805, 1810 и 1850 гг. отмечен нулевой прирост (рис. 3).

Метрика Александровской церкви Омутнинского завода 1860 г. позволила сравнить демографические показатели разных социальных категорий промышленного поселка: прирост выявлен в среде духовенства (смертность отсутствовала) и мещанства (рождаемость превысила смертность в 2 раза), нулевой баланс – у крепостных крестьян (родилось и умерло одинаковое количество людей), убыль – у заводских служащих. «Вольнопроживающие» в заводском селении государственные крестьяне тоже отличались высокой смертностью (на 100 рожденных младенцев м.п. приходилось 100,0 умерших того же пола, на 100 рожденных девочек – 120,0 умерших ж.п., а в целом, на 100 родившихся об.п. насчитывалось 106,7 умерших) [6]. Общая демографическая ситуация в Омутнинском заводе в 1860 г. (в совокупности по всем группам населения) показана в табл. 6. В этом году в горнозаводском центре мальчиков родилось больше, чем девочек, но и мужчин умерло больше, чем женщин. Тем не менее темп воспроизводства женской части населения отставал от мужской: у жителей м.п. наблюдался нулевой прирост, ж.п. – отрицательный, что в целом привело к убыли населения. В числе умерших преобладали дети.

Незаконнорожденные среди православного населения заводов и рудников встречались редко: в приходе Николаевской церкви в 1820 г. отмечен один мальчик в Омутнинском заводе и одна девочка на рудниках, в 1825 г. – один младенец ж.п. (родила солдатка, проживавшая при Малахеевском руднике), в 1830 и 1840 гг. – по одному младенцу м.п. (на рудниках); в приходе Покровской церкви в 1855 г. – пять незаконнорожденных младенцев (два мальчика – у крестьян Песковского и три – крестьян Омутнинского заводов); в приходе Александровской церкви в 1860 г. – один мальчик (у «вольнопроживающих» в заводском поселке крестьян). В то же время распространение в XIX в. раскола в Омутнинском заводе приводило к увеличению числа незаконнорожденных детей вследствие непризнания официальной церковью старообрядческих браков. Особенно это заметно по ревизской сказке «вечноотданных» и крепостных людей Омутнинского завода 1850 г. [7]. Согласно «Высочайшему повелению» императора Николая I от 10 июня 1850 г. о проведении 9-й «народной переписи», детей раскольников беспоповской секты, рожденных вне брака по православному или единоверческому обряду, в ревизских сказках предписывалось показывать незаконнорожденными. На основании императорского повеления от 8 декабря 1850 г. дети старообрядцев могли быть признаны законными только в том случае, если их родители обвенчаются в православной церкви. Ситуация изменилась лишь во второй половине XIX в., когда Государственный Совет 19 апреля 1874 г. вынес постановление: «Раскольники, записанные в сказках десятой ревизии мужем и женою, признаются состоявшими в законном браке супругами, а показанные по ревизии дети их почитаются их законными детьми, доколе правильность означенных показаний не будет опровергнута по суду...» [8]. Естественно, в метриках православных Николаевской и Покровской церквей проблема старообрядчества не отразилась.

Мертворожденные в обоих православных приходах были выявлены на рудниках (три младенца в 1845, 1850 и 1855 гг.), в Омутнинском заводе – в двух случаях (в 1855 и 1860 гг.); близнецы – по одной паре в 1810, 1815, 1820, 1834, 1850 и 1855 гг.

Анализ сезонности рождаемости православных жителей Омутнинского завода и рудников Глазовского уезда за 1784–1860 гг. показал, что мальчиков рождалось больше преимущественно в начале года (январь–апрель), в июне–июле и ноябре–декабре, причем максимумы рождений чаще всего приходились на февраль, а также апрель, летние месяцы, ноябрь. Подъемы рождений девочек в изучаемые годы наблюдались в разные

месяцы, но чаще – в январе–феврале, апреле, июле, августе, причем максимумы преимущественно отмечены в январе и июле.

Изучение сезонности смертности за тот же период выявило, что в большинстве случаев увеличение смертей православного населения горных округов наблюдалось в феврале, апреле, летние месяцы (характерно для лиц мужского пола), причем максимумы смертности чаще всего приходились на апрель и июнь. Подъемы смертности у лиц женского пола наблюдались в январе, марте и летние месяцы, максимумы, как правило, обнаруживались в июне (частично в августе и январе).

На основе метрических книг были проанализированы половозрастные показатели смертности прихожан Николаевской церкви с. Красноглинского. Изучена смертность мужского и женского населения Омутнинского завода и рудников Глазовского уезда в возрасте до 84 лет, с проведением 5-летней градации возрастных категорий (табл. 7). Заметно, что в 1784–1850 гг. большинство людей умирало в детстве. В среднем за исследованный период младенцы в возрасте до одного года составляли 53,6% от числа умерших м.п. и 40,0% – ж.п. Наибольших величин этот показатель достигал в 1830 и 1840 гг., когда младенцы м.п. насчитывали 80,0% от количества умерших мужчин, а также в 1820 г. – для женской части населения (девочки до одного года составили 83,3% от числа умерших ж.п.). В возрастной категории от одного года до четырех лет среднее арифметическое за 1784–1850 гг. равнялось следующим цифрам: мальчики насчитывали 38,6% от числа умерших м.п., девочки – 39,4% соответственно от числа умерших ж.п. (табл. 7). В возрасте старше 80 лет выявлена лишь одна умершая женщина (в 1810 г.). В качестве основных причин смертности населения в ведомостях записаны: для детей – родимец (судороги), для взрослых – «натуральная» смерть.

Подобная тенденция выявлена и в других приходах. Например, в 1855 г. у жителей заводов и рудников (указанных в табл. 2) прихода Покровской церкви с. Красноглинского младенцы в возрасте до одного года составляли 78,6% от числа умерших м.п. и 33,3% – ж.п.; дети 1–4 лет насчитывали соответственно 14,3% и 26,7%; в пожилом возрасте выявлен лишь один умерший мужчина (в группе от 70 до 74 лет) и две женщины (80–84 года). При этом женская смертность превышала мужскую, особенно в 5–9 и 15–19 лет, а также в трудоспособном возрасте (25–29 лет и 40–44 года) [9]. А в 1860 г. среди крестьян рудников того же прихода все умершие были детьми в возрасте до 14 лет [10]. Аналогично в приходе Александровской церкви Омутнинского завода в 1860 г. дети до одного года насчитывали 46,2% умерших м.п. и 70,0% – ж.п.; дети 1–4 лет – соответственно 30,8 и 20,0%; среди мужчин умершие старших возрастов (от 55 до 79 лет) составляли 23,1% [11].

Здесь проявилось сходство промышленных поселений Глазовского уезда Вятской губернии с основными центрами металлургии Уральского региона. Согласно исследованиям И.П. Мокерова и А.И. Кузьмина, отличительными чертами демографических процессов на Урале были высокий уровень детской смертности (в частности, в 1867–1881 гг. в Пермской губернии дети до 5 лет составляли 54,1% умерших, в то же время в европейской части России этот показатель насчитывал 42,3%) и так называемой «бесполезной рождаемости» (смерть младенцев в возрасте до одного года), незначительные различия между удельным весом умерших в юности и пожилом возрасте, компенсация больших потерь от смертности за счет высокой рождаемости [12]. Следует отметить, что высокая детская смертность в изучаемый период была характерна в целом для Российской империи. По сведениям Б.Ц. Урланиса, на рубеже XVIII–XIX вв. (1798–1805 гг.) мальчики моложе 9 лет составляли 50,2% от общего количества умерших м.п.; в трудоспособном возрасте (20–49 лет) доля умерших м.п. насчитывала 20,1%; в возрасте более 100 лет выявлено лишь 0,08% от числа умерших м.п. В 1806–1814 гг. дети и подростки м.п. в возрастной группе до 15 лет составляли 52,0% умерших, в 1825–1834 гг. – 60,7% (данные по православному населению) [13]. В 1835–1859 гг. дети моложе 9 лет насчитывали в России 59,4% от общего количества умерших м.п., мужчины трудоспособного возраста (20–49 лет) – 17,3% [14]. Б.Ц. Урланис отметил «слабо выраженную модальность ряда»: в возрастных категориях от 10 до 70 лет цифры мало отличались друг от друга, максимальное значение умерших (категория 55–59 лет) превышало минимальное (категория 10–19 лет) всего на треть (т.е. удельный вес умерших по возрастным группам колебался лишь в узких пределах), что свидетельствует «о значительной смертности в самых молодых и цветущих возрастах» [15].

Данные метрических книг позволили исследовать сезонность венчаний (табл. 8). Согласно проведенным расчетам, наибольшее число браков в 1784–1850 гг. в приходе Николаевской церкви заключалось в зимний период (январь–февраль) – 58,0% всех учтенных венчаний, на втором месте по численности были осенние браки (сентябрь–ноябрь) – 24,5% венчаний, в летний период (июнь–август) было заключено 11,0% браков, наименьшее число венчаний приходилось на весну (апрель–май) – 6,5%. В Александровской церкви Омутнинского завода в 1860 г. было заключено пять браков (четыре – в январе и один – в ноябре) [16]. В марте и декабре венчаний не было, поскольку эти месяцы полностью закрывались постами (табл. 8). Православие запрещало венчание во время четырех постов – Великого (48 дней), Рождественского (40 дней), Петрова (20 дней) и Успенского (15 дней), в Рождество, масленицу, пасхальную неделю, в кануны церковных и государственных праздников, по средам, пятницам и воскресеньям. В соответствии с церковным календарем наиболее многочисленные зимние

свадьбы (и зачатия) должны были приводить к всплеску рождаемости в осенние месяцы, осенние свадьбы – к увеличению рождаемости весной–летом, что в реальности далеко не всегда наблюдалось (в частности, подъемы рождаемости встречались и в начале года), т.е. роль церковных запретов в регулировании рождаемости фактически была номинальной.

Представляет интерес сословная принадлежность «бракосочетавшихся». Как видно из табл. 9, основная доля венчаний в промышленных поселениях трех приходов (в среднем 56,9% учтенных браков за 1784–1860 гг.) приходилась на крестьян Омутнинского и других заводов Глазовского и Слободского уездов Вятской губернии и частично – рабочих рудников. Смешанные в социальном отношении браки (жители и работники заводов и рудников + государственные крестьяне сельской округи) занимали второе по распространенности место (43,1%). В большинстве случаев вступали в матримониальные отношения «отроки» и «девки», т.е. брак был первым как для жениха, так и для невесты. Так, в 1790 г. в приходе Николаевской церкви венчались крестьянин сельской округи и дочь жителя Песковского завода («починка Дубровского отрок Василей Ефимов сын Гирев Песковского завода жителя Симеона Сюткина с дочерью его девкою Марфою») [17], в 1850 г. – крестьянин Кирсинского завода М.М. Ситчихин и крестьянка Омутнинского завода А.П. Корчемкина [18].

Повторные браки были более распространены среди смешанных пар (табл. 9), а в целом насчитывали 13,8% от учтенного числа венчаний по трем приходом за 1784–1860 гг. Как правило, вдовцы женились на девушках (14 случаев, или 63,6% от рассмотренного числа повторных браков), в меньшей степени – на вдовах (пять случаев, 22,7%), реже заключались браки отроков с вдовами (три случая, 13,6% повторных браков). К примеру, в 1850 г. в приходе Николаевской церкви венчались крепостной крестьянин Лавровского рудника К.Ф. Карачаров, православный, 32 года, вторым браком и крепостная крестьянка Залазнинского завода Е.И. Конюхова, православная, 25 лет, первым браком [19].

В метриках Николаевской церкви встречались и смешанные в конфессиональном отношении пары, в частности, в 1830 г. трижды упоминались женихи-старообрядцы – крепостные крестьяне Омутнинского завода, а в 1834 г. из пяти браков между крепостными крестьянами Омутнинского и Пудемского заводов четыре заключены старообрядцами.

Указание возрастов жениха и невесты появляется в метриках с 1840 г. В большинстве исследованных молодых супружеских пар (54,6%) в 1840–1860 гг. жених был старше невесты (разница в возрасте составляла от одного года до 15 лет), в 24,2% венчаний невеста была старше жениха (на 1–5 лет), в 15,1% случаях супруги были одного возраста (и еще в двух парах (6,1%) возраст невесты пропущен в метриках) (табл. 10).

Абсолютный брачный возраст (в котором заключалось наибольшее число браков) составлял 18–24 года для лиц м.п. (82,4% случаев) и 16–23 года для лиц ж.п. (86,7%) (рис. 4). Соблюдалось правило, по которому мужчины могли венчаться с 18 лет, а женщины – с 16. Средний возраст вступления в первый брак в 1840–1860 гг.: у молодых людей – 20,3, у девушек – 19,4 лет. Повторные браки мужчин приходились на 28, 32, 38, 40 и 46 лет (средний возраст 36,8 лет), женщин – на 25 лет (средний возраст 25 лет).

Подводя итог вышесказанному, отметим, что в конце XVIII – середине XIX в. демографические процессы в Омутнинском заводе и на рудниках трех православных приходов Глазовского уезда Вятской губернии характеризовались маятниковыми колебаниями уровней рождаемости и смертности. В большинстве изученных лет в промышленных поселениях мальчиков рождалось больше, чем девочек, но и мужчин умирало больше, чем женщин (тем не менее в отдельные годы ситуация кардинально менялась, вследствие чего, к примеру, на рудниках расчеты в среднем за период показали высокую смертность женской части населения). На рудниках смертность была выше и, следовательно, ниже темпы воспроизводства населения, чем в Омутнинском заводе. Увеличение смертности наблюдалось в разные сезоны, но в меньшей степени – в осенние месяцы. Обращает на себя внимание превалирование детской смертности. Тем не менее скорость воспроизводства населения способствовала сохранению в изучаемый период большей частью положительного демографического баланса. Браки жителями завода и рудников заключались в раннем возрасте, по правилам православного вероисповедания, как в пределах своей социальной группы (горнозаводское население), так и с крестьянами ближайших деревень и мещанами уездных центров (г. Глазова и г. Слободского). Можно предположить, что специфика демографической ситуации определялась условиями труда (для мужчин Омутнинского завода и рудников – на металлургическом производстве, для женщин – в домашнем хозяйстве), санитарным состоянием, уровнем медицинской помощи. Сохранение высокого уровня рождаемости и смертности говорит о господстве в изучаемый период традиционного типа воспроизводства населения. В целом, по демографическим характеристикам заводы и рудники Глазовского уезда принадлежали уральскому горнопромышленному району.

Источники и литература

1. Гришкина М.В. Удмуртия в эпоху феодализма (конец XV – первая половина XIX в.). Ижевск, 1994. С. 159–160.
2. Голубев П.А. Двухсотлетие русской горной промышленности // Материалы по изучению Пермского края. Пермь, 1904. Вып. 1. С. 69–70.

3. Православные храмы Удмуртии: Справочник-указатель. Ижевск: Удмуртия, 2000. С. 201–202.
4. Центральный государственный архив Удмуртской Республики (ЦГА УР). Ф. 134. Оп. 1. Д. 1662. Л. 87–92; Д. 1682. Л. 1–6об.; Д. 1758. Л. 1–5; Д. 1803. Л. 348–354; Д. 1817. Л. 424–432об.; Д. 1834. Л. 951–966об.; Д. 1877. Л. 720–736; Д. 1903. Л. 238–254об.; Д. 1936. Л. 651–669об.; Д. 1957. Л. 351–363об.; Д. 2002. Л. 519–543об.; Д. 2068. Л. 1–55; Д. 2133. Л. 207об.–259; Д. 2180. Л. 458–534; Д. 2284. Л. 1–79; Д. 2352. Л. 1064–1124, 1229–1261.
5. Историко-статистический сборник сведений по вопросам экономического и культурного развития Вятского края / Сост. П. Голубев. Вятка, 1896. С. 16–17.
6. ЦГА УР. Ф. 134. Оп. 1. Д. 2352. Л. 1229–1245, 1250об.–1261.
7. Государственный архив Кировской области (ГАКО). Ф. 176. Оп. 8. Д. 118. Л. 109–177.
8. Правила о метрической записи браков, рождений и смерти раскольников. Вятка, 1874. С. 4.
9. ЦГА УР. Ф. 134. Оп. 1. Д. 2284. Л. 55–79.
10. ЦГА УР. Ф. 134. Оп. 1. Д. 2352. Л. 1103–1124.
11. Там же. Л. 1250об.–1261.
12. Мокеров И.П., Кузьмин А.И. Экономико-демографическое развитие семьи. М., 1990. С. 13–16.
13. Урланис Б.Ц. Эволюция продолжительности жизни. М., 1978. С. 24.
14. Там же. С. 25.
15. Там же. С. 23, 25.
16. ЦГА УР. Ф. 134. Оп. 1. Д. 2352. Л. 1246об.–1249.
17. ЦГА УР. Ф. 134. Оп. 1. Д. 1682. Л. 5.
18. ЦГА УР. Ф. 134. Оп. 1. Д. 2180. Л. 500об.
19. Там же. Л. 498об.

Группы населения заводов и рудников в метриках православной Николаевской церкви с. Красноглинского Глазовского уезда Вятской губернии в 1784–1850 гг.

Социальные категории	Жители и работники Омутнинского завода		Жители Песковского завода	Служители и работники рудников Курочкина и Мосолова	«Вольнопроживающие» на рудниках крестьяне	Члновники Уральского горного правления	Нижние горные чины (унтер-шихтмейстеры)	Всего
	«Вольнопроживающие» крестьяне	Крепостные крестьяне						
1784 г.	Род. 11м, 6ж	–	–	3м, 1ж	3м, 1ж	–	–	17м, 8ж
	Ум. 5м, 2ж	–	–	4м, 6ж	–	–	–	9м, 8ж
1790 г.	Род. 17м, 10ж	–	1м, 0ж	3м, 2ж	–	–	–	21м, 12ж
	Ум. 3м, 1ж	–	–	2м, 1ж	–	–	–	5м, 2ж
1795 г.	Род. 7м, 9ж	–	–	3м, 2ж	–	–	–	10м, 11ж
	Ум. –	–	–	1м, 0ж	–	–	–	1м, 0ж
1800 г.	Род. 13м, 10ж	–	–	1м, 0ж	–	–	–	14м, 10ж
	Ум. –	–	–	1м, 0ж	–	–	–	1м, 0ж
1805 г.	Род. 8м, 8ж	–	–	2м, 1ж	–	–	–	10м, 9ж
	Ум. 1м, 1ж	–	–	1м, 2ж	–	–	–	2м, 3ж
1810 г.	Род. 20м, 16ж	–	–	2м, 1ж	–	–	–	22м, 17ж
	Ум. 21м, 15ж	–	–	0м, 3ж	–	–	–	21м, 18ж
1815 г.	Род. 26м, 26ж	–	–	8м, 2ж	–	–	–	34м, 28ж
	Ум. 14м, 5ж	–	–	3м, 1ж	–	–	–	17м, 6ж
1820 г.	Род. 23м, 31ж	–	–	2м, 7ж	–	–	–	25м, 38ж
	Ум. 1м, 2ж	–	–	1м, 4ж	–	–	–	2м, 6ж
1825 г.	Род. 7м, 2ж	–	–	3м, 5ж	–	–	–	10м, 7ж
	Ум. 7м, 4ж	1м, 0ж	–	2м, 4ж	–	–	–	10м, 8ж
1830 г.	Род. 7м, 3ж	0м, 1ж	–	4м, 5ж	–	–	–	11м, 9ж
	Ум. 3м, 0ж	–	–	2м, 1ж	–	–	–	5м, 1ж
1834 г.	Род. 7м, 11ж	2м, 0ж	0м, 1ж	9м, 5ж	–	–	–	18м, 17ж
	Ум. 2м, 1ж	–	0м, 1ж	2м, 4ж	–	–	–	4м, 6ж
1840 г.	Род. 11м, 6ж	–	–	–	3м, 3ж	–	–	14м, 9ж
	Ум. 2м, 4ж	–	–	–	3м, 0ж	–	–	5м, 4ж
1845 г.	Род. 9м, 7ж	–	2м, 3ж	–	9м, 7ж	1м, 0ж	–	21м, 17ж
	Ум. 2м, 3ж	–	–	–	5м, 3ж	–	–	7м, 6ж
1850 г.	Род. 7м, 10ж	–	–	–	4м, 10ж	–	0м, 1ж	11м, 21ж
	Ум. 7м, 5ж	–	–	–	5м, 9ж	–	–	12м, 14ж

Примечания: м – чел. мужского пола, жс – чел. женского пола; род. – родилось, ум. – умерло.

Источники: ЦГА УР. Ф. 134. Оп. 1. Д. 1662. Лл. 87–89об., 90об.–92; Д. 1682. Лл. 1–4об., 6–6об.; Д. 1758. Лл. 1–3об., 5; Д. 1803. Лл. 348–351, 354; Д. 1817. Лл. 424–427, 430–432об.; Д. 1834. Лл. 951–956, 963–966об.; Д. 1877. Лл. 720–727об., 732–736; Д. 1903. Лл. 238–246об., 252–254об.; Д. 1936. Лл. 651–658об., 665–669об.; Д. 1957. Лл. 351–356, 361–363об.; Д. 2002. Лл. 519–529об., 541–543об.; Д. 2068. Лл. 1–24, 42об.–55; Д. 2133. Лл. 207об.–236, 245об.–259; Д. 2180. Лл. 458–492, 505–534.

Группы населения заводов и рудников в метриках православной Покровской церкви с. Красноглинского Глазовского уезда Вятской губернии в 1855 и 1860 гг.

Социальные категории	Омутнинский завод				Песковский завод «Вольнопрож- вающие» крестьяне	Пудемский завод «Вольнопрож- вающие» крестьяне	На рудниках		Всего
	Военно- служащие	Лекарский ученик	Служи- тели	Крестьяне			Крес- тыяне	Крепост- ные	
1855 г.	Род. Ум.	1м, 0ж 1м, 0ж	1м, 0ж -	3м, 3ж 2м, 2ж	7м, 5ж 2м, 2ж	2м, 0ж -	8м, 8ж 7м, 8ж	0м, 1ж 0м, 2ж	22м, 17ж 14м, 15ж
1860 г.	Род. Ум.	- -	- -	- -	- -	- -	1м, 2ж 3м, 2ж	4м, 5ж 2м, 1ж	5м, 7ж 5м, 3ж

Примечания: м – чел. мужского пола, ж – чел. женского пола; род. – родился, ум. – умерло.

Источники: ЦГА УР. Ф. 134. Оп. 1. Д. 2284. Л. 1–38, 55–79; Д. 2352. Л. 1064–1095, 1103–1124.

Таблица 3

Группы населения Омутнинского завода в метриках заводской православной Александровской церкви в 1860 г.

Социальные категории	Духо- венство	Семья завод. управляющего А.И. Котовщи- кова, купца г. Долматова	Англ. подданные (семья Ф.И. Эванса)	Крепост- ные кре- стьяне	Солдаты	«Вольнопрож- вающие» крестьяне	Семья воен. кантиониста, переведенного в крестьянское сословие	Вятские и слободские мещане	Крепостные единоверцы Пудемского завода	Всего

Примечания: м – чел. мужского пола, ж – чел. женского пола; род. – родился, ум. – умерло.

Источники: ЦГА УР. Ф. 134. Оп. 1. Д. 2352. Л. 1229–1245, 1250об.–1261.

Таблица 4

Демографические процессы в православных приходах Николаевской и Покровской церквей с. Красноглинского в 1784–1860 гг.

По всем группам населения заводов и рудников	Годы	1784	1790	1795	1800	1805	1810	1815	1820	1825	1830	1834	1840	1845	1850	1855	1860
		На 100 мальчиков рождались девочек	50,0	57,1	110,0	71,4	90,0	77,3	82,4	152,0	70,0	81,8	94,4	64,3	81,0	190,9	77,3
На 100 мужчин умирали женщин	88,9	40,0	-	-	150,0	85,7	35,3	300,0	80,0	20,0	150,0	80,0	85,7	116,7	107,1	60,0	
На 100 родившихся м.п. приходились умерших м.п.	64,3	23,8	10,0	7,1	20,0	95,5	50,0	8,0	100,0	45,5	22,2	35,7	33,3	109,1	63,6	100,0	
На 100 родившихся ж.п. приходились умерших ж.п.	114,3	16,7	-	-	33,3	105,9	21,4	15,8	114,3	11,1	35,3	44,4	35,3	66,7	88,2	42,9	
На 100 родившихся умирали всего	81,0	21,2	4,8	4,2	26,3	100,0	37,1	12,7	105,9	30,0	28,6	39,1	34,2	81,3	74,4	66,7	

Источники: ЦГА УР. Ф. 134. Оп. 1. Д. 1662. Л. 87–89об., 90об.–92; Д. 1682. Л. 1–4об., 6–6об.; Д. 1758. Л. 1–3об., 5; Д. 1803. Л. 348–351, 354; Д. 1817. Л. 424–427, 430–432об.; Д. 1834. Л. 951–956, 963–966об.; Д. 1877. Л. 720–727об., 732–736; Д. 1903. Л. 238–246об., 252–254об.; Д. 1936. Л. 651–658об., 665–669об.; Д. 1957. Л. 351–356, 361–363об.; Д. 2002. Л. 519–529об., 541–543об.; Д. 2068. Л. 1–24, 42об.–55; Д. 2133. Л. 207об.–236, 245об.–259; Д. 2180. Л. 458–492, 505–534; Д. 2284. Л. 1–38, 55–79; Д. 2352. Л. 1064–1095, 1103–1124.

Таблица 5

Демографические процессы в Омутнинском заводе и на рудниках прихода Николаевской церкви с Красноглинского в 1784–1850 гг.

Годы	1784	1790	1795	1800	1805	1810	1815	1820	1825	1830	1834	1840	1845	1850
На 100 мальчиков рождалось девочек	33,3	66,7	66,7	–	50,0	50,0	25,0	350,0	166,7	125,0	55,6	100,0	77,8	250,0
На 100 мужчин умирало женщин	150,0	50,0	–	–	200,0	–	33,3	400,0	200,0	50,0	200,0	–	60,0	180,0
На 100 родившихся м.п. приходилось умерших м.п.	133,3	66,7	33,3	100,0	50,0	–	37,5	50,0	66,7	50,0	22,2	100,0	55,6	125,0
На 100 родившихся ж.п. приходилось умерших ж.п.	600,0	50,0	–	–	200,0	300,0	50,0	57,1	80,0	20,0	80,0	–	42,9	90,0
На 100 родившихся умирало всего	250,0	60,0	20,0	100,0	100,0	100,0	40,0	55,6	75,0	33,3	42,9	50,0	50,0	100,0
На 100 мальчиков рождалось девочек	54,6	58,8	128,6	76,9	100,0	80,0	100,0	134,8	28,6	57,1	122,2	54,5	77,8	142,9
На 100 мужчин умирало женщин	40,0	33,3	–	–	100,0	71,4	35,7	200,0	57,1	–	50,0	200,0	150,0	71,4
На 100 родившихся м.п. приходилось умерших м.п.	45,5	17,7	–	–	12,5	105,0	53,8	4,3	100,0	42,9	22,2	18,2	22,2	100,0
На 100 родившихся ж.п. приходилось умерших ж.п.	33,3	10,0	–	–	12,5	93,8	19,2	6,5	200,0	–	9,1	66,7	42,9	50,0
На 100 родившихся умирало всего	41,2	14,8	–	–	12,5	100,0	36,5	5,6	122,2	27,3	15,0	35,3	31,3	70,6

Источники: ЦГА УР. Ф. 134. Оп. 1. Д. 1662. Л. 87–89об., 90об.–92; Д. 1682. Л. 1–4об., 6–6об.; Д. 1758. Л. 1–3об., 5; Д. 1803. Л. 348–351, 354; Д. 1817. Л. 424–427, 430–432об.; Д. 1834. Л. 951–956, 963–966об.; Д. 1877. Л. 720–727об., 732–736; Д. 1903. Л. 238–246об., 252–254об.; Д. 1936. Л. 651–658об., 665–669об.; Д. 1957. Л. 351–356, 361–363об.; Д. 2002. Л. 519–529об., 541–543об.; Д. 2068. Л. 1–24, 42об.–55; Д. 2133. Л. 207об.–236, 245об.–259; Д. 2180. Л. 458–492, 505–534.

Таблица 6

Демографические процессы в Омутнинском заводе в 1860 г.

Год	1860
На 100 мальчиков рождалось девочек	69,2
На 100 мужчин умирало женщин	76,9
На 100 родившихся м.п. приходилось умерших м.п.	100,0
На 100 родившихся ж.п. приходилось умерших ж.п.	111,1
На 100 родившихся умирало всего	104,5

Источник: ЦГА УР. Ф. 134. Оп. 1. Д. 2352. Л. 1229–1245, 1250об.–1261.

Половозрастной состав умерших в промышленных поселках прихода православной Николаевской церкви с Красноглинского в 1784–1850 гг.

Возраст	1784*		1790*		1795		1800		1805		1810		1815		1820		1825		1830		1834		1840**		1850**	
	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж
До 1 г.	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
1-4	3	-	3	-	-	-	-	-	2	14	11	2	1	2	1	1	-	5	-	-	-	1	1	-	2	5
5-9	4	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2	-	7	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1
10-14	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	2	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-
15-19	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	1	-	1	-	-	-	-	-	1	1	-	-	-
20-24	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1
25-29	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
30-34	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1
35-39	-	-	-	-	-	-	-	-	1	1	-	-	-	-	-	-	-	-	3	-	1	-	-	-	-	-
40-44	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-
45-49	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	1	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	1	1	-	-	-
50-54	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	2	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-
55-59	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	1	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-
60-64	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	1
65-69	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2	-	2	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
70-74	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	1	2
75-79	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	1
80-84	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Итого	9	8	5	2	1	0	1	0	2	3	21	18	17	6	2	6	10	8	5	1	4	6	5	4	12	14

Примечания: м – чел. мужского пола, ж – чел. женского пола.

* В ранних метриках возраст умерших ж.п. не указан; ** отмечены только «вольнородивающиеся» в Омутнинском заводе и на рудниках крестьяне.

Источники: ЦГА УР. Ф. 134. Оп. 1. Д. 1662. Л. 90об.–92; Д. 1682. Л. 6–6об.; Д. 1758. Л. 5; Д. 1803. Л. 354; Д. 1817. Л. 430–432об.; Д. 1834. Л. 963–966об.; Д. 1877. Л. 732–736; Д. 1903. Л. 252–254об.; Д. 1936. Л. 665–669об.; Д. 1957. Л. 361–363об.; Д. 2002. Л. 541–543об.; Д. 2068. Л. 42об.–55; Д. 2180. Л. 505–534.

Таблица 8
Сезонность венчаний населения заводов и рудников в православных приходах Николаевской и Покровской церквей с. Красноглинского в 1784–1860 гг.

Годы	1784	1790	1795	1800	1805	1810	1815	1820	1825	1830	1834	1840*	1845*	1850*	1855**	1860**	Итого
Январь	2	3	1	–	5	10	1	8	9	3	4	2	3	2	1	–	54
Февраль	–	–	–	8	3	7	8	–	–	2	3	–	3	1	–	1	36
Март	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Апрель	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1	–	–	–	–	–	–	1
Май	–	–	–	–	–	2	–	1	–	1	1	–	–	–	4	–	9
Июнь	5	–	–	–	–	–	–	–	–	1	1	1	–	1	–	–	9
Июль	–	–	–	5	–	–	–	–	–	–	–	1	–	–	–	1	7
Август	–	–	–	–	–	–	–	–	1	–	–	–	–	–	–	–	1
Сентябрь	–	–	1	–	–	–	–	–	–	–	2	–	–	1	–	1	5
Октябрь	–	–	–	–	–	2	–	2	2	2	–	–	–	6	–	1	13
Ноябрь	3	–	–	1	1	–	2	1	–	4	2	–	2	2	1	1	20
Декабрь	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Итого	10	3	2	14	9	21	11	10	12	14	13	4	8	13	6	5	155

* Указаны только «вольнопроживающие» при заводах и рудниках крестьяне в приходе Николаевской церкви.

** Указаны прихожане Покровской церкви с. Красноглинского.

Источники: ЦГА УР. Ф. 134. Оп. 1. Д. 1662. Л. 90–90об.; Д. 1682. Л. 5; Д. 1758. Л. 4–4об.; Д. 1803. Л. 352–353об.; Д. 1817. Л. 428–429об.; Д. 1834. Л. 958–962; Д. 1877. Л. 728–731об.; Д. 1903. Л. 247–251об.; Д. 1936. Л. 659–664об.; Д. 1957. Л. 357–359об.; Д. 2002. Л. 535–540; Д. 2068. Л. 34об.–40; Д. 2133. Л. 236об.–243; Д. 2180. Л. 493–504; Д. 2284. Л. 43–49; Д. 2352. Л. 1096–1102.

Таблица 9

Сословная принадлежность вступающих в брак в промышленных поселках православных приходов Николаевской и Покровской церквей с. Красноглинского и Александровской церкви Омутнинского завода в 1784–1860 гг.*

Категория	Сословия	Кол-во пар	%	В том числе 2-й брак
Население заводов и рудников	Жители/крестьяне Омутнинского завода	71	44,4	8 (11,3%)
	Жители Песковского завода	1	0,6	1 (100,0%)
	Жители/крестьяне Омутнинского + жители др. заводов (Пудемского, Климовского, Кириновского, Холунинского)	5	3,1	–
	Жители/крестьяне заводов (Песковского, Залазинского) + работники/жители рудников	7	4,4	1 (14,3%)
	Работники/жители рудников	7	4,4	–
Итого		91	56,9	10 (11,0%)
Семьянные пары	Жители/крестьяне Омутнинского завода + крестьяне окрестных деревень	14	8,8	4 (28,6%)
	Жители/крестьяне Песковского завода + крестьяне окрестных деревень	9	5,6	3 (33,3%)
	Работники/жители рудников + крестьяне окрестных деревень	43	26,9	5 (11,6%)
	Мещанин г. Слободского + дочь «вольнопроживающего» крестьянина Песковского завода	1	0,6	–
	Мещанин г. Слободского + дочь «вольнопроживающего» крестьянина Омутнинского завода	1	0,6	–
Житель рудника + дочь глазовского мещанина, проживавшего в Песковском заводе	1	0,6	–	
Итого		69	43,1	12 (17,4%)
Всего		160 пар		

* Рассмотрены не все венчания приходов, а только с участием жителей заводов и рудников.

Источники: ЦГА УР. Ф. 134. Оп. 1. Д. 1662. Л. 90–90об.; Д. 1682. Л. 5; Д. 1758. Л. 4–4об.; Д. 1803. Л. 352–353об.; Д. 1817. Л. 428–429об.; Д. 1834. Л. 958–962; Д. 1877. Л. 728–731об.; Д. 1903. Л. 247–251об.; Д. 1936. Л. 659–664об.; Д. 1957. Л. 357–359об.; Д. 2002. Л. 535–540; Д. 2068. Л. 34об.–40; Д. 2133. Л. 236об.–243; Д. 2180. Л. 493–504; Д. 2284. Л. 43–49; Д. 2352. Л. 1096–1102; Д. 2352. Л. 1246об.–1249.

Соотношение возрастов молодоженов в промышленных поселках приходов Николаевской и Покровской церквей с. Красноглинского и Александровской церкви Омутинского завода в 1840–1860 гг.*

Разница в возрасте	Количество пар	На 1 год	На 2 года	На 3 года	На 4 года	На 5 лет	На 6 лет	На 7 лет	На 8 лет	На 10 лет	На 15 лет	На 19 лет
Одногодки	5	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Муж старше жены	18	4	2	3	1	2	1	1	1	1	1	1
Жена старше мужа	8	3	1	3	—	1	—	—	—	—	—	—
Итого	31**	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—

* Рассмотрены не все венчания приходов, а только с участием жителей заводов и рудников.

** Всего в указанные годы было выявлено 33 пары, но в двух метриках не отмечен возраст невесты; кроме того по техническим причинам невозможно прочитывать возраст в метрической книге за 1845 г.

Источники: ЦГА УР. Ф. 134. Оп. 1. Д. 2068. Л. 34об.–40; Д. 2180. Л. 493–504; Д. 2284. Л. 43–49; Д. 2352. Л. 1096–1102; Д. 2352. Л. 1246об.–1249.

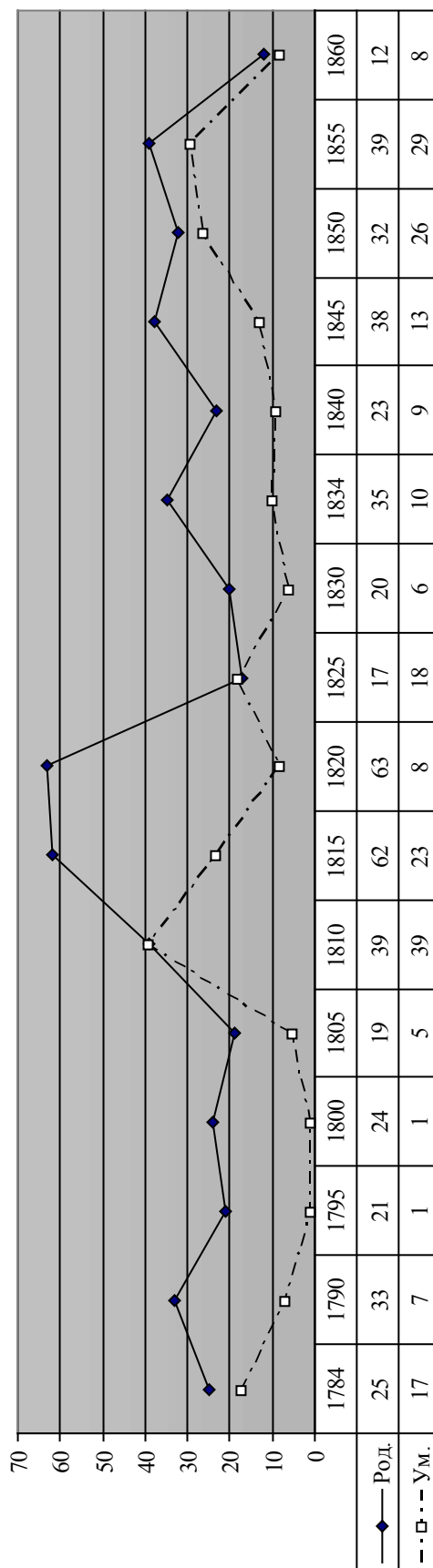

Рис. 1. Рождаемость и смертность в православных приходах Николаевской и Покровской церквей с. Красноглинского в 1784–1860 гг. (по всем группам населения об. п. заводов и рудников).

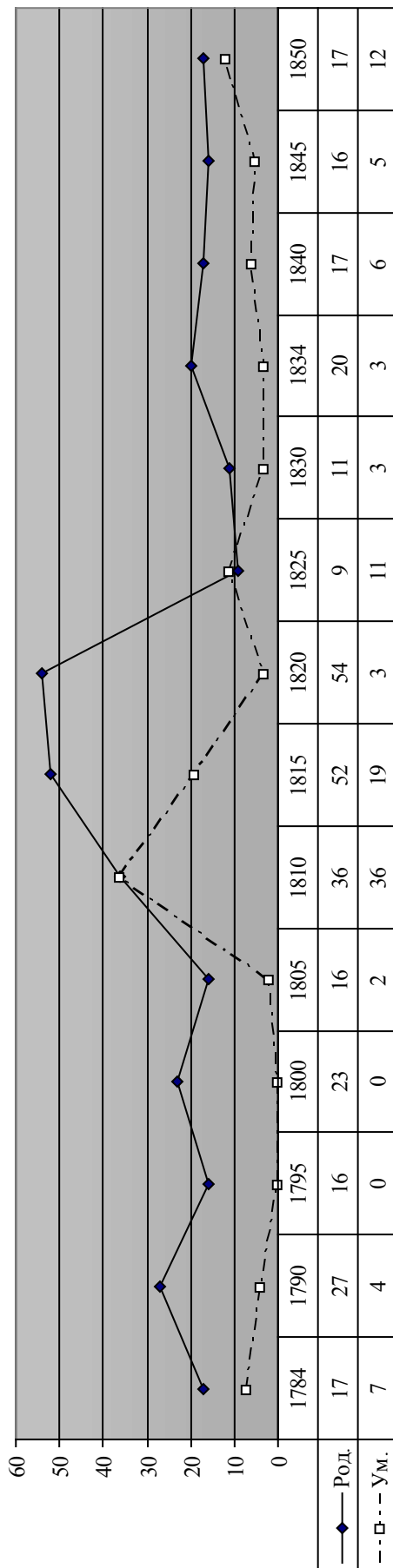

Рис. 2. Рождаемость и смертность православного населения (об. п.) Омутнинского завода в 1784–1850 гг.

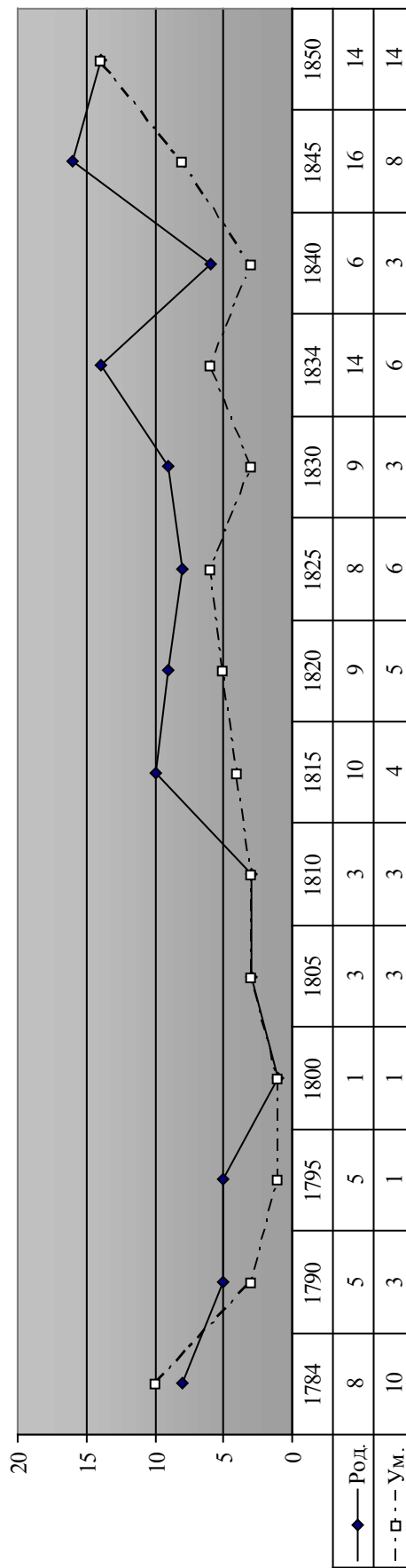

Рис. 3. Рождаемость и смертность православного населения (об. п.) на рудниках прихода Николаевской церкви в 1784–1850 гг.

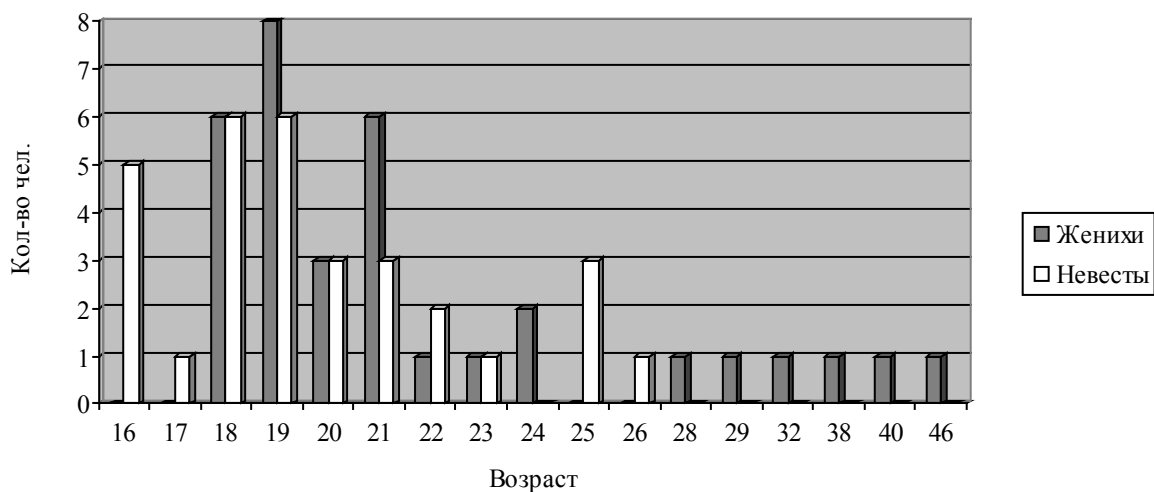

Рис. 4. Возраст вступления в брак в промышленных поселках приходов Николаевской и Покровской церквей с. Красноглинского и Александровской церкви Омутнинского завода (1840–1860 гг.).

Динамика численности должностных лиц крестьянского управления на территории Коми края в XVIII в.

Исследование истории крестьянской поземельной общины и ее функций на территории Европейского Севера и Коми края имеет давнюю традицию. В работах П.А. Колесникова, М.М. Богословского, Е.Н. Баклановой и др. неоднократно подчеркивалась роль крестьянской поземельной организации при решении вопросов как экономического, так и административного характера [1].

Цель настоящей статьи – рассмотреть численность крестьянского управления общиной на территории Коми края, проанализировать его динамику и выявить основные тенденции. Для ее достижения были использованы как опубликованные, так и неопубликованные источники, находящиеся в различных архивохранилищах страны [2]. Хронологические рамки исследования выбраны не случайно. Как известно, XVIII век – это время упрочения на Европейском Севере системы «государственного феодализма», при котором отсутствовало помещичье землевладение, а крестьянин подчинялся посредством выплаты денежных налогов и выполнения натуральных повинностей государственным органам.

В изучаемое время территория Коми края была представлена тремя уездами: Яренским, Усть-Сысольским (1780 г.) и Печорским. Во второй половине XVIII в. здесь появились первые металлургические предприятия (Кажимский, Нювчимский и Нючпасский заводы), продолжал работать Сереговский солеваренный, начинается освоение первых нефтяных скважин на р. Ухта, увеличилось количество торжков и ярмарок. Коми население принимало активное участие в строительстве г. Санкт-Петербурга, освоении Сибири, а также в общегосударственных мероприятиях, например, при составлении наказов в Комиссию по составлению нового соборного уложения 1767–1768 гг.

Население края продолжало оставаться крестьянским. Однако его статус в изучаемое время изменился. Вместо «черносошных» появились «государственные» крестьяне, а вместо «монастырских» – «экономические». Подворное обложение было заменено на подушное, при этом выполнение повинностей и сбор денежных налогов были, как и в предыдущее время, возложены на крестьянскую организацию – сельскохозяйственную общину [3].

Крестьянская община в территориальном отношении относилась к общине-волости и состояла из общин-деревень. Однако общиной могла быть и отдельная деревня. Управление краем до 1787 г. было представлено уездной канцелярией во главе с воеводой, а также таможенным и уездным целовальниками. После 1787 г. на их место пришли уездные суды, казенные палаты и казначейства. Им подчинялось крестьянское управление, выбираемое на крестьянских сходах. До 1786 г. в его компетенцию входили самые разнообразные вопросы: раскладка денежных налогов, прием и отпуск из волости, выполнение натуральных повинностей и др. Количество его участников зависело от количества душ мужского пола в волости. Обычно на сходе присутствовали главы семейств, а при их отсутствии – лица, их заменяющие [4].

После 1786 г. сход на изучаемой территории изменился. Во-первых, наряду с волостными, на изучаемой территории начинают действовать деревенские сходы; во-вторых, расширяется круг обсуждаемых вопросов. При этом следует признать, что одним из основных на протяжении всего XVIII в. оставался вопрос, касающийся выборов крестьянского управления. Оно развивалось под воздействием двух факторов: системы феодальных отношений и традиций, определяемых нормами «обычного» права. Особенно ярко это проявилось при функционировании местных выборных органов власти. В связи с этим возникает вопрос о месте и роли выборных должностных лиц в системе феодальных отношений, однозначного ответа на который до настоящего времени в исторической литературе не существует [5].

Крестьянское управление представляло собой определенный круг должностных лиц, различающихся по функциональной принадлежности. Первая – лица, следящие за «сохранением порядка и спокойствия» в волостях. Обычно это «сотские», «пятидесятские», «десятские» и др. Вторая группа – лица, отвечающие за поступление денежных налогов и сборов, а также выполнение повинностей. Они были представлены целовальниками, «отдатчиками», сборщиками и т.д. Третья – группа лиц или лицо, решающее организационные вопросы (созыв схода, разбор семейных и иных конфликтов и т.д.). Этим обычно занимались старосты, помощники старост, всевозможные выборные.

Рассмотрим каждую группу. Лица, выполнявшие полицейскую функцию – это сотский, пятидесятский, десятский. По указам 1711, 1759, 1760 1761 гг. основной их задачей являлось «оберегать крестьян от злых людей,

* **Гагиева Анна Капитоновна** (Сыктывкар) – доктор исторических наук, профессор Коми республиканской академии государственной службы и управления.

разбойников, воров и, узнав о них, доносить в воеводскую канцелярию» [6]. Количество сотских зависело от количества мужского населения волости. Однако в связи с тем, что деревни были удалены друг от друга, то в волости для более тщательного контроля выбирались один или несколько сотских, или один или несколько десятских и пятидесятских. Возраст сотского составлял 25-50 лет. Кроме этого, главными требованиями при выборе на эту должность являлись: вера в Бога, трезвость, скромность, справедливость, степенность и семьянистость. Не последнее место занимала и «прожиточность» будущего руководителя, т.е. он должен был относиться к «средним» или «лучшим» крестьянам [7].

На протяжении исследуемого периода, как показывают архивные материалы, наблюдается увеличение количества сотских, пятидесятских и десятских (в 1704 г. – три, 1714 – 14, 1725 – 15, 1767 – 27, 1787 – 98, 1790 – 156) [8]. Увеличение количества должностных лиц, выполняющих полицейскую функцию, к концу исследуемого периода связано как с внешними факторами – крестьянской войной под предводительством Е.И. Пугачева, усилением полицейского контроля, так и с общим развитием феодализма.

Вторая группа – волостной целовальник и его помощники: соляной, винный, рекрутский и др. Они занимались сбором с крестьян денежных налогов, отправкой полученных сумм в уездный город. Если целовальники отвечали за продажу соли и вина в уездах, то они обязаны были два раза в год отчитываться перед уездными органами за взятые на продажу товары [9].

Критерии выбора на эти должности были те же, что и у сотского, однако целовальники отличались от сотских тем, что если сотский не отчитывался на мирском сходе, то целовальник нес персональную ответственность за каждый рубль и копейку. Как показывают архивные документы, бывали случаи, когда целовальника «миром» смещали с должности за воровство и пьянство [10]. Кроме них, в крестьянских общинах Коми края существовали и «мирские целовальники», которые отвечали только за сбор денежных налогов с крестьян волости. В деревнях эту функцию выполняли помощники волостных целовальников. Как показывают материалы Яренской воеводской канцелярии, нередки случаи, когда данные должностные лица злоупотребляли своим положением. Наказание в этом случае было неотвратимо: целовальника смещали с должности как по решению канцелярии, так и на «мирском сходе» [11]. Что касается количества целовальников, то до конца изучаемого периода количество волостных целовальников не менялось, но количество его помощников увеличилось в два раза [12].

Третья группа – волостной и деревенский старосты, надсмотрщик, лесничий, сторож, караульный и другие выборные. Наиболее значимая для жизни крестьянской организации здесь – это волостной староста. Обычно на эту должность выбирался, как указано в мирских приговорах, «человек степенный, рассудительный, в Бога верующий, семьянистый, средний». Количество старост в волости не было стабильным: в начале исследуемого периода – один или два на волость, с 1786 г. количество их возросло, так как данное должностное лицо появилось и в деревнях. К 1790 г. общее количество старост в Усть-Сысольском уезде составило 186 чел., а в Яренском – 202 [13].

Таким образом, должностные лица управления решали разные задачи, но объединяло их одно: они все были выходцами их крестьянского сословия и жили в традиционной крестьянской среде. Количество должностных лиц на протяжении XVIII в. увеличивалось. Это было связано как с усложнением задач, стоящих перед крестьянской организацией, так и с усилением власти государства. Впереди была реформа П.Д. Киселева, которая коренным образом изменила не только крестьянскую общину, но и ее управление.

Источники и литература

1. Колесников П.А. Северная деревня в XV – первой половине XIX в. Вологда, 1976. 416 с.; Богословский М.М. Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. М., 1909. Т. 1. 221с.; Бакланова Е.Н. Крестьянский двор и община на Севере в XVII в. М., 1976. 221 с. и др.

2. Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА); Национальный архив Республики Коми (далее – НАРК) и др.

3. Очерки по истории Коми АССР. Сыктывкар, 1955. Т. 1. 352 с.; История Коми АССР. 2-е изд., доп. Сыктывкар, 1981. 480 с.; История Коми с древнейших времен до конца XX века. В 2-х т. Сыктывкар, 2004.

4. Гагиева А.К. Община Крестьян Коми Края во второй половине XVIII века: Автореф. дис... канд. истор. наук. Л., 1987. 21 с.

5. Там же.

6. Там же. С. 5.

7. РГАДА. Ф. 609. Оп. 1, 2, 3. Д. 1–172, 640–689 и др.; Ф. 403. Оп. 1, 2. Д. 265–298 и др.

8. Там же.

9. Там же.

10. Там же

11. Гагиева А.К. Указ. соч.

12. РГАДА. Ф. 609. Оп. 1, 2, 3. Д. 1–172, 640–689 и др.; Ф. 403. Оп. 1, 2. Д. 265–298 и др.

13. Там же.

Историко-демографические особенности населения Астраханского края

В России первые попытки учета численности (мужского) населения страны были предприняты при Петре I, в его «ревизских сказках», а также в «Духовном регламенте» (1722), предписавшем священникам вести учет рождаемости и смертности младенцев каждые четыре месяца в специальных книгах. Демографические исследования представляли собой специальные «опросники», составленные В. Татищевым и М. Ломоносовым (XVII–XVIII вв.). Впервые идею государственной организации медицинского дела обосновал и научно разработал австрийский врач-клиницист, гигиенист И. Петер Франк (1745–1821), автор девятитомного труда «Система всеобщей медицинской полиции». В 1805–1808 гг. он был ректором Петербургской медико-хирургической академии, где развивал идеи «всеобщей медицинской полиции». Идеи государственной организации медицинского дела мы встречали в уставе «Союза благоденствия» и «Русской правде» у декабристов (1817–1824). «Государственная власть» – самый лучший доктор, – в 1785 г. заявил профессор Московского университета Ф. Керестури. Однако реализация всех этих идей отодвинулась на целое столетие.

Первые попытки демографического описания населения Астраханского края относятся к XVIII в. Астраханская губерния была создана указом Петра I от 22 ноября 1717 г. Ее территория с 1708 г. входила в состав Казанской губернии. В состав учрежденной Астраханской губернии вошли следующие города с прилегающими территориями: Астрахань, Гурьев Яицкий (ныне Гурьев), Дмитриевск (ныне Камышин), Петровск, Самара, Симбирск (ныне Ульяновск), Сызрань, Терек, Царицын (ныне Волгоград), Красный Яр, Черный Яр и Кизляр.

Особенностью заселения Астраханского края является разнообразие видов миграции: беглая, торговая, служилая, крестьянская вольная и крепостная. Особо можно выделить миграцию кочевую и полукочевую. Все они были в основном полиэтничными, хотя в каждую были вовлечены особые группы этносов. До середины XVIII в. ведущими фигурами в колонизации края являлись «вольный переселенец» и «военный элемент». Они завершали освоение низовых земель, заняв обширные пространства вверх по Волге, скрываясь от своих хозяев.

В самом начале XVIII в. появилось казачье население – «черкасы-малороссияне». Их поселение П.Г. Любомиров датировал примерно 1710 г. и позже. Другая украинская группа (промышленного и торгово-транзитного образа занятий) – крестьянско-казачья по изначальному статусу, возникла в середине XVIII в. в районе больших соляных озер, сначала при оз. Эльтон, а затем к концу века вокруг оз. Баскунчак. Помимо городского и сельскохозяйственного этнического лица края во многом определяло и степное кочевое, и полукочевое население – калмыки, торгоуты, дербеты, хошеуты [1].

Помимо оседавшего тюркского крестьянства степного происхождения, в Астраханский край в XVIII в. проникали и укоренялись здесь представители тюркских, частично финно-угорских народов Среднего Поволжья. Первыми поселенцами в Астраханском крае из Среднего Поволжья стали чуваша, основавшие около 1750 г. с. Каменный Яр Черноярского уезда. В 1782 г. к ним были подселены новой группой чуваша, мордва и татары, а к 1790 г. уже резко пополнилось число татар. По ревизии 1795 г. в Каменном Яру проживали 196 чел. мордвы, 152 татарина и 127 чувашей. Через два-три года чуваша и мордва переселились отсюда на другой берег Волги, основав с. Сасыколи, а несколько позднее они появились в селах Зеленга и Маково современного Володарского района Астраханской области. В 80–90-х гг. XVIII в. прибывающая в край сельская средне-волжская миграция имела исключительно татарский этнический характер, хотя и внутренне разнородный [1].

Более-менее свободное переселение на Нижнюю Волгу привело к резкому увеличению к концу XVIII в. населения края, его многонациональному составу. По-прежнему самой многочисленной группой населения, после русских, являлись калмыки. Полукочевые и оседлые народы были представлены почти 12 тыс. чел. карагашей (с частью бурутов), 6 тыс. юртовцев (с эмекам и их потомками), 2,5 тыс. туркмен, 1,5 тыс. утаров с бурутами, 0,5 тыс. тулугановских кундровцев. Казаки славянского происхождения с крупными иноэтническими вкраплениями составляли к концу века 7,5 тыс. чел. Среди государственных крестьян русских (с украинцами) насчитывалось до 1 тыс. чел. Столько же было переселенцев из народов Среднего Поволжья (татары, мордва, чуваша), причем среди них татары преобладали – до 600 чел. Большинство русских было среди так называемых «сходцев», «зашедших», т.е. беглых, вольнопоселенцев – до 7 тыс. чел., и тем более среди крепостных крестьян, переводимых из Верхнего Поволжья и центра России, – от 2-3 тыс. в 80-х гг. в начале XVIII в. до 5 тыс. к концу его [1].

* **Волошенко Кирилл Вадимович** (Астрахань) – кандидат медицинских наук, ассистент кафедры философии, биоэтики с курсами истории отечества, истории медицины и культурологи Астраханской государственной медицинской академии, voloshenko71@mail.ru.

Таким образом, к концу XVIII в. здесь были представлены все основные этнические элементы будущего устойчивого населения поймы, дельты и окрестных местностей Астраханского края. Единственной крупной этнической миграцией на территорию края, происшедшей в начале XIX в., в 1801 г., явилось переселение «Внутренней» или «Букеевской» Орды, население которой со временем превратилось в одну из основных групп этносовета Нижневолжского региона.

XIX век привнес новые изменения в административно-территориальное деление. Они касались в основном уточнения границ губернии. Указом от 15 ноября 1802 г. Астраханская губерния была разделена на Астраханскую и Кавказскую. Астраханская губерния по размерам территории была в числе наиболее обширнейших в Европейской России: к 1861 г. ее площадь превышала 19 млн. десятин. Она занимала Прикаспийскую низменность. Окраинный характер местности, долгое время малозаселенной и слабо освоенной в хозяйственном отношении, придавал ей черты общности.

Основную роль в экономическом освоении края сыграли народные переселения, и, в первую очередь, беглые крепостные крестьяне, составившие ядро народонаселения Астраханской губернии. По неполным данным, только в начале XIX в. здесь проживало более 20 тыс. беглых крестьян. Однако наличие многочисленного беглого крестьянства еще не означало признания его прав. Они признавались постепенно, как легальными, так и полунелегальными формами. Крайне медленно происходило организованное переселение государственных крестьян. В 1806 г. было переселено 254 чел. мужского пола, в 1809 г. – 131, в 1810 г. – 335, в 1812 г. – 228. Со второй четверти XIX в. темпы переселения государственных крестьян увеличиваются. С 1825 по 1838 г. в Астраханскую губернию были переселены 6388 чел. мужского пола. С 1839 по 1850 г. число государственных крестьян увеличилось всего на 757 чел. Намеченное в 1846 г. образование 44 станиц на калмыцких землях дало толчок к новым переселениям. Основную массу переселенцев составили государственные крестьяне Воронежской, Рязанской, Тамбовской, Смоленской, Курской и Полтавской губерний [1].

В начале XIX в. усилился поток «самовольцев». Это были своеобразный, стихийный протест против бюрократической волокиты и попытка обойти обязательное требование к переселенцам – погашение недоимки и внесение двойной уплаты всех сборов вплоть до новой ревизии. В начале 30-х гг. XIX в. «самовольцев» в Астраханскую губернию пришло более тысячи человек мужского пола. Материалы доклада Астраханского губернатора графу П.Д. Киселеву свидетельствуют, что в 1837 г. в губернии насчитывалось «самовольно зашедших» 1297 чел., в то время как официально разрешенных всего 506 [1].

Резкое увеличение удельного веса самовольных переселенцев последовало в 1850-е гг. в связи с разрешением селиться на калмыцких землях, причем следует заметить, что «самовольцы» были в большинстве своем зажиточными крестьянами. Сословие Астраханских государственных крестьян формировалось из легализованных беглых крепостных, переселенцев и прочих категорий крестьян. Общая численность государственных крестьян Астраханской губернии увеличилась с 8347 чел. мужского пола в 1799 г. до 87355 чел. в 1857 г. [1].

Что же касается городского населения, то его сословный состав был довольно пестрым. Это – купцы, мещане, ремесленники, крестьяне-отходники, военные, а также ссыльные дворяне, придающие городу определенное своеобразие.

По данным переписи 1897 г., население Астраханской губернии насчитывало 1 003550 чел. (обоего пола). Однако плотность населения оставалась крайне низкой (4,8 чел. на 1 кв. версту). Для сравнения: в Саратовской губернии – 32,6 чел. При этом следует отметить существенный прирост населения по сравнению с 1851 и 1858 гг. (на эти годы имеются статистические данные): так, например, по отношению к 1851 г. в 1897 г. прирост составил 251%. Объясняется это не столько естественным приростом, сколько притоком в край нового населения из других областей России. И если по правую сторону Волги колонизационный процесс к концу XIX в. уже в основном завершился, то заволжские степи Самарской и Астраханской губерний по-прежнему привлекали к себе переселенцев из других губерний.

В административном отношении Астраханская губерния была представлена пятью уездами, а также Калмыцкой и Киргизской степями на правах уездов, 13 станами и 49 волостями. Соотношение сельского и городского населения выглядело следующим образом: сельского – 86,3%, городского – 13,7%. При этом процент городского населения в Астраханской губернии был выше, чем в соседних Самарской и Казанской. Сам губернский центр (Астрахань) в конце XIX в. считался крупным городом Поволжья – третьим после Саратова и Казани. Активный рост этих городов был отмечен с 60-х гг. XIX в. Сословное соотношение в губернии также было нетипичным: крестьяне составляли 73% населения, а 27% – прочие сословия. А так как инородцы Астраханской губернии (калмыки и киргизы) не считались крестьянами, то они сильно увеличивали процент «прочих сословий» [1].

Самым крупным городом был г. Астрахань, в нем проживало 112800 жителей, из них 84330 мужчин и 28470 женщин. Астрахань имела огромное торговое значение, она использовалась в качестве «склада товаров» для торгового пути, идущего из Персии (Ирана) и Средней Азии в Россию. Городское население Астрахани составляло 86,2% от общего городского населения губернии [2].

Мужское население преобладало над женским за счет притока сезонных рабочих, приезжающих работать в летнее время на рыбные промыслы: на каждые 1000 мужчин было 954 женщины. Если рассматривать возрастной состав населения, то в его возрастной структуре самую большую долю составляли люди в возрасте от «0» до 9 лет – 26,5%, начиная с 10 лет эти цифры падают и наименьшее их число составляют лица в возрасте от 50 лет и старше – 6,6%. Можно сделать вывод, что в Астраханской губернии были высокая рождаемость, высокая младенческая и повозрастная детская смертность и низкая средняя продолжительность жизни. По национальному составу население Астраханской губернии делилось следующим образом: первое место по численности составляло русское население (40,8%), на втором месте – киргизы (25%), третьем – калмыки (13,8%).

По вероисповеданию население Астраханской губернии на момент проведения 1-й Всеобщей переписи населения распределялось на православных – 63,2%, раскольников – 0,5, католиков – 0,1, армяно-григориан – 1, евреев – 0,1, магометан – 25 и язычников – 10%.

Грамотность населения определялась с 10-летнего возраста, грамотных было всего 20,5%, причем среди городских жителей показатель был выше, чем среди сельских, особенно он был низким среди жителей степных районов (киргизы, калмыки). В абсолютных единицах грамотность среди женщин была в 3 раза ниже, чем среди мужчин. Лица, получившие образование выше начального, составляли всего 5%, самый высокий процент среднего образования был среди русского населения (48%). Число лиц с высшим образованием составляло всего 1%.

Первой Всеобщей всероссийской переписи населения уделяла внимание местная печать. Например, публиковались такие сообщения: «В настоящее время весь переписной материал, полученный всероссийской переписи, сосредоточен в переписной комиссии. Приступлено к выверке переписных листов по отдельным губерниям, после чего весь материал поступит в пробивные станки, и уже после этого будет применена работа электрических счетчиков. Результаты будут известны в ближайшие месяцы».

Очень много содействовал переписи населения в Астраханской губернии секретарь Астраханского губернского статистического комитета Артемий Назарович Котельников. Он окончил мужскую гимназию, слушал курс наук в Петербургском университете, некоторое время жил в Париже. Выпустил несколько брошюр о переписи населения в 1897 г., выступал с критикой рутинности, бюрократизма, которые царили в казенных статистических учреждениях. Впоследствии стал известным журналистом и издателем. Сотрудничал в петербургской газете «Наша жизнь», открыл книжный магазин, издавал газету «Наш день», журнал «Жизнь Кавказа». На свои деньги опубликовал первые рассказы неизвестного тогда А. Грина. За участие во Всеобщей переписи населения он был награжден специальной медалью. Медаль была выполнена из темной бронзы. На лицевой стороне в обрамлении лавровых листьев – вензель императора Николая II. Вокруг надпись «Первая всеобщая перепись населения». На оборотной стороне: «За труды по первой всеобщей переписи населения, 1897» [3].

Источники и литература

1. История Астраханского края. Астрахань: Изд-во Астраханского гос. пед. ун-та, 2000. 1122 с.
2. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Астрахань, 1899. Тетр. 1. 12 с. Тетр. 2. 13 с.
3. Марков А. Сто лет назад. Астраханская губерния на меже веков. Астрахань, 2006. 535 с.

Демографические и этнические процессы в Казанской губернии

Там, где сливаются две крупные реки Восточно-Европейской равнины – Волга и Кама, правительственным Указом от 1802 г. была образована крупная административная единица – Казанская губерния. По внешнему виду губерния представляет параллелограмм, вытянутый с северо-запада на юго-восток. Длинная диагональ его составляла 442 км (415 верст), короткая – 352 км (330 верст). Общая площадь губернии составляла около 60 тыс. км² и превосходила по своей величине площадь «западных» стран Бельгии, Голландии и Швейцарии. На севере она граничила с Вятской губернией, на востоке – с Уфимской. Далее следовали губернии: Самарская, Симбирская и Нижегородская. В административном отношении Казанская губерния разделялась на 12 уездов: Казанский, Лаишевский, Мамадышский, Краснококшайский, Чебоксарский, Козмодемьянский, Ядринский, Цивильский, Свижский, Тетюшский, Спасский и Чистопольский. В уездах находилось 177 волостей. Позднее в состав губернии был еще включен Елабужский уезд [1, 5].

Плотность населения Казанской губернии, по данным Всероссийской переписи 1897 г., составляло 39 чел. на 1 кв. версту (или примерно 37 чел./км²). В качестве сравнения интересно отметить плотность населения в государствах Западной Европы: например, в Германии в это же время на 1 кв. версту приходилось 142 жителя (133 чел./км²), в Бельгии – почти 300 (280 чел./км²). Что касается России, то здесь плотность населения была гораздо меньше, а именно на 1 кв. версту приходилось 22 чел. (21 чел./км²). Среди 50 губерний Европейской России Казанская губерния занимала 23-е место. По отдельным уездам плотность сильно варьировала: в Казанском она составляет 70 (66), в Краснококшайском – 16 (15) чел. на 1 кв. версту (км²) [4, 5].

В табл. 1 показана численность общего, мужского и женского населения Казанской губернии, численность сельского (население уездов) и городского населения в 1916 г. Цифры взяты из данных переписи 1916 г., которая проводилась в условиях Первой мировой войны и разрухи, на фоне противоречий между общественно-политическим строем и насущными социально-экономическими потребностями страны. В связи с этим по военным обстоятельствам население сократилось и изменилось соотношение полов, городское население начало увеличиваться за счет сельского населения, ввиду того, что часть его двинулась в города вследствие большого числа вновь открывшихся предприятий. Рассмотрим эту таблицу более подробно [5, 6].

Таблица 1

Численность населения Казанской губернии в 1916 г.

Население уездов и городов	Численность населения		
	Мужчины	Женщины	Всего
Казанский	106 040	139 640	245 680
Козмодемьянский	47 178	61 824	109 002
Краснококшайский	54 628	71 262	125 890
Лаишевский	84 468	106 177	190 645
Мамадышский	97 851	117 260	215 111
Свияжский	61 741	81 094	142 835
Спасский	92 489	110 246	202 735
Тетюшский	92 998	117 114	210 112
Цивильский	86 155	101 915	188 070
Чебоксарский	63 519	78 114	141 633
Чистопольский	152 277	183 428	335 705
Ядринский	75 147	95 161	170 308
Население городов	141 870	153 335	295 205
Всего в уездах	1 014 491	1 263 235	2 277 726
Всего по губернии	1 156 361	1 416 570	2 572 931

Источник: Перцов В.В. *Очерк статистики...*, 1919; *Статистический...*, 1916.

сударственной, общественной и частной службе (в этот счет включены поденщики, прислуга), составляли 12%; на личные средства и пособия существовали 4% жителей. На прочие занятия приходится 2%.

В 1914 г. население губернии составляло 2 850 101 чел., из них 1 430 931 муж. и 1 419 170 жен. (на 100 муж. приходилось 99 жен.): в том числе жителей городов – 270 124, т.е. 9% всего населения. По сравнению с 1916 г. отношение полов здесь обратное: тогда как больший процент женщин, здесь – мужчин, что объясняется тем, что регистрация (перепись) производилась до войны и все мужчины были на лицо. Вместе с тем городское население составляло только 9% от общего населения губернии [5, 6].

По условиям преобладающим было крестьянское – 94%, на долю мещан приходилось 4% и на долю прочих – 2%. Крестьянское землевладение составляло 3/5 площади всей губернии. Причем необходимо отметить, что пригодными для ведения сельского хозяйства земель в губернии было 92%. Остальные (8%) это были так называемые «неудобные земли» [5].

Главным занятием жителей Казанской губернии было сельское хозяйство. В нем занято около 70% населения, в обрабатывающей промышленности – 9%, торговле – 3%. Лица, находящиеся на го-

* Гасанов Ильнар Мамедович (Казань) – ассистент кафедры физической и экономической географии факультета географии и экологии Казанского (Приволжского) федерального университета, littlerussia@mail.ru.

Таким образом, Казанская губерния была типично земледельческой: почти 3/4 населения имело источником существования сельское хозяйство. Рассмотрим сведения о числе селений по уездам губернии, а также показатели численности жителей, приходящихся на одно селение (табл. 2).

Таблица 2
Число селений по уездам Казанской губернии и среднее число жителей на одно селение по данным на 1907 г.

Название уездов	Среднее число жителей на одно селение	Число селений
Казанский	618	413
Козмодемьянский	217	476
Краснококшайский	250	490
Лаишевский	707	294
Мамадышский	713	313
Свияжский	862	176
Спасский	290	205
Тетюшский	908	247
Цивильский	577	329
Чебоксарский	330	419
Чистопольский	1153	301
Ядринский	325	519
Всего по губернии	558	4182

Источник: Перцов В.В. *Очерк статистики...*, 1919.

Наибольшее число жителей, приходящихся на одно селение, было в Чистопольском уезде, наименьшее – в Козмодемьянском. По сравнению с другими губерниями Казанская занимала среднее место по размеру селений – на каждое селение в ней приходится 558 жителей обоего пола, тогда как в степных губерниях – 970, в центральных – 447 и в северных – 144.

Этнический и национальный состав населения весьма разнообразен. Русское население (с великорусского племени) составляло 1/3 населения (33,8%), примерно столько же татары как представители тюркского племени (32,6%) и чувашаи (25,7%). Последние по своему происхождению представляли смесь финского племени с тюркскими элементами; народ в значительной степени был отатаренный, говорящий на тюркском языке, жил здесь очень давно. Остальное население исчислялось меньшинством. К ним относились народы финского происхождения: черемисы – 6%, мордва – 1%, вотяки – приблизительно 0,5% [5].

В табл. 3 представлен в процентном соотношении этнический состав населения по уездам. Русские преобладали в немногих уездах, но с подавляющим преимуществом: в Свияжском – 67,6, в Спасском – 57,3, в Лаишевском – 56%. Татары больше населяли Мамадышский уезд – 71,1%, затем Казанский – 55 и Тетюшский – 50,2%. Чувашаи занимали сплошное пространство в западной части губернии: в Ядринском уезде составляют 93,1%, Цивильском – 81,6, Чебоксарском – 71,8%. Черемисы преобладали только в одном Краснококшайском уезде – 56,3%, и в довольно значительном количестве населяли также Козмодемьянский уезд – 39,5%. Черемисы живут по обеим сторонам Волги, и поэтому разделяются на луговых и горных, причем между ними есть разница и в бытовом отношении, и языке. Мордва жила в небольшом количестве в Чистопольском, Спасском и Тетюшском уездах. Вотяки поселились преимущественно в Мамадышском уезде – 4,5% и отчасти Казанском – 0,6%.

Таблица 3
Этнический состав населения уездов Казанской губернии в 1916 г.

Название уездов	Русские	Татары	Чувашаи	Черемисы	Мордва	Вотяки
Казанский	41,9	55,0	–	2,5	–	0,6
Козмодемьянский	9,1	–	51,4	39,5	–	–
Краснококшайский	22,0	21,6	–	56,3	–	–
Лаишевский	56,0	43,9	0,1	–	–	–
Мамадышский	23,3	71,1	–	1,1	–	4,5
Свияжский	67,6	30,9	1,5	–	–	–
Спасский	57,3	31,1	7,4	–	4,2	–
Тетюшский	29,9	50,2	17,1	–	2,8	–
Цивильский	8,2	10,2	81,6	–	–	–
Чебоксарский	12,3	2,9	71,8	13,0	–	–
Чистопольский	46,1	32,9	17,6	–	3,4	–
Ядринский	6,9	–	93,1	–	–	–
Всего по губернии	33,8	32,6	25,7	6,3	1,1	0,5

Источник: Перцов В.В. *Очерк статистики...*, 1919; *Статистический...*, 1916.

Динамика полового состава сельского населения выглядела следующим образом: во время последней ревизии 1858 г. на 100 мужчин приходилось 107 женщин, по переписи 1897 г. – 104, в 1907 г. количество полов сравнялось (100 на 100), в 1914 г. количество женщин сократилось до 99, т.е. прежнее преобладание женщин уступает свое место мужскому полу. Это явление отмечалось во всех уездах.

Прирост населения составлял в среднем 1,1% в год. У отдельных народностей прирост выражался следующими цифрами: татары – 1,2, чувашаи – 1,1, русские – 1,0, черемисы – 0,9%. Данный показатель, как известно, зависит исключительно от естественных причин, соотношения рождаемости и смертности. Эмиграция из Казанской губернии совершенно ничтожна – только небольшая часть жителей направлялась в Сибирь. Иммиграция еще менее значительна. Зная средний процент прироста и воспользовавшись простой логарифмической формулой, можно сосчитать, что при приросте равным 1,1%, население губернии удваивалось в течение 63 лет [3, 5].

Как известно, раньше юридическим положением в нашей стране определяли разряды крестьян, которые составляли основу всего сельского населения. Их разделяли на бывшие государственные (85%), удельные (2%) и бывшие владельческие (13%).

Бывшие владельческие крестьяне были освобождены от крепостной зависимости манифестом 19 февраля 1861 г. Помещик должен был отвести им землю за определенный выкуп. Но надел обычно давался небольшой, сумма же выкупа была довольно велика: она представляла собой капитализированный из 6% оброк, который устанавливался по особым нормам и превышал существовавшую тогда арендную плату за землю [2, 3].

Бывшие удельные крестьяне находились в распоряжении удельного ведомства, которое заведовало всем имуществом, принадлежавшим лицам бывшей императорской фамилии. Удельные крестьяне были освобождены от крепостной зависимости несколько раньше владельческих крестьян, а именно в 1858–1859 гг., но устройство их быта произошло только в 1863 г.

Бывшие государственные крестьяне крепостными не были, числились свободными людьми. Поселены они были на государственных землях, за использование которых несли определенные повинности. Устройство их быта относится к 1866 г. Этот разряд крестьян наиболее обеспеченный: у них были самые крупные земельные наделы, сумма же выкупных платежей была вдвое меньше, чем у владельческих [1, 3, 5].

Кроме этих главных разрядов имелись еще два второстепенных. Это – «отставные нижние чины», из бывших николаевских солдат, наделенные казенными землями и так называемые «свободные хлебопашцы. Последний разряд образовался в силу указа Александра I, изданного в 1803 г. Сущность его заключалась в том, что каждый помещик имел право освободить своих крепостных крестьян, при условии наделения их землей, безвозмездно или за известную плату. На основании этого закона было освобождено по всей России более 100 тыс. чел. В Казанской губернии имелось только пять деревень, населенных свободными хлебопашцами [3, 5].

Источники и литература

1. Аминов А.М. Справочник по истории Татарстана. Казань. 1997. 102 с.
2. История отечественного государства и права: учебник / Под ред. Р.С. Мулукаева. М.: История ЦОКР МВД России, 2006. 600 с.
3. Мифтахов З.З. Курс лекций по истории татарского народа. Казань: Дом печати, 1998. Ч. 1. 488 с.
4. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. СПб., 1903. Т. XIV: Казанская губерния.
5. Перцов В.В. Очерк статистики и экономики Казанской губернии. Казань: 4-я Государственная типо-литография, 1919. С. 3–19.
6. Статистический ежегодник России 1916 г. Петергоф, 1918. Вып. I.

Военнопленные I Мировой войны на Урале: проблемы изучения демографических характеристик**

В результате I Мировой войны на Урале оказались десятки тысяч поверженных солдат и офицеров неприятельских армий. Сколько их было, сказать точно весьма затруднительно. Из источников, однако, явствует, что к середине 1915 г. в экономике края использовался труд более 22 тыс. обезоруженных солдат противника [1]. К лету 1916 г. статистика уральского плена значительно подросла, достигнув показателя в более чем 50 тыс. чел., а в следующем 1917 г. преодолела планку в 70 тыс. чел. [2]. Формирование на территории края внушительной «армии» поверженных неприятельских военнослужащих не могло не повлиять на функционирование относительно стабильных институтов и практик регионального и местного значения, и тот факт, что пленные иностранцы были не более чем социальной переменной, этого влияния не отменял. Степень же этого влияния во многом зависела не только от совокупных этнокультурных или социо-профессиональных характеристик пленных, но и от характеристик демографических. Их изучение остается для отечественной историографии проектом, реализация которого достаточно проблематична по причине отсутствия соответствующих источников.

Безнадёжный дефицит не только первичной, но и вторичной демографической информации объясняется тем, что I Мировая война практически не знала централизованного систематического (подекадного, поквартального и, наконец, погодного) учета пленных и их статусов. По давно заведенной традиции отвоёвавшихся военнослужащих противника принято было учитывать персонально, каждого в отдельности, что в условиях массового захвата неприятельских солдат и офицеров привело к полной неразберихе и вынудило российские власти инициировать всероссийскую перепись вражеских военнопленных. «Принятие на точный учет весьма важно для самих военнопленных, как для более скорого получения корреспонденции, так и для своевременного производства их эвакуации на родину по окончании войны», – указывалось в одном из документов эпохи [3]. Для проведения переписи был разработан целый пакет документов, начиная с общей инструкции и заканчивая персональными бланками [4]. Однако результаты запланированной на 10–20 октября 1917 г. масштабной акции по регистрации военнопленных не известны [5]. Источники свидетельствуют, что на Урале она затянута, а где-то, возможно, и вообще не состоялась из-за дефицита учетных карточек и разногласий между различными инстанциями в вопросе о том, кто же должен заниматься первичным учетом пленных на местах [6].

За отсутствием всезнающей, по расхожому мнению, статистики при воссоздании демографического облика военнопленных I Мировой войны на Урале допустимо, на мой взгляд, использовать всевозможные косвенные данные, а также отрывки и обрывки сведений, которые изначально могли быть и не самыми главными для того или иного документа и фиксировались «за кампанию» с другими, более важными. Интерпретация таких нестандартных данных не может быть названа валидной, исходя из цели создания исторических посланий. Вместе с тем по условиям сбора сведений их результаты могут быть интерпретированы как достаточные для постановки проблемы и конструирования исследовательской гипотезы. При этом сквозь призму невалидных данных «измеряемые» качества военнопленных, очевидно, могут быть представлены не только закономерностями и типическими корреляциями, но и показателями, выходящими за скобки общей суммы аналоговых характеристик. Такой подход к проблеме общего и особенного, единичного и множественного, постоянных и переменных применительно к определению демографического портрета военнопленных вопрос о точности исследуемых эмпирических индикаторов, безусловно, не снимает, не превращает косвенные и фрагментарные сведения в конструктивно валидные. Данная презумпция корреспондирует с активно осваиваемой в последние годы отечественными гуманитариями следопытным методом или методом абдукции, хотя и не безусловно укладывается в его рамки. Этот подход противопоставляет привычным аналитическим процедурам, основанным на количественных методах исследования, заостренное внимание к частным фактам, сопрягая которые историк вправе претендовать не только на их оригинальную коллекцию. Побочное и предельно частное при их обстоятельном изучении способны вывести не просто к другому частному, но и к универсальной взаимосвязи процессов и явлений, изначально казавшихся автономными [7].

Половозрастные характеристики пленных

Даже не специалисту ясно, что вопрос о гендерных характеристиках пленных как социальной единицы является излишним. Поспорить с этим трудно, равно как и с тем, что война традиционно являлась и является

* Суржикова Наталья Викторовна (Екатеринбург) – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора локальной истории и истории повседневности Института истории и археологии УрО РАН, snvplus@mail.ru.

** Работа подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 11-31-00-702м.

мужским занятием и потому, когда речь идет о ее непосредственных участниках, не предполагает никакой гендерной интриги. Интриги, действительно, не было, но прелюбопытные казусы случались. Газета «Уральская жизнь», к примеру, в мае 1915 г. ошарашила свою аудиторию новостью о том, что военнопленный австриец, проживавший в одной из деревень Тюменского уезда, «оказался женщиной и на днях ... родил» [8]. Другое издание, «Зауральский край», сообщило в октябре 1915 г., что «между отправляемыми за последнее время через Екатеринбург пленными были две немки-добровольцы, солдаты пулеметной команды» [9]. Тоскующая публика уездного центра, писала газета, «пулеметками» сразу заинтересовалась, долго их «разглядывала» и выяснила, что эти женщины – мать и дочь.

Основываясь на приведенных свидетельствах, можно констатировать, что в числе пленных, помимо мужчин, присутствовали и женщины, доля которых в генеральной совокупности была, по всей вероятности, близка к арифметической погрешности, а, возможно, и еще незначительной. Очевидно поэтому, что наличие среди десятков тысяч пленных мужчин нескольких женщин едва ли серьезно повлияло на типические черты пребывавших на Урале военнослужащих противника. Но даже будучи единичными и не вписываясь в общую картину, приведенные выше факты со всей наглядностью экспонируют как реализованную тенденцию тотализации войны, которая проявилась в вооруженном конфликте 1914–1918 гг. в самых разных плоскостях социального со-бытия.

В свете тенденции тотализации войны можно рассматривать и возрастные особенности военнопленных. Фрагментарные сведения, демонстрирующие закономерности распределения пленных между поколенческими генерациями, указывают на вовлечение в ряды военнослужащих вражеских армий мужчин самого разного возраста, начиная с подросткового и заканчивая преклонным. Анализ двух десятков именных списков, в которых запечатлены «персональные данные» порядка 10% пленных, оказавшихся на Урале, обнаруживает, что среди вражеских солдат и офицеров подавляющее большинство (около 80 %) составляли лица 18–35 лет. В их числе, в свою очередь, доминировала группа пленных в возрасте от 18 до 25 лет (свыше 30%). 28% приходилось на долю военнопленных 26–30 лет и свыше 20% – 31–35 лет [10]. При этом наибольшим разрывом в возрасте отличались пленные турецкой армии, самому молодому из которых было 14 лет, а пожилому – 65 лет. Пленные австро-венгерской, германской и болгарской армий представляли собой более гомогенные группы, возрастная дистанция между членами которых составляла ровно 30 лет и колебалась в промежутке от 17 до 47 лет.

Поскольку возрастные характеристики не являются константами, следует признать приведенные выше подсчеты не более чем ориентировочными. Однако тот факт, что за 1914–1918 гг. пленные могли благополучно перейти из одной поколенческой генерации в другую, не отменяет вывода об их преимущественной принадлежности к наиболее активным в социальном плане возрастным группам. Находящиеся, что называется, в расцвете сил пленные неизбежно превращались в стратегически важный ресурс, использование которого помогло смягчить проблему дефицита рабочих рук в стране, но, как показал опыт, оказалось чревато. Превалирование среди пленных людей относительно молодых, а потому деятельных, способствовало их превращению в чувствительный раздражитель для уже сложившихся в локальном сообществе систем социальных взаимодействий и противодействий, контактов и контрастов, структур и механизмов. Иначе говоря, совокупные возрастные характеристики пленных оказались таковы, что их переход от пассивного наблюдения за происходившим вокруг к активному участию в конструировании и реконструировании актуальной реальности стал лишь делом времени.

Смертность

Среди очевидных характеристик демографического поведения пленных следует отметить смертность, динамика которой, правда, не подлежит строгому определению ни в человеках, ни в процентах, ни в промилле. Вместе с тем доступные источники позволяют вполне однозначно аттестовать ее причины и характер. Пренебрегая требованиями «гиперсциентизма», но, опираясь на данные о возрасте военнопленных, можно с полной уверенностью утверждать, что смертность пленных была ранней, преждевременной и обуславливалась главным образом так называемыми социальными болезнями или болезнями экзогенного свойства (табл. 1, 2). В числе последних выделялись тиф и цинга, ставшие причинами эпидемий в с. Верхние Муллы под Пермью, городах Камышлове (1915 г.), Невьянске, Верхотурье (1916 г.), Богословском горном округе (1915 г.), Архангело-Пашийском (1916 г.) и Коноваловском (Усть-Сылвицком) заводах (1917 г.) [11]. Надо сказать, что преобладание среди причин гибели пленных эпидемических заболеваний отражало общую ситуацию в стране, 39 губерний которой уже к середине 1915 г. были отмечены вспышками всевозможных заболеваний [12]. Есть основания полагать, что в последующие годы положение лишь ухудшилось, особенно с началом Гражданской войны, во время которой в Россию пришла печально знаменитая «испанка», унесшая жизни более миллиона человек [13]. Можно также предположить, что смертность пленных I Мировой войны на Урале едва ли отличалась аномально высокими цифрами на фоне среднерегionalных показателей, традиционно более высоких, чем по стране в целом. Скорее, наоборот, поскольку среди вражеских военнослужащих не было и не могло быть младенческой и детской смертности, составлявшей заметную долю в суммарной смертности уральцев.

**Список военнопленных, захороненных в 1917 г. на приходском кладбище
Кизеловской Свято-Троицкой церкви Соликамского уезда**

Дата смерти	Ф.И.О.	Возраст	Причина смерти*
12.01.1917	Лазич Иванг	30	Кровавый понос
16.01.1917	Генрих Штихмент	38	Понос
02.02.1917	Мейер Франц	38	Язва желудка
16.02.1917	Иоган Лоогель	29	Чохотка
17.02.1917	Янош Шебейштектн	23	Чохотка
11.02.1917	Вильгельм Буш	36	Воспаление легких
11.02.1917	Пауль Байчук	23	Оспа
12.02.1917	Николай Уушн	29	Воспаление головного мозга
01.03.1917	Музаль Эрнест	37	Цинга
08.03.1917	Фяткей Анреш	22	Чохотка
13.03.1917	Марио Иааннов Брегант	24	Тиф
16.03.1917	Миллер Юзеф	23	Чохотка
18.03.1917	Пирок Михаль	26	Хроническое воспаление брюшины
18.03.1917	Шенкеннер Энгельберт	23	Воспаление легких
20.03.1917	Славик Януш	24	Воспаление легких
16.03.1917	Клай Мартин	41	Чохотка
01.04.1917	Гельмут Родкевич	24	Крупозное воспаление легких
16.04.1917	Миллер Юлеф	23	Чохотка
23.04.1917	Штойки Пауль	29	Крупозное воспаление легких
29.04.1917	Рихкемер Вильгельм	32	Цинга
24.05.1917	Финк Фердинанд	36	Цинга
18.05.1917	Сокольца Илух	26	Цинга
18.06.1917	Вильгельм Кноп	34	Цинга
10.07.1917	Горбач Иван	36	Туберкулез
15.07.1917	Эрбли Юзеф	26	Цинга
22.07.1917	Кабарб Юзев	37	Кровавый понос
26.07.1917	Кирой Николай	25	Цинга
15.08.1917	Фигилинг Юган	42	Цинга
10.09.1917	Кларнецкий Мотиис	29	Цинга
11.09.1917	Ковач Каран	26	Воспаление легких
05.10.1917	Янош Петер	35	Брюшной тиф
10.10.1917	Юзеф Лвитро	38	Кровавый понос

Источник: ГАСО (Государственный архив Свердловской области). Ф. 77. Оп. 1. Д. 27. Л. 178–274.

* Приводится точно по источнику.

Таблица 2

**Список военнопленных, умерших в августе–ноябре 1919 г.
на территории г. Екатеринбург**

Дата смерти	Ф.И.О.	Возраст	Причина смерти*
25.08.1919	Бекеша Юзеф	31	Дизентерия
10.09.1919	Ковач Георг	29	Сыпной тиф
13.09.1919	Квизди Георгий	46	Сыпной тиф
16.09.1919	Верстука Зион	**	Сыпной тиф
23.09.1919	Кондраг Рушке	34	Туберкулез легких
23.09.1919	Селяш Януш	27	Сыпной тиф
27.09.1919	Дохотар Алексей	**	Чохотка
30.09.1919	Бергок Иштван	40	Воспаление легких
06.10.1919	Буза (Боза) Янош	29	Дизентерия
15.10.1919	Кеплер Иозеф	44	Туберкулез легких
16.10.1919	Штахер Франц	30	Сыпной тиф
17.10.1919	Бергер Отто	26	Воспаление легких
18.10.1919	Кузю Николай	32	Туберкулез легких
27.10.1919	Плевнак Карл	32	Воспаление легких
15.11.1919	Юзиф Каплун	44	Туберкулез легких

Источник: ГАСО. Ф. Р-20. Оп. 1. Д. 35. Л. 18, 31, 259–260; Д. 36. Л. 157, 316; Д. 37. Л. 7, 12, 22, 50, 88, 363; Д. 38. Л. 199, 201, 204, 331.

* Приводится точно по источнику.

** Возраст не указан.

Брачность и рождаемость

Едва ли будет большим преувеличением сказать, что участие пленных иностранцев в матримониальном и репродуктивном процессах является наиболее сложной для изучения частью исследования их демографического портрета. Действительно, брачность/разводимость и рождаемость в интерьере плена выглядят не очень уместными, поскольку сам по себе социо-правовой статус отвоёвавшихся вражеских военнослужащих ограничивал свободу их демографического поведения. Но ограничивал, не значит исключал.

Очевидно, что в условиях войны, когда «брачный рынок» зримо трансформировался в сторону избытка невест, молодые в массе своей пленные просто не могли не превратиться в потенциальных женихов. Однако реализации их брачных потенциалов препятствовал закон, оставляя пленных иностранцев за бортом брачных выборов. В таких условиях альтернативой законному браку стало общественно порицавшееся сожительство пленных и россиянок, в котором, кстати говоря, были замечены не только девицы, но и замужние женщины. Это, безусловно, не добавляло гармонии брачным отношениям, а напрямую способствовало росту разводимости. «Я не могу перенести позора за жену. Пусть она уже с нашими врагами распутничать идет, передавать им нужные сведения, но не под моей фамилией... Я отказываюсь от своей жены, дабы не иметь на себе того грязного пятна, которое положила на себя моя жена», – писал, испрашивая в Пермской духовной консистории разрешение на развод, старший аптечный фельдшер 2-й Туркестанской стрелковой артбригады Д. Некрасов, заподозривший свою супругу Клавдию, телеграфистку ст. Верхотурье Богословской железной дороги, в связи с военнопленным [14].

Запрет на браки между пленными и россиянками, помимо всего прочего, обрекал последних на одинокое материнство. Власти спохватились лишь в середине 1917 г., когда «опасные связи» пленных иностранцев и русских женщин стали очевидной проблемой. Правда, узаконить свои отношения с гражданками Свободной России позволялось только пленным славянам, взятым на поруки или подавшим прошения о принятии в российское подданство. «В некоторых случаях, если просьба о браке мотивируется нравственной необходимостью, а также иными побуждениями, браки могут быть разрешаемы и пленным, не принадлежащим к указанным категориям», – гласил документ [15]. Сказать, что с его выходом метрические книги местных церквей заперстрили записями о браках с военнопленными, было бы большим преувеличением. Но даже их наличие при отсутствии точной

Таблица 3

Семейные пары, образованные пленными иностранцами и российскими гражданками (1917–1922 гг.)

Муж	Год рождения	Жена	Год рождения	Разница в возрасте
Байч Николай	1894	Клавдия	1897	3
Вехнер Юзеф	1892	Евгения	1885	7*
Гриншпунт Южак	1881	Афанасия	1901	20
Гроссек Антон	1890	Мария	1895	5
Добош Иосиф	1893	Анна	1901	8
Кецери Стефан	1897	Мария	1891	6
Коваси Георгий	1880	Екатерина	1871	9
Конд Лазарь	1887	Фроня	1880	7
Корн Карл	1894	Анастасия	1896	2
Котбауэр Эрнст	1885	Мария	1899	14
Крени Франц	1895	Анна	1893	2
Левковский Виктор	1890	Софья	1902	12
Локом Иосиф	1892	Розалия	1892	0
Лутершмидт Йозеф	1883	Анна	1900	17
Мельзак Игнатий	1889	Екатерина	1891	2
Отодюк Николай	1891	Наталья	1897	6
Ошеницкий Иосиф	1889	Анастасия	1900	11
Пенкала Андрей	1892	Антонина	1898	6
Пунчу Михаил	1892	Акулина	1895	3
Солонгай Михаил	1891	Антонина	1900	9
Фритман Стефан	1890	Антонина	1902	12
Троян Михаил	1893	Агафья	1897	4
Хардукаш Симон	1893	Мария	1898	5
Янкович Франц	1895	Лидия	1899	4

статистики плена едва ли позволило бы установить коэффициент брачности военнопленных. Относительно же типичных для них закономерностей брачного выбора следует отметить, что этот выбор практически в любом случае предполагал мезальянс – и прежде всего мезальянс этнокультурный. Кроме того, невозможность свободного изменения демографического статуса, диктуемая режимными особенностями плена как такового, удлинила безбрачный период жизни пленных и способствовала широкому распространению неравных браков между ними и русскими невестами. Скучные сведения табл. 3 показывают, что в 25% случаев разница в возрасте между супругами измерялась двузначными числами и доходила до показателя в 20 лет.

Источник: ГАСО. Ф. 511-р. Оп. 1. Д. 187. Л. 2, 8, 15, 15 об., 17, 17 об.; Д. 202. Л. 41 об.–42; Д. 358. Л. 309, 310, 377; Ф. р1646. Оп. 1. Д. 43; ГААО СО

(Государственный архив административных органов Свердловской области). Ф. 1. Оп. 2. Д. 25299. Л. 6; Д. 29874. Л. 9; Мукомолов А.Ф. На южноуральских заводах. М., 2004. Кн. V. С. 291–293.

Возрастной мезальянс во многом был следствием того, что рост брачной активности бывших вражеских военнослужащих пришелся на «финальный» период плена – период после большевистского переворота. Новая

власть, в конце 1917 г. освободив пленных от «тюремно-лагерного режима» [16], даровать им свободу в полном смысле этого слова не торопилась. Ко времени возвращения домой, которое растянулось аж до середины 1920-х гг., Россия для многих военнопленных I Мировой войны уже перестала быть чужой, почему часть из них успела обзавестись здесь не только женами, но и детьми. В семье военнопленного Ивана Ковача, к примеру, в 1919 г. родился сын, а в семьях военнопленных Стефана Валашека и Яноша Ковача на конец августа 1921 г. уже имелось по двое детей [17]. Не стоит, однако, думать, что тем самым пленные внесли заметные коррективы в долгосрочную демографическую статистику. Их подавляющее большинство к 1925 г. уехало на родину, увезя с собой не только жен и детей, но и других «нажитых» на чужбине родственников. «Ввиду того, что мои две дочери вышли замуж за австрийских подданных, в настоящее время они со своими мужьями собираются ехать в Австрию. Я лично, их мать, все время слабая женщина, не умеющая зарабатывать себе на жизнь, живу на иждивении моих дочерей. Лично мне остаться здесь совершенно невозможно, они без меня тоже не могут поехать. Я сама вдова, не имею никаких средств к существованию, а потому прошу Пленбеж войти в мое несчастное положение и причислить меня к пленным, имеющим возможность в настоящее время вернуться на родину», – писала Рива Абрамовна Сензерлихт в отдел управления Екатеринбургской губернии в июне 1920 г. [18]. Препятствий для выезда за рубеж теши бывших военнослужащих австро-венгерской армии Герстмана и Гринфельда местные власти не нашли, позволив счастливому семейству удалиться восвояси [19].

Очевидно, что приведенные выше и аналогичные ему факты, фиксируемые архивными документами, превращают вопрос о демографическом поведении пленных в еще более запутанный, чем можно было себе представить. Однако проблематичность историизации демографических характеристик пленных не снимает этой амбициозной задачи, требуя продолжения не только «архивных раскопок», но и поиска действенных методик прочтения уже введенных в научный оборот источников.

Источники и литература

1. Государственный архив Пермского края (далее – ГАПК). Ф. 6. Оп. 5. Д. 140а. Л. 412 и 412об.
2. Государственный архив Свердловской области (далее – ГАСО). Ф. 50. Оп. 2. Д. 3184. Л. 322–324; Ф. 123. Оп. 1. Д. 3. Л. 445об.; Систематический свод постановлений Пермского губернского земского собрания 58–62 чрезвычайных сессий и 47 очередной сессии 1916–1917 гг. Пермь, 1917. С. 120; Уральская жизнь. 1916. 24 мая.
3. Уральская жизнь. 1917. 5 окт.
4. ГАСО. Ф. 24. Оп. 20. Д. 2829. Л. 24–28, 36–40.
5. Другим регионам в этом смысле повезло больше. См., например, документы о переписи пленных в Западной Сибири: Тобольский филиал государственного архива Тюменской области. Ф. 152.
6. ГАСО. Ф. 24. Оп. 20. Д. 2829. Л. 43, 56.
7. Козлов С. Методологический манифест Карло Гинзбурга в трех контекстах // Новое литературное обозрение. 1994. № 8. С. 27–61 (предисл. к ст.: Гинзбург К. Приметы: Уликовая парадигма и ее корни // Там же).
8. Уральская жизнь. 1915. 19 мая.
9. Зауральский край. 1915. 15 окт.
10. ГАСО. Ф. 24. Оп. 26. Д. 43. Л. 174–175; Ф. 45. Оп. 1. Д. 275. Л. 68–70; Д. 1040. Л. 284–291, 262–265об., 258–261; Д. 1044. Л. 51–55об.; Д. 1100. Л. 29–31; 34–41; Ф. 72. Оп. 1. Д. 5668. Л. 1–108; Ф. 183. Оп. 1. Д. 70. Л. 167–175об., 177, 180–205об., 209–225, 227–230об.; Ф. 435. Оп. 1. Д. 1738. Л. 3–4, 6–7, 9–13; Ф. 643. Оп. 3. Д. 1882. Л. 1–4; Оп. 4. Д. 357; Ф. 730. Оп. 1. Д. 119. Л. 147–149.
11. ГАПК. Ф. 214. Оп. 1. Д. 16. Л. 62; ГАСО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 982. Л. 64; Врачебно-санитарная хроника Пермской губернии. 1914. № 12. С. 1012–1013; 1915. № 1–2. С. 71; 1916. № 1–2. С. 8, 643. № 5–6. С. 533; Уральская жизнь. 1915. 20 фев.
12. Прохоров Б.Б. Здоровье россиян за 100 лет // Человек. 2002. № 2. С. 60–61.
13. Там же.
14. ГАПК. Ф. 65. Оп. 3. Д. 82. Л. 261.
15. Пермский вестник Временного правительства. 1917. 16 июня.
16. Правда. 1917. 27 дек.
17. ГАСО. Ф. 511-р. Оп. 1. Д. 201. Л. 463; Д. 202. Л. 51.
18. ГАСО. Ф. 511-р. Оп. 1. Д. 204. Л. б/н.
19. Там же.

«Женское» и «мужское» в отношении к советской демографической политике 1930-х гг.**

Своеобразным подведением итогов дискуссии о природе и характере советского политического режима, сложившегося в 1920–1930-е гг., могла бы стать книга американской исследовательницы В. Голдман, а вернее, ее название «Террор и демократия в эпоху Сталина» [1]. Существование этих, казалось бы, взаимоисключающих институтов в обыденной жизни порождало причудливую смесь социального энтузиазма, апатии и растущего сопротивления давлению государства. Последнее все чаще приобретало характер письменного протеста граждан против «неразумных» официальных постановлений власти, одним из которых стало запрещение аборт. Его принятию предшествовал ряд радикальных изменений как в самом понимании советского права, так и его семейно-брачной отрасли.

В рассматриваемый период времени право видится «*системой общих правил поведения, установленных социалистическим государством и выражающих материально обусловленную и направляемую партией волю трудящихся масс во главе с рабочим классом и охраняемых от нарушения принудительной силой государства*». По заключению современных исследователей, «*в такой трактовке право ...становилось рычагом централизации, подчинения всего огромного государственно-управленческого аппарата воле центра, воле диктатора*» [2]. Новый Семейный кодекс 1926 г. признавал фактический брак, т. е. уравнивал в правах зарегистрированный и незарегистрированный браки. Главным доказательством наличия семьи становилось общее хозяйство, совместное воспитание детей, свидетельством третьего лица. С этого времени исчезло из употребления такое понятие, как внебрачные дети. Любое сожитие считалось браком, что не устранило процедуры установления отцовства. Конституция 1936 г. закрепила формальное равенство мужчины и женщины. Стремясь создать стимулы к увеличению деторождения, сильно упавшего в 1930-е гг., правительство предпринимает меры, укрепляющие семью и брак.

Постановление ЦИК и СНК СССР от 27 июня 1936 г. «О запрещении абортов, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многодетным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводах» грозило одним или двумя годами тюремного заключения врачам, которые производили неразрешенные аборты. Для немедицинского персонала, производившего аборты, устанавливался еще более длительный тюремный срок – три года. Прерывание беременности могло осуществляться только по медицинским показаниям.

Вместе с тем постановление содержало пункты, стимулировавшие деторождаемость. В комплекс мер входили финансовая поддержка многодетных женщин, выделение средств для строительства родильных домов, яслей и детских садов, усложнение процедуры получения развода, увеличение штрафов за уклонение от алиментов. Параллельный указ повышал ответственность руководителей предприятий и учреждений, дискриминировавших путем увольнения или отказа принимать на работу беременных женщин. Секретное распоряжение Наркомата здравоохранения предписывало изъятие из торговой сети всех противозачаточных средств. Соответственно, разрешение на производство аборта выдавалось лишь в исключительных случаях по медицинским показаниям. Решение в каждом конкретном случае принималось специальной комиссией. Новый закон привел к массовому росту подпольных абортов, хотя произошло также и повышение уровня рождаемости [3]. Постановление вызвало шквал писем в высшие органы государственной власти. Их писали и женщины, и мужчины, надеявшиеся таким образом привлечь внимание руководства страны к «*тяжелейшим для женщины последствиям запрещения абортов*».

Предметом анализа данного сообщения являются два письма, адресованные председателю ЦИК СССР М.И. Калинину и написанные приблизительно в одно и то же время – весной 1937 г. Несмотря на схожесть волновавших респондентов вопросов, они кардинальным образом отличаются друг от друга не только стилистикой написания, но и аргументацией относительно неправильных действий власти.

Мотивом, побудившим написать письмо «*аж самому всесоюзному старосте*» 24-летнюю Н. Браун, стало горячее стремление рассказать «*тов. Калинину какие терпит мучения, и какое несет бремя тяжести на своих*

* Хлынина Татьяна Павловна (Ростов-на-Дону) – доктор исторических наук, главный научный сотрудник лаборатории истории и этнографии Института социально-экономических и гуманитарных исследований ЮНЦ РАН; e-mail: tatiana_xl@mail.ru.

** Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований Отделения историко-филологических наук РАН «Генезис и взаимодействие социальных, культурных и языковых общностей». Проект «Повседневный мир советского человека: стратегии выживания и механизмы адаптации в условиях социальных трансформаций 1920–1940-х гг.».

плечах женщины нашей родины после выхода этого постановления. И то, о чем я вам напишу, – это не только мое индивидуальное мнение – это голос всех женщин, лишенных необходимых условий иметь детей» [4]. Письмо начинается с заверения высокопоставленного адресата в том, что оно не является «вылазкой классового врага», а его автор – выходец из крестьянской среды и член ВЛКСМ. Далее Н. Браун рассказывает о себе, сообщая, что, является матерью ребенка, которого с большим трудом воспитывает; работает техником с окладом 200 руб.; на иждивении имеет 70-летнюю мать и мужа-студента 3-го курса со стипендией в 130 руб. Весь свой день проводит на работе и в занятиях с ребенком, не имея никакого времени «культурно развлечься». В настоящее время беременна и воспринимает свое положение как «крошечный ужас»: «На мой заработок прожить в городе очень тяжело. Для того, чтобы избавиться от ребенка, я начинаю пить разную дрянь, поднимаю умышленно тяжести и т.д., и это разве только одна я это делаю? Сколько нас таких?». Для того чтобы не быть голословной, она постоянно апеллирует к типичности описываемых явлений, обращаясь к многочисленным примерам из окружающей ее жизни: «Недавно я встретила одну женщину в консультации, у нее 6 месяцев ребенку, и 4-й месяц уже беременна. Она такая худая и измученная, что мне больно было смотреть на нее. В грудях испортилось молоко, ребенка врачи запретили им кормить, ребенок на искусственном питании. Сама начала ходить на комиссию лечь на аборт, так ей и не разрешили. Бедная просто в отчаянии, рассказывает: материально живет скверно. Второй случай: моя подруга, оба они студенты, забеременела, пошла к врачам, так как у нее были больные почки, думала ей сделают. Врачи, осмотрев ее, заявили, что почки у нее действительно больные, но если она родит, то тотчас же поправится. Это ли не издевательство со стороны врачей, они просто этим злоупотребляют и там, где можно, так они говорят “нельзя”». Отчаявшиеся женщины вынуждены прибегать к нелегальным абортам, стоимость которых в рассматриваемый период времени колебалась от 250 до 500 руб.

В письме приводятся народные средства, наиболее распространенные среди женщин, желавших избавиться от нежелательной беременности. К ним относились подъем тяжестей, употребление травяных и лекарственных настоек самостоятельного изготовления, вызов маточного кровотечения различными механическими средствами, посещение бабок. Автор с болью пишет, что вместо раскрепощения, обещанного революцией, женщина произволом правящей партии превращена в родильную машину. В заключении Н. Браун обращается к М.И. Калинин у с предложением «оптимизировать» отношения государства к абортам и начать «контролировать комиссии и врачей, которые принимают на аборт, чтобы не было злоупотреблений с их стороны; учитывать материальные возможности родителей (согласно этого разрешать аборт); изобрести медицине реальные профилактические средства в целях борьбы с абортми».

Причиной обращения рабочего-электромонтера П.Г. Агафонова к М.И. Калинин у стало конкретное событие, связанное с «несерьезным подходом к делу как районной абортной тройки Приморского р-на (Ленинграда – Т.Х.), а также и центральной городской» [5]. Суть проблемы заключалась в том, что у его беременной жены имелись серьезные противопоказания к родам: она страдала пороком сердца и обладала «чрезвычайно малым тазом». Несмотря на столь существенные препятствия к материнству и тяжесть первой беременности, она все-таки решила родить: «...роды были наред-ко[сть] тяжелы, жена промучилась 4 суток, тогда как дело дошло до наложения щипцов. После родов жена пролежала 21 день и около 1/2 года была на амбулаторном приеме у профессора Фигурнова Военн[о]-Мед[ицинской] академ[ии], который совершенно беспристрастно подошел к жене в этом отношении и предупредил о том, что беременность для Вас невозможна».

Тем не менее столь веские и авторитетные доводы не стали основанием для врачебной комиссии по прерыванию повторной беременности: «Для них это, что темная ночь, они ничего не признают и знать не хотят, у них есть закон от правительства, должна родить, раз родила одного, так значит и будет второй, такие рассуждения у Ленинградских комиссий по абортам, а сердце что, ну что, поболело годков 10, а на 11-м перестало. Вот и начинают рядиться, уговаривать, что, мол, это и не так-то страшно, это так на районной тройке говорят». Автор подчеркивает, что он не из тех, кто не желает иметь детей, или увлечен «от этого по семейным и бытовым делам». Единственное, чем он озабочен, – положительным исходом родов. По этому поводу он побывал в районном отделе здравоохранения, центральной городской комиссии по вопросам аборта, отделе матери и младенца городского отдела здравоохранения, которые отказались рассматривать его заявление, ввиду неконфликтности последнего. Вооружившись всеми необходимыми документами (рентгеновскими снимками, заключением фабричной амбулатории), П.Г. Агафонов обратился в бюро жалоб горздравотдела. Однако и там не добился искомого результата.

Последней инстанцией для него, как и многих других отчаявшихся граждан, стал М.И. Калинин. В своем заявлении рабочий настаивал на праве получения любой информации о состоянии своей жены, неоднократно наблюдавшейся в клинике им. Отто и консультировавшейся в Военно-медицинской академии. Именно игнорирование этого права (отказ указанных учреждений предоставить все необходимые сведения), в конечном итоге, по мнению П.Г. Агафонова, сказалось на решении комиссии отказать его жене в прерывании беременности «по медицинским показаниям». Он не оспаривает самого постановления, а лишь требует его надлежащего исполнения на местах.

Сравнение двух нарративов, «женского» и «мужского», показывает, что если первый из них апеллирует к власти как высшей инстанции по поводу нарушения природных прав женщины относительно самостоятельного определения ею своего предназначения; то второй, напротив, требует от власти лишь обеспечения надлежащего исполнения ее же постановлений. Демократия с «женским лицом» все чаще оказывается противопоставленной мужскому оправданию очередного произвола власти.

Источники и литература

1. Голдман В. Террор и демократия в эпоху Сталина: Динамика социальных репрессий. М., 2010.
2. Особенности развития системы и отдельных отраслей права. [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.agmi.ru/.../osobennosti_raz...slei_prava.phtml.
3. Соломон П. Советская юстиция при Сталине. М., 1998. С. 203–212.
4. Здесь и далее цитируется: Письмо Н. Браун М.И. Калинину // Письма во власть. 1928–1939. Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и большевистским вождям. М., 2002. С. 343–344.
5. Здесь и далее цитируется: Заявление Председателю ЦИК СССР т. Калинину Мих. Ивановичу от рабочего эл. монтера Агафонова П.Г. // Письма во власть. 1928–1939. Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и большевистским вождям. М., 2002. С. 348–349.

Репродуктивное поведение женщин Урала в 1920-е – первой половине 1930-х гг.

Репродуктивное поведение – это система действий, отношений и психических состояний личности, связанных с рождением или отказом от рождения детей любой очередности, в браке или вне брака. Как и всякое другое поведение, оно представляет собой целостную реакцию на внутренние и внешние стимулы, среди которых существенную роль играют установки, социальные ценности, в том числе нормы детности.

Воздействуя на ценностные ориентации, можно модифицировать репродуктивное поведение [1]. При этом биологическая способность женщины, мужчины, брачной пары к зачатию и рождению определенного числа детей, называемая плодовитостью и измеряемая числом потенциально возможных живорождений у женщины, зависит не только от генетических качеств, но и состояния здоровья обеих супругов. Плодовитость возникает очень рано (у женщин в 12-13 лет, у мужчин в 14-15 лет) и является одним из факторов рождаемости и репродуктивного поведения [2]. Стрессовые ситуации Гражданской войны, антисоветских восстаний, массовые эпидемии, голод 1921–1922 гг. несколько повышали нижний уровень плодовитости женщин, сдвигая к более позднему сроку начало менструального цикла.

Первым фактором, оказавшим влияние на репродуктивное поведение, стало нарушение нормальной половозрастной структуры населения, выразившееся в увеличении «женского перевеса». «Женским перевесом» в демографии называют превышение в общей численности населения (или в численности его отдельных групп – чаще всего возрастных) числа женщин над числом мужчин. «Женский перевес» в структуре городского населения Урала в 1920 г. составлял 112179 чел. Для Екатеринбургской губернии он составил 53542, для Пермской – 29087 жен., для Тюменской – 8235 жен. и Челябинской – 21305 жен. [3]. Особенно пострадала молодежь в возрасте 20–24 лет. К примеру, удельный вес женщин в 1920 г. в этой возрастной группе в Тюменском регионе был самым высоким: на 100 мужчин – 195,6 женщин (в 1897 г. – 119,8). Значительные потери понесли также мужчины 25–29 лет, в этой возрастной категории соотношение мужчин и женщин выражалось как 1:1,61. (в 1897 г. – 1:1,18) [4]. В первой половине 1920-х гг. формировались особые черты развития демографического перехода на территории Урала: при начавшемся снижении рождаемости появились тенденции к росту общего коэффициента смертности. Коэффициент смертности к 1921–1922 гг. заметно превысил рождаемость [5].

Второй группой факторов стало смещение ценностных ориентиров. В конкретно-исторических условиях 1920-х гг. пронаталистические ценности в нашей стране не занимали ведущего места в структуре стратегических ориентиров. Конструируемая новой властью социальная роль женщин, воспринимавшихся как однородное целое («женские массы»), была в основном ориентирована на вовлечение женщин в общественно-полезный труд и активное участие в общественной работе. Любопытно проследить, какое место занимали вопросы репродукции и связанные с ними сферы в деятельности женских пролетарских организаций в 1920-е гг. на Урале. 22-25 июля 1920 г. состоялось 3-е губернское совещание по работе среди женщин в Екатеринбурге. На нем ставилась цель: провести в жизнь основные положения о работе среди женщин – это массовое вовлечение женщин-пролетарок в советскую работу и ряды Коммунистической партии. Из десяти вопросов только шестой в повестке дня («День ребенка») касался последствий репродукции. Докладчик из Алапаевского района Золотавина, отмечая в корне неверное отношение крестьянок к общественному воспитанию детей, рассказала о том, что из Верхней Синячихи в Алапаевск для ознакомления с деятельностью женотдела и дошкольных учреждений послалась делегация из пяти человек, поездка которой принесла большую пользу – отношение крестьянок к общественному воспитанию детей изменилось. Докладчиком по вопросу о «Дне ребенка» выступила т. Вайнер, пояснив, что его цель – вызвать внимание советских отделов к детям, принять экстренно возможные меры к открытию новых детских учреждений и улучшению состояния уже существующих. Участие женщин в работе комиссии по проведению этого мероприятия выражалось в агитации за общественное воспитание, в обследованиях, участии в субботниках, во всякой помощи комиссиям и отделам советов в этом направлении. Этот доклад вызвал наибольшее количество вопросов и конкретных предложений. О внимании к вопросам охраны материнства и младенчества, воспитанию детей говорилось также в инструкции о проведении «Дня коммунистического просвещения женщин» (в десятом пункте из четырнадцати) [6].

В Челябинской губернии в 1921 г. вопросы репродуктивного поведения женщин также трактовались под углом освобождения работниц и крестьянок от ухода за детьми и их воспитания, необходимость которого, в частности, отмечалась в резолюциях III Челябинского губернского совещания по работе среди женщин 19-21

* **Мирошниченко Мария Ильинична** (Челябинск) – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Южно-Уральского государственного университета, e-mail: mmi@susu.ac.ru.

января 1921 г. [7]. Вопросы рождаемости обсуждались на делегатских собраниях. Так, Челябинский городской отдел по работе среди женщин 12 января 1923 г. разработал «Тезисы для докладов в неделю по вопросу о восстановлении и поддержке детских учреждений материнства и младенчества». В них отмечалось, что в России падение прироста населения шло с 1871 г., и каждый индивид рассматривался как трудовая единица, как оплот к укреплению завоеваний и будущих побед. Для процветания общества, говорилось далее, необходимо позаботиться о приросте населения, т. е. о понижении смертности и понижении рождаемости. Для общества выгоднее тот прирост, который достигается при наименьшей рождаемости. Меньшее число долголетних людей выгоднее, чем большее число недолголетних. Отмечалось, что смертность детей до одного года, составившая 26%, и наблюдаемое понижение рождаемости, вызванное отвлечением на фронт массы мужского населения и голодом 1921 г., угрожают повторением недостатка населения через 20 лет, тем более что в ближайшие годы рождаемость еще сильнее отстанет от довоенной нормы. В этих условиях одним из методов борьбы с падением прироста признавалась борьба с детской смертностью. Охрана младенца предусматривалась до его появления на свет заботой о беременной матери. Женщины с начала второй половины беременности, т. е. на сроке в 4,5 месяца, должны были переводиться на более легкую работу (впоследствии их называли легкотрудницами); консультации для беременных предназначались для ознакомления с гигиеной беременных и правильным уходом за ребенком. В «так называемых консультациях» (слово было еще незнакомо) врач должен был осматривать детей, давать советы по уходу и вскармливанию; если нужно, мать получала там прикорм для ребенка. После появления ребенка мать освобождалась на первые два месяца от работы, она должна была получать усиленное питание до 6 месяцев, пока кормила ребенка исключительно грудью. Кормящая мать получала право перейти на службу ближе к дому, для кормления ее отпускали с работы на каждые три часа. Для матерей, работающих вне дома, планировалось открывать ясли, куда мать приносила бы ребенка во время работы, там он должен был получать пропитание, уход опытного персонала и правильный врачебный надзор. Для матерей, не имеющих своей семьи и дома, планировалось открывать Дома матери и ребенка, где мать вместе с ребенком отдыхала бы до родов и после родов, привыкала к своему ребенку и училась уходу за ним. Для грудных детей, лишенных по той или иной причине материнской груди, предполагалось организовывать Дома ребенка [8].

Важным фактором выступала правовая охрана прав беременных при найме и увольнении. В условиях роста безработицы и практики первоочередного увольнения женщин постановление НКТ от 8 августа 1922 г. № 342 «О порядке увольнения беременных женщин» и циркуляр НКТ от 15 августа 1922 г. № 375/119 «О запрещении нанимателям отказывать в приеме на работу беременным женщинам» [9] защищали репродуктивные интересы. Знахарки, повивальные бабки (как повитухи, так и акушерки-выпускницы повивальных институтов, акушерских курсов), врачи-гинекологи, родильные кровати, родильные приюты, родильные дома, частные убежища для «секретно беременных» – такова была структура родовспоможения до октября 1917 г. Врачи-гинекологи, фельдшерицы-акушерки, акушерки, родильные койки, родильные избы, родильные отделения в больницах, родильные дома, консультации для беременных, Дома матери и ребенка, Дома ребенка – таковы элементы новой государственной системы охраны матерей и новорожденных после октября 1917 г., создаваемой в обстановке активной борьбы со знахарством. Вплоть до завершения нэпа врачам-гинекологам и акушеркам разрешалась частная практика. В то же время социальная ценность профессионального родовспоможения была относительно невелика. По 9 разряду оплачивался труд акушерки в 1923 г. в Троицкой городской больнице [10], труд машинистки Челябинского губернского управления местами заключения в 1923 г. [11]. Труд акушерки и труд машинистки в учреждении пенитенциарной системы в 1923 г. обществом оценивался одинаково. Это обстоятельство выступает одним из свидетельств позиционирования вторичности материнства в структуре фундаментальных ценностей складывающегося советского менталитета.

Постепенно работа женотделов все более выражала собой функцию защиты интересов женщин. В 1924 г. Екатеринбургский окружной исполнительный комитет, обсуждая по инициативе Екатеринбургского окружного отдела по работе с женщинами порядок увольнения работниц, постановил, что беременные женщины и женщины, имеющие детей до одного года, могут увольняться лишь в исключительных случаях и только с получением на каждое увольнение разрешения инспектора труда [12].

Охрана материнства и младенчества находилась в центре внимания окружных съездов врачей. Недостаток врачей и акушерок был серьезной проблемой. Так, в окружном центре Кургане было всего восемь фельдшериц-акушерок и шесть акушерок. В Курганском округе в конце 1925 г. насчитывалось 25 медицинских участков и всего две лечебницы для рожениц, хотя родильные койки имели все окружные больницы. В Макушинском и Половинском районах не было ни фельдшериц-акушерок, ни акушерок; родильная помощь оказывалась врачом (по одному врачу на район), школьными и ротными фельдшерами, которых насчитывалось соответственно в Макушинском районе – 2 и 5, в Половинском – 1 и 2. Из 15 районов фельдшерицы-акушерки работали только в пяти (в Звериноголовском, Куртамышском, Лебяжьем, Марайском и Чаусовском), акушерки работали лишь в восьми районах (в Белозерском, Варгашском, Лопатинском, Мокроусовском, Утятском, Чашинском, Чернавском

и Юргамышском). Обеспечение кадрами было таким: либо акушерка-фельдшерица, либо акушерка; районов, в которых бы работали, как полагалось по штату, фельдшерица-акушерка совместно с акушеркой, не было. На III Курганском окружном съезде участковых врачей (25–28 ноября 1925 г.) отмечалось, что акушерки загружены другими обязанностями, была выдвинута идея проведения съезда участковых акушеров [13].

С 1925 г. начался подъем рождаемости. Всего по Уральской области в 1925, 1926, 1927, 1928, 1929 гг. родилось соответственно 342636, 371695 [14], 368907, 382458 [15], 371302 чел. [17]. Таким образом, в 1925–1928 гг. рождаемость вновь относительно устойчиво возросла, образовав своеобразный компенсаторный «пик». Среднегодовые темпы прироста населения Урала достигали от 1,5 до 2%. В этот период рождаемость оставалась очень высокой. В среднем на женщину из рабочих за всю ее жизнь приходилось 7,5 рождений, на крестьянку в среднем – 7,4 и на женщину служащую – 3. Вторая фаза демографического перехода в регионе была связана со стремительным падением уровня рождаемости и замедляющим снижением уровня общей смертности, этот процесс нарушили последствия голода 1932–1933 гг. [18]. Репрессии в ходе коллективизации снизили рождаемость, резко увеличили число мертворождений и повысили детскую смертность.

В практике нередко наблюдались случаи нарушения законодательства, которые можно, на наш взгляд, пользуясь терминологией того времени, охарактеризовать как «левацкие загибы». В разделе III «Работа практиканток в волостных исполнительных комитетах» пособия для делегаток III Челябинского губернского совещания по работе среди женщин 19–21 января 1921 г. отмечались случаи привлечения беременных женщин к обязательным общественным работам и в пункте 4 специально подчеркивалась обязанность практиканток-делегаток следить за соблюдением сельскими советами законодательных норм в этом отношении [19]. В Троицком округе в 1926 г. заведующей Троицкого подотдела охраны материнства и младенчества Е.Д. Горшечниковой за содействие в открытии родильного отделения Троицкой городской больницы из области был вынесен выговор за вмешательство. В Свердловском округе в 1926 г. беременных женщин ставили в ночные смены, принуждали выполнять непосильные работы [20].

Для казачек, проживавших на территории дислоцирования бывшего Оренбургского казачьего войска и в западном ареале расположения бывшего Уральского казачьего войска в 1920-х гг., характерны рост разводов, незначительная степень распространения внебрачных связей, отказ от аборта в случае нежелательной добрачной беременности, но при этом передача внебрачных детей в детские приюты [21].

Таким образом, существенным фактором, действовавшим на репродуктивные установки женщин, наряду с правовой защитой статуса беременных, льготированием положения рожениц и родильниц выступала финансируемая государством агитационно-пропагандистская деятельность, проводимая с использованием административных рычагов давления отделами по работе среди женщин. Среди женщин в деревне, а также в национальных районах сохраняли существенное влияние и религиозные регуляторы.

Источники и литература

1. Шестаков К. Роль аксиологического фактора в управлении репродуктивным поведением. URL: http://www.demographia.ru/articles_N/index.html?idR=5&idArt=1147#2 (дата обращения: 01.02.2011).
2. Борисов В.А. Демография. М., 2001. URL: <http://www.i-u.ru/biblio/archive/demografija/04.aspx> (дата обращения 20.01.2011).
3. Уральский статистический ежегодник на 1923 г. Екатеринбург, 1923. С. 29.
4. Палецких О.В. Молодежь Тюменского региона в 1920-е годы: Автореф. ... канд. истор. наук. Тюмень, 2007. С. 16.
5. Кузьмин А.И., Оруджиева А.Г. Демографические процессы // Уральская историческая энциклопедия: <http://www.ural.ru/spec/ency/encyclopaedia-5-604.html> (дата обращения: 11.01.2011).
6. Третье губернское совещание по работе среди женщин 22–25 июля 1920 г. Екатеринбург, 1920. С. 4, 6. 14–16.
7. Объединенный государственный архив Челябинской области (далее – ОГАЧО). Ф. П-77. Оп. 1. Д. 414. Л. 7.
8. ОГАЧО. Ф. П-267. Оп. 1. Д. 9. Л. 2.
9. Действующее законодательство о труде. Сборник декретов, постановлений и инструкций по вопросам найма и увольнения, заработной платы, рабочего времени, охраны труда, разрешения конфликтов и социального страхования, опубликованных по 1-е июня 1923 года. М.; П., 1923. Вып. 2. С. 42, 78.
10. ОГАЧО. Ф. Р-767. Оп. 2. Д. 182. Л. 1–2 об.
11. ОГАЧО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 21. Л. 7.
12. О порядке увольнения женщин: постановление Екатеринбургского окружного исполнительного комитета советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов № 67 от 6 июня 1924 г. // Сборник действующих обязательных постановлений Екатеринбургского окружного исполнительного комитета за 1924 г. Екатеринбург, 1924. С. 127–128.
13. Государственный архив Курганской области. Ф. Р-466. Оп. 1. Д. 409. Л. 21, 21об, 30об., 33.
14. Уральское хозяйство в цифрах. 1930. Вып. 1. Социальная статистика. Свердловск, 1930. С. 10.
15. Уральское хозяйство в цифрах. 1929: Краткий статистический справочник. Свердловск, 1929. С. 6.
17. Уральское хозяйство в цифрах. 1930. Вып. 1. Социальная статистика. Свердловск, 1930. С. 10.

18 Кузьмин А.И., Оруджиева А.Г. Демографические процессы // Уральская историческая энциклопедия: <http://www.ural.ru/spec/ency/encyclopaedia-5-604.html> (дата обращения: 11.01.2011).

19. ОГАЧО. Ф. П-77. Оп. 1. Д. 414. Л. 21об.

20. Бюллетень III окружного съезда Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Свердловского округа № 1. Свердловск, 1926. С. 9.

21. Голубых М.Д. Казачья деревня. М.; Л., 1930. С. 188, 190.

Аборты в городах и городских поселениях Урала в 1920–1930-х гг.

Аборт или искусственное прерывание беременности как социальное явление в последние десятилетия находится в центре общественных дискуссий в связи с демографическим состоянием России. Вместе с тем аборт рассматривается и как фактор, оказывающий определенное влияние на динамику естественного воспроизводства населения.

Аборт был разрешен советским законодательством 18 ноября 1920 г. Советская страна стала единственной в мире, отказавшейся от наказуемости женщин за изгнание плода. В уральских городах при отделах охраны материнства и младенчества (Оммлад) были созданы комиссии, дававшие разрешение производить аборт в больничной обстановке [1]. По-настоящему их работа стала налаживаться с середины 1920-х гг. [2]. В городских больницах были выделены специальные койки для абортировавшихся.

Основные функции абортных комиссий заключались не только в выдаче женщинам разрешений на аборт для пресечения нелегального изгнания плода. Более важной стала борьба с искусственными прерываниями беременности вообще. Первый областной съезд по охране материнства и младенчества, состоявшийся 14 декабря 1924 г., обязал секции Оммлада обратить особое внимание на изучение вопроса причин абортов, а также необходимости вести энергичную борьбу с подпольными абортами [3]. С целью прекращения искусственного прерывания беременности вне медицинских заведений лечебные учреждения Курганского округа, к примеру, поставили перед соответствующими органами вопрос о применении репрессивных мер по отношению к знахаркам, бабкам и всем тем, кто занимался несанкционированным вытравлением плода [4]. В 1927 г. в данном городе был создан Совет социальной помощи. Он взял на учет беднейшие слои населения, особенно женщин-одиночек и многодетных матерей. При женской консультации работала делегатская секция Оммлада для оказания практической помощи женщинам в разрешении их проблем [5]. Для сохранения беременности уже в первой половине 1920-х гг. на страницах уральской печати развернулась дискуссия о вреде аборта, широко публиковались сведения о противозачаточных средствах [6]. Но число абортов непрерывно росло. Если в Златоусте в 1925 г. была сделана 131 подобная операция, в 1926 г. – 483, то только за март–август 1927 г. – уже 246 [7]. В Кургане в 1926/27 г. было произведено 372 аборта [8].

В 1920-х гг. в уральских городах удовлетворялись не все заявления на искусственное прерывание беременности, что создавало основу для подпольных абортов и серьезных проблем со здоровьем у женщин. Абортная комиссия Кургана удовлетворила в 1925 г. 75,9% запросов, в 1926 г. – 82,2, за семь месяцев 1927 г. – 92,1% [9]. Абортная комиссия Шадринска сделала это в отношении 85,5% заявлений в 1924/25 г., 52,3% – в 1925/26 г. и 78,6% – в 1926/27 г. [10]. В городах Свердловского округа в 1925 г. получили разрешение на аборт 81,4% женщин, а в 1927 г. – 65,3% от числа обратившихся в абортную комиссию [11]. В Перми в 1926 г. было удовлетворено 72% заявлений на аборт, а за пять месяцев 1927 г. – 67,7% [12]. В 1928 г. в целом по окружным городам Уральской области получили разрешение на подобную операцию 84,3% решившихся на нее женщин, по поселениям городского типа – 80,7% [13]. При этом следует учитывать, что не все женщины, получившие разрешение на аборт, в обязательном порядке делали его.

Основной причиной отказа женщинам в искусственном прерывании беременности стало недостаточное количество коек для этих целей в лечебных учреждениях. В 1924 г. в Кургане для абортировавшихся была выделена всего одна койка в гинекологическом отделении 1-й советской больницы, в 1927 г. на эти цели использовалось уже 14 из 40 коек родильного отделения [14]. В бывшем губернском городе Перми в 1926 г. в распоряжении абортной комиссии отдела охраны материнства и младенчества было всего 10 коек. Острая нужда в них и стремление пресечь подпольные аборт привели к открытию в городе специального учреждения на хозрасчетной основе на 15 коек [15]. Однако и их не хватало. Подобная ситуация была и в других городах.

С легализацией аборта появилась и возможность статистического изучения данного явления. Еще в феврале 1921 г. губздравотделы рекомендовали медицинским учреждениям в месячных отчетностях о родовспоможениях указывать число произведенных абортов при нормальной беременности и по женским показаниям [16]. ЦСУ начало разработку данных об абортах с 1925 г., на Урале – с 1927 г.

В 1926 г. в окружных городах Уральской области было зарегистрировано 4106 абортов, в том числе 3526 (85,9%), произведенных с разрешения абортных комиссий и 580 (14,1%) – помимо комиссий; в поселениях го-

* **Журавлева Вера Анатольевна** (Златоуст) – кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой социально-правовых и гуманитарных наук филиала Южно-Уральского государственного университета в г. Златоусте, Zhuravlvera@yandex.ru.

родского типа соответственно – 896, 873 (97,4%) и 23 (2,6%). В окружных городах был наиболее высокий коэффициент зарегистрированных аборт, он достигал 6,92 на 1000 населения, в поселениях городского типа – 1,1. Для сравнения: в сельских местностях – 0,13. По отношению к числу родившихся живыми число аборт составило в окружных городах 15,7‰, поселениях городского типа – 2‰, сельской местности – 0,2‰. Эта большая распространенность аборт среди населения окружных городов отчасти объяснялась большей полнотой учета. К тому же условия жизни и труда в городах были менее благоприятны, чем на селе. Там при выполнении работы можно было брать ребенка с собой, что совершенно было невозможно работнице на производстве или служащей в учреждении.

Неудачные случаи кустарного тайного аборт (женщины поступили с начавшимся вне больницы аборт) составили в 1926 г. по окружным городам 14,1% всех аборт, поселениям городского типа – 2,6, а по сельской местности – 10,4%. Наибольшее число подпольных аборт было зафиксировано в Ишиме (63,8%), Свердловске (26,8%), Сарапуле (25,6%), Тюмени (23,6%).

Медиков, юристов и социологов интересовали причины, вызывавшие его. В 1920-е гг. они разрабатывались по заявлениям самих обратившихся в абортные комиссии женщин. При этом заявления представляли документы, подтверждавшие мотив искусственного прерывания беременности. Это: болезнь, семейное положение и материальный доход и пр. Но в анкетных карточках нет причин, которые толкали женщину на подпольный аборт.

Как показывают сохранившиеся статистические данные, главным мотивом аборт, разрешенных комиссиями, являлся мотив социального характера – недостаток материальных средств. По этой причине в 1926 г. искусственно прервали беременность 56,9% жительниц окружных городов и 50,9% поселений городского типа. Вторым по важности мотивом являлось болезненное состояние: соответственно – 26,6 и 38,4%. Далее шли наличие грудных детей (10,2 и 6%) и желание скрыть беременность (0,4 и 0,3%). Таким образом, бытовые реалии в городских населенных пунктах не достигали даже полпроцента [17].

В 1928 г. в окружных городах Уральской области в медицинских учреждениях было произведено 7042 аборт, т.е. примерно в 2 раза больше, чем в 1926 г.; в поселениях городского типа – 3364, т.е. почти в 4 раза больше, чем в 1926 г. [18]. В 1929 г. половина врачебных аборт была произведена в окружных городах, 39% – поселениях городского типа, остальные – в сельских. Отказы в производстве аборт выросли на 64%. При этом поступления женщин в больницы с начавшимися выкидышами по отношению ко всему их числу составило в окружных городах 71,8, городских поселениях – 36,6 и сельских – 56,2% [19].

В статистических отчетах за 1928 г. были указаны только две причины, толкнувшие женщин на прерывание беременности: социальное положение и болезни. По первой причине в окружных городах было сделано 78,3% операций, по второй причине – 21,7%; в поселениях городского типа соответственно – 74,3 и 25,7% [20]. В целом, именно сложные материально-бытовые условия жизни толкали женщин на аборт. Данные по конкретным уральским городам таковы. В Кургане в 1925 г. из разрешенных 224 аборт 127 (56,7%) было сделано по социальным причинам, остальные 97 (43,3%) – по болезни; 1926 г. соответственно – 166 (62,9%) и 98 (37,1%); 9 месяцев 1927 г. – 125 (67,2%) и 61 (32, %) [21]. В Златоусте с марта по сентябрь 1927 г. было сделано 222 аборт (90,2%) по социальным причинам и только 24 (9,8%) – по болезни [22]. В Шадринске в 1926/27 г. было сделано 259 (74,9%) по социальным причинам и 87 (25,1%) по болезни [23].

В конце 1920-х гг. Наркомздрав РСФСР взял под особый контроль абортную помощь населению. Своим циркуляром от 24 ноября 1929 г. он наметил меры по упорядочению медицинской помощи при проведении аборт, в рамках которых расширялось число абортных коек в городах, они выводились за пределы родильных отделений и сосредотачивались в специальных абортариях или гинекологических палатах больниц. Оговаривался размер платы за подобные медицинские услуги. Все эти меры призваны были снизить процент подпольных аборт, наносивших вред здоровью женщин [24].

В Уральской области в условиях роста обращаемости женщин в лечебные учреждения по поводу искусственного прерывания беременности и необходимости ликвидации подпольных аборт уже во второй пятилетке планировалось организовать во всех фабрично-заводских центрах специальные абортарии [25].

В условиях развернувшейся в крае крупномасштабного промышленного строительства и быстрого роста городов и городского населения ухудшились жилищно-бытовые условия жителей городских населенных пунктов. К тому же все больше женщин вовлекалось в производство. Все это не могло не сказаться на показателях рождаемости. На Урале, как и во всей стране, наметилась тенденция к ее падению. Одной из причин отмеченного явления стало сознательное регулирование населения с помощью аборт и предохранительных средств. К осени 1932 г. Уральское областное управление народнохозяйственного учета подготовило сборник материалов «Рождаемость и смертность населения Уралобласти за период 1924–1931 гг. и 8 месяцев 1932 г.», не подлежащий оглашению. Он был выпущен всего в 35 экземплярах. Сборник содержал данные о падении рождаемости в городах региона с 48,2‰ в 1927 г. до 38,2‰ в 1931 г. О роли аборт в зафиксированном статистиками процессе свидетельствовало то, что, по далеко не полным данным, в Свердловске в 1928 г. 20% всех зачатий было прер-

вано абортами [26]. В 1935 г. в городских поселениях Свердловской области на 1000 родов приходилось 626 аборт [27].

27 июня 1936 г. ЦИК и СНК СССР приняли знаменитое постановление о запрещении аборт [28]. После принятия данного закона резко сократилось число искусственного прерывания беременности по разрешению врачебной комиссии. Если за первое полугодие 1936 г. в городских поселениях Свердловской области было 17665 аборт, то за второе – всего 6757, т.е. в 2,6 раза меньше [29]. Но увеличилось количество начатых и начавшихся аборт вне лечебного учреждения. Часть аборт стала иметь криминальный характер. В 1938 г. в городских поселениях Челябинской области из 8737 случаев искусственного прерывания беременности 422 аборт (4,8%) было произведено по разрешению врачебной комиссии, начатых и начавшихся вне лечебных учреждений оказалось 8315 случаев (95,2%) [30]. В городских поселениях Пермской области соответственно – 5685, 433 (7,6%) и 5252 (92,4%) [31].

В 1938 г. в Челябинской области 19% аборт получило криминальный характер, по трети из них дела были переданы в прокуратуру [32]. В Пермской области только 4% аборт были признаны криминальными, но практически по всем ним дела были переданы в правоохранительные органы [33]. Однако в данном регионе, как и в соседних областях, была отмечена тенденция к росту числа аборт вообще, в том числе и криминального характера. Только за девять месяцев 1939 г. 11,7% аборт было признано криминальными, из них на 45% случаев дела были переданы в прокуратуру [34].

В целом, как показывают статистические данные, только одни репрессивные меры не могли остановить искусственное прерывание женщинами своей беременности. В 1938 г. на 1000 родов в городских поселениях Челябинской области приходился 181 аборт, Пермской – 190 [35]. В 1939 г. в Пермской области этот показатель увеличился до 214 случаев [36].

Таким образом, закон о запрещении аборт 1936 г. имел негативные последствия: выросло число криминальных аборт, которые тяжело сказывались на здоровье женщин и нередко заканчивались смертельным исходом. В 1939 г. сбор статистических данных об искусственных абортах был полностью прекращен, что затруднило изучение данного явления.

Источники и литература

1. Государственный архив Пермского края (далее – ГАПК). Ф. Р–15. Оп. 2. Д. 41. Л. 7об.; Государственный архив Курганской области (далее – ГАКО). Ф. Р–466. Оп. 1. Д. 27. Л. 40об.
2. См.: Отчет Уральского областного исполнительного комитета о работе с 14 декабря 1923 г. по 1 января 1925 г. 5-му съезду Советов Уральской области. Свердловск: Тип.-лит. им. Емшанова, 1925. С. 224.
3. См.: Государственный архив Свердловской области (далее – ГАСО). Ф. Р–88. Оп. 1. Д. 385. Л. 9об.
4. ГАКО. Ф. Р–466. Оп. 1. Д. 6. Л. 77.
5. ГАКО. Ф. Р–466. Оп. 1. Д. 32. Л. 61.
6. ГАКО. Ф. Р–466. Оп. 1. Д. 6. Л. 77.
7. Златоустовский архивный отдел (далее – ЗАО). Ф. Р–35. Оп. 1. Д. 29. Л. 15об.; Д. 89. Л. 28; Ф. Р–118. Оп. 1. Д. 207. Л. 94.
8. ГАКО. Ф. Р–466. Оп. 1. Д. 32. Л. 121об.
9. Подсчитано по: ГАКО. Ф. Р–466. Оп. 1. Д. 30. Л. 106, 110.
10. Подсчитано по: Отчет Шадринского городского Совета о работе за 1924–25 хозяйственный год. Шадринск: Изд. Шадринского горсовета, 1925. С. 14; Отчет Шадринского городского Совета о работе за 1925–26 хозяйственный год. Шадринск: Б.и., 1926. С. 23; Отчет Шадринского городского Совета о работе за 1926–27 хозяйственный год. Шадринск: Б.и., 1927. С. 18–19.
11. Подсчитано по: ГАСО. Ф. Р–159. Оп. 1. Д. 4. Л. 74.
12. Материалы о работе Пермского городского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов 9-го созыва (февраль–сентябрь 1927 года). Пермь, Б.и., 1927. С. 55.
13. Подсчитано по: Состояние дела здравоохранения в Уральской области за 1928 год. Свердловск: Изд. облздравотдела, 1929. С. 60.
14. ГАКО. Ф. Р–466. Оп. 1. Д. 6. Л. 76; Д. 30. Л. 107.
15. Материалы о работе Пермского городского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов 9-го созыва (февраль–сентябрь 1927 года). Пермь, Б.и., 1927. С. 55; Материалы к отчету Пермского окружного исполнительного комитета Советов Р.К. и К.Д. за 1928–29 год. Пермь: Б.и., 1930. С. 141.
16. ЗАО. Ф. Р–17. Оп. 1. Д. 61. Л. 53.
17. Каменева Н. Опыт социальной группировки данных об абортах (по материалам Уральской области) // Вестник статистики. 1928. № 1. С. 77–80.
18. Подсчитано по: Состояние дела здравоохранения в Уральской области за 1928 год. С. 60; Каменева Н. Опыт социальной группировки данных об абортах... С. 78.
19. ГАСО. Ф. Р–241. Оп. 2. Д. 3414. Л. 35.
20. Подсчитано по: Состояние дела здравоохранения в Уральской области за 1928 год. С. 60.

21. ГАКО. Ф. Р-466. Оп. 1. Д. 30. Л. 110.
22. ЗАО. Ф. Р-35. Оп. 1. Д. 89. Л. 28.
23. Отчет Шадринского городского Совета о работе за 1926–27 хозяйственный год. С. 19.
24. Здравоохранение в годы восстановления и социалистической реконструкции народного хозяйства СССР 1925–1940: сб. док. и матер. / Сост. Л.И. Завалищенко, П.И. Гусев, П.П. Ковалев, М.К. Кузьмин, А.А. Маслова, Н.А. Молчанова, А.И. Нестеренко, В.Н. Ягункова. М.: Медицина, 1973. С. 128–129.
25. Ефман А.М. Народное здравоохранение Урала во втором пятилетии // Хозяйство Урала. 1933. № 1–2. С. 91.
26. ГАСО. Ф. Р-241. Оп. 2. Д. 3395. Л. 32.
27. Подсчитано по: ГАСО. Ф. Р-1813. Оп. 1. Д. 102. Л. 3об.
28. См.: Собр. законов и распоряжений СССР. 1936. № 34. Ст. 309.
29. ГАСО. Ф. Р-1813. Оп. 1. Д. 103. Л. 3.
30. Объединенный государственный архив Челябинской области (далее – ОГАЧО). Ф. Р-1595. Оп. 1. Д. 36. Л. 5.
31. ГАПК. Ф. Р-981. Оп. 1. Д. 143. Л. 7.
32. ОГАЧО. Ф. Р-1595. Оп. 1. Д. 36. Л. 5.
33. ГАПК. Ф. Р-981. Оп. 1. Д. 143. Л. 7.
34. Государственное краевое учреждение «Пермский государственный архив» (далее – ПермГАНИ). Ф. 105. Оп. 5. Д. 88. Л. 30.
35. Подсчитано по: ОГАЧО. Ф. Р-1595. Оп. 1. Д. 36. Л. 5; ГАПК. Ф. Р-981. Оп. 1. Д. 143. Л. 2об., 7.
36. Подсчитано по: ГАПК. Ф. Р-981. Оп. 1. Д. 144. Л. 200, 205.

Волна беженцев с территории СССР в Словакию в 1944 г.**

Отступление немцев с Северного Кавказа, начавшееся 1 января 1943 г., привело к эмиграции гражданских лиц с территории СССР, которые сотрудничали с немецким оккупационным режимом, а также тех, кто предпочел бежать от набирающего силу советского режима. Отступление и эвакуация населения не были спровоцированы паникой или наличием непосредственной угрозы и проводились постепенно. Лагеря беженцев за пределами зоны боевых действий создавала немецкая служба тыла, но в это же время возникали и неорганизованные поселения беженцев сразу за линией немецкого фронта. Беженцы по началу думали, что немецкое отступление было временным, и верили в скорое возвращение в родные места.

Причины эмиграции и категории эмигрантов. Военные неудачи немецкой армии в 1943 г. продолжались, поэтому пришлось искать долгосрочное решение проблемы беженцев из СССР [1, с. 104]. Ситуация на восточном фронте вынуждала неустанно передвигать лагеря беженцев на запад – с Северного Кавказа сначала на Кубань и Дон, а затем и на северное побережье Азовского и Черного морей, пока они не оказались на территории Украины.

С отступлением немецких войск на запад росло число эмигрантов. Перемещение фронта к границам западных советских республик (Эстонии, Латвии, Литвы, Белоруссии и Украины) означало дальнейшее массовое бегство жителей из этих стран, которые в 1944 г. пересекли западную линию советской границы и оказались в Центральной и Юго-Восточной Европе.

1943 год стал началом уникального социального феномена, когда часть населения Советского Союза бежала от наступающей армии своей же страны, перешла на территорию соседних стран, и, уходя от приближающейся линии фронта, перемещалась все дальше на запад, в соседние страны, которые еще находились под немецким влиянием. Уже один этот факт свидетельствовал о масштабе и глубине недовольства населения СССР сталинским режимом.

Речь идет о третьей волне эмиграции из Советского Союза, которая произошла во время Второй мировой войны. Первая волна эмиграции произошла в начале XX в. из царской России, вторая – во время гражданской войны и первых послереволюционных лет (1917–1922) из Советской России (так называемая «Белая эмиграция»). Описываемый эмиграционный поток, который обрушился на территорию Словакии в течение июля–августа 1944 г., относится к третьей волне эмиграции из Советского Союза. Часть этой волны эмиграции (особенно из западных областей Украины) в конце лета 1944 г. докатилась и до территории бывшей Словацкой Республики (1939–1945). Беженцы из Западной Украины, координируемые немецкими органами тыла, следовали в южном направлении через территорию Венгрии в Австрию. Вторая часть следовала через юг Польши в Германию и Словакию, а также через территорию Словакии в Венгрию и Австрию.

С наступлением Красной Армии в 1944 г. ситуация в Западной Украине с каждым днем становилась сложнее. Обеспокоенность наблюдалась не только среди немецких солдат, членов оккупационной администрации или местных полицейских сил на службе у немцев, но и среди украинских гражданских лиц. Наплыв беженцев с Кавказа, европейской части России и позже Восточной Украины знаменовал собой приближение восточного фронта. Украинцы, которые сотрудничали с немцами, понимая, что их ожидает в случае возвращения советской власти, решили уйти из родной страны (в этом духе велась и соответствующая пропаганда со стороны немецких и украинских антибольшевистских организаций, сотрудничающих с нацистами). Люди, которые все еще оставались на службе у немцев, эвакуировали членов своих семей, ожидая, что скоро эмигрируют и они сами.

Кроме того, к эмиграции начали готовиться и другие слои населения (прежде всего интеллигенция), которые не хотели допускать и мысли о том, что им придется остаться в стране, управляемой сталинской диктатурой.

Изучаемая нами группа беженцев, которая происходила в основном из восточной части Генеральной губернии – Галицкого дистрикта (Западной Украины), к которой принадлежала и часть населения Восточной Украины, прилегающих белорусских земель и европейской части России, из-за приближения фронта направлялась, прежде всего, на территорию южной Польши. Целью немецких властей, координирующих этот поток беженцев, являлось его последующее перемещение на территорию тыла, подальше от линии фронта. К ней присоединились и были подготовлены к уходу и русские (так называемые «белые» беженцы), которые эмигрировали в Польшу в межвоенный период и осели в окрестностях Варшавы, Люблина и Кракова.

* **Мичко Пэтэр** (Банска Быстрица, Словакия) – доктор философии, доцент университета Матье Бела. **Шмигель Михал** (Банска Быстрица, Словакия) – доктор философии, доцент университета Матье Бела.

** Статья выполнена при грантовой поддержке проекта VEGA č. 2/0090/10 «Экономическая миграция в Словакии в 1939–1945 гг.».

Начиная с апреля 1944 г. эмигранты сосредотачивались в основном в районах вблизи крупных дорог, которые вели в Словакию. Наибольшее число беженцев было сосредоточено в западных районах Лемковины в окрестностях Крыницы. В восточной Лемковине группы эмигрантов задерживались около Команча, Большого Вислока, Чистогорба и в лагере для беженцев недалеко от города Санок. В данных лагерях находились три категории эмигрантов. Наибольшую часть составляли так называемые политические беженцы. Это было население, которое в большинстве своем лояльно относилось к немецкому оккупационному режиму и которое активно или пассивно сотрудничало с немцами, но в основном с украинскими националистами (Организацией украинских националистов). Кроме того, это были люди, которые придерживались идеи независимого украинского государства без большевистской власти. Люди, которые не хотели принимать советский режим, интеллигенция, греко-католическое духовенство, дезертиры из Красной Армии, а также люди, которые на себе ощутили давление советского репрессивного аппарата. Это было население, которое с приходом Красной Армии и вновь установленной советской властью ожидало новую волну преследований и гонений и которое, понятное дело, боялось этого. Поэтому эти люди решили уйти с немцами на Запад.

Вторая часть беженцев состояла из людей, которые не хотели покидать украинскую территорию, но поддались пропаганде и агитации, проводимой немецкой администрацией и местными националистами, призывающими покинуть страну и отправиться за границу. Они не знали, что делать дальше. Ждали и втайне надеялись, что ситуация на восточном фронте изменится и немецкое отступление прекратится. Они хотели вернуться с немецкой армией в свои родные места.

К третьей, наиболее малочисленной части беженцев, относились те люди, которые боялись боевых действий и того, что фронт пройдет через те районы, в которых они проживали. Они хотели переждать критические моменты в ближнем зарубежье – в лесах и горах соседней Лемковины в Польше, или же северо-восточной Словакии, а позже надеялись вернуться в родные места [2, с. 101-102].

Вся эта людская масса во второй половине 1944 г. была сосредоточена в юго-восточной Польше, и поэтому она должна была быть направлена в другие страны, которые сотрудничали с Берлином. Кроме самой Германии, куда были перемещены некоторые из этих беженцев, предполагалось передвижение в Словакию, Венгрию, Австрию и некоторые другие страны на юге и западе.

В этих условиях было ясно, что Словакия не избежит притока беженцев с Востока. Кроме того, часть эмигрантов, сосредоточенная на прилегающих землях восточной Лемковины, начала без разрешения немецких и словацких властей в июле 1944 г. неорганизованно и незаконно пересекать польско-словацкую границу и селиться в приграничных районах Северной Словакии [3, с. 253].

Ситуация в Словакии. По договоренности с берлинскими властями и Управлением генерал-губернатора в Польше, словацкое правительство готовилось принять группу беженцев, которая была сосредоточена вдоль словацко-польской границы и ждала только разрешения на въезд в страну [4]. Братиславское правительство было заинтересовано в приеме беженцев, но в организованном порядке и только невооруженных гражданских лиц и тех, которые могли бы участвовать в трудовой деятельности на благо словацкой экономики. Как отметил в своем отчете для Венского областного штаба Sicherheitsdienst (Служба безопасности главы Рейха (Sicherheitsdienst des Reichsführers SS – SD) глава информационных сетей IV центра SD в Словакии: «Словацкая Республика согласна принять на основе двусторонних соглашений и решений словацкого правительства определенное количество украинских, польских, а также русских беженцев. 20 000 эмигрантов к этому моменту уже были переправлены в Венгрию. Еще 30 000 отправлены в Рейх. Несколько тысяч беженцев должны принимать участие в местном (т.е. словацком) производственном процессе» [5, д. 23, с. 429].

На словацкой стороне начали лихорадочную подготовку для принятия беженцев и предоставления им убежища. Решением правительства вся тяжесть операции по приему эмигрантов легла на министерства обороны и внутренних дел, при взаимодействии с другими ведомствами. Начальный этап принятия и организации помощи беженцам должно было проводить Министерство национальной обороны (МНО), а задачу их транспортировки в определенные места взяло на себя Министерство внутренних дел (МВД) Словацкой Республики.

В то же время начали создаваться пропускные пункты вблизи Чадца (на северо-западе) и Старая Любовня (на северо-востоке страны) для приема, охраны и сопровождения беженцев. Был создан Штаб сосредоточения беженцев в Жилине с целью регистрации тех людей, которые прошли пропускные пункты, и отправки их в центральные районы страны. В центральной части Словакии создавали лагерь для беженцев Оремов Лаз и искали варианты расселения советских эмигрантов. За подготовительным этапом операции пристально следило ведомство немецкого генерала в словацком МНО подполковника Ститсингера [6].

В процессе работ по подготовке к принятию беженцев из Генеральной губернии разрабатывались и конкретные инструкции по приему, учету и расположению эмигрантов в Словацкой Республике. 30 июля 1944 г. было объявлено днем начала организованного принятия беженцев в пунктах пересечения границы, а в целом предполагалось, что в Словакию придут более 50 тыс. чел. [7]. Когда немецкие тыловые службы в Генеральной

губернии получили информацию о готовности Словацкой Республики принять беженцев, они преступили к их активной транспортировке [8, с. 95].

В первые же дни организованного приема беженцев пограничные переходы Словакии буквально трещали по швам от наплыва въезжающих в страну людей. После прохождения карантина в пунктах сбора и прохождения регистрации в Жилине они постепенно направлялись в другие области страны, в основном в центральную и западную Словакию. Большинство беженцев было доставлено к месту назначения по железной дороге, меньшая часть передвигалась в пеших колоннах или посредством автотранспорта в сопровождении Словацких служб безопасности [9]. Только к 25 августа 1944 г. ситуация на границе стабилизировалась, и в последующие дни наблюдался непостоянный поток беженцев. Вся операция была неожиданно остановлена 29 августа 1944 г. Виной тому было начало Словацкого народного восстания в центральной части страны. В результате принимать эмигрантов, по существу, уже было некому. В соответствии с этим интерес эмигрантов к убежищу в Словакии резко сократился. Все вышеописанные события происходили с 30 июля по 29 августа 1944 г.

Большинство беженцев было размещено именно в Центральной Словакии, главным образом в южных ее районах, в меньшей степени – в северных. К концу августа 1944 г. на всей территории центральной Словакии было сосредоточено около 8000 беженцев, из которых 3500 – в лагере Оремов Лаз, что составляло примерно половину от общего числа прибывших в Словацкую Республику.

В восточной части Словакии находилось значительно меньше беженцев, так как данный регион был объявлен боевой операционной зоной [10, с. 282]. Эмигрантов размещали в основном в Высоких Татрах (в гостиницах) в количестве от 600 до 800 чел. (прежде всего, православное духовенство вместе со своими семьями), в окрестностях Прешова (старшие греко-католические сановники со своей свитой) и районе Кежмарка (эмигранты межвоенного периода, русские из Польши) [3, с. 245]. В целом, в восточной Словакии находилось около 4500 беженцев. На западе Словакии почти 900 эмигрантов из Украины были размещены в четырех лагерях, расположенных в Братиславе, в Тренчине (среди них было большое количество медиков), на Загорьи и в других районах. В общей сложности в этой области находилось почти 4000 чел. [11].

По официальным данным Штаба помощи беженцам, к 24 августа 1944 г. в Словакии находились 16 674 эмигранта [12]. Еще около 1000 чел. после короткого пребывания в Жилине были отправлены в Германию (согласно другим данным, более 2000 чел.). Общий анализ исторических документов показывает, что в итоге к 29 августа 1944 г. на территорию Словакии прибыло от 17,5 до 18,5 тыс. чел. Более точная цифра из-за начала восстания не может быть установлена [13].

Социальная структура беженцев. Интересна структура беженцев, которые прибыли в Словакию в 1944 г., а также их судьбы, на которые повлияли военные действия. Большинство эмигрантов составляли украинцы, меньшую – русские. Среди эмигрантов были также поляки, латыши, литовцы, белорусы и представители других национальностей, которые принадлежали к различным народам и этническим группам в составе СССР. Около 2/3 беженцев прибыло из западных регионов Украины (Генеральная губерния), в особенности из Галиции (в том числе Лемковины). Также были беженцы из других районов так называемой Большой Украины (восточной, центральной и южной частей Украины) и в меньшей степени – европейской части России (Поволжье, Кавказ), отдельных стран Балтии, Белоруссии, Молдовы и др. Что касается религиозной структуры, то среди них явно преобладали православные. Незначительную часть составляли беженцы католического вероисповедания [14, 15].

Следует также отметить, что от линии боевых действий, наступающей Советской Армии и советской власти бежали не только отдельные люди, но целые семьи и даже организации и учреждения. Особенно из Львова и окрестных территорий Тернополя, Станиславова и других городов Украины (и Польши). Среди них были, например, Харьковский национальный театр, Варшавский русский театр, группы преподавателей и учащихся средних и высших учебных заведений городов и сел Украины, рабочие коллективы почтовых отделений, торговых предприятий, органов местного самоуправления, религиозных организаций и духовной власти. В эмиграцию отправилась огромная часть интеллигенции: деятели культуры и науки, журналисты, экономисты и финансисты. К ним присоединились священники (православной и греко-католической церкви) с семьями и другие слои населения [14, 15]. Среди беженцев в Словакии находились члены семей украинских националистических военных организаций и украинских полицейских батальонов, которые состояли на службе у немцев [8], а также дезертиры из Красной Армии.

Из анализа списка беженцев, которые в 1944 г. находились в Словакии, следует, что из общей численности почти 65% составляли женщины и дети. Поэтому словацкой стороной большое внимание уделялось медицинской помощи. Опекун над беженцами взял на себя Словацкий Красный крест, который был вовлечен в данную операцию и обеспечивал беженцев (в особенности их детей) питанием и оказывал первую помощь при перевозке их по территории республики и на месте их пребывания. Кроме того, беженцам были предоставлены одежда и предметы личной гигиены [16]. Также руку помощи эмигрантам протянули украинские и русские организации [17].

То же делали и словацкие духовные власти, в особенности Греко-католический епископат в Прешове [9]. Следует отметить, что словацкие газеты призывали население принять активное участие в помощи беженцам [18, с. 3].

Несмотря на такие призывы, реакции на прибытие такого количества эмигрантов среди словацкого населения были разными. Наблюдалась определенная обеспокоенность, хотя в целом коренное население относилось к беженцам хорошо и сочувственно [3, с. 250]. Трудности в некоторых случаях возникали, главным образом, с трудоустройством эмигрантов в определенных районах, хотя большинство из них искало работу добровольно и самостоятельно.

Словацкие государственные предприятия, а также некоторые частные компании и многочисленные мелкие предприниматели были заинтересованы в принятии на работу беженцев (из-за отсутствия собственной рабочей силы). Например, Центральная биржа труда в начале августа 1944 г. определила на работу 500 чел. на прокладку тоннеля под братиславским замком [19]. Большая группа беженцев, около 150 чел., работала на заводе по производству лампочек в Утекаче (в центральной части Словакии), еще одна группа из 347 человек, работавших ранее в леснических хозяйствах, была отправлена на работу в Голиче. Наблюдался повышенный спрос на врачей, в которых нуждались государственные больницы и специализированные учреждения [7]. Большое число других украинских беженцев было занято на различных предприятиях в центральных и западных районах Словакии.

В итоге, почти 40% от общего числа беженцев в Словакии в скором времени получили рабочие места, что, учитывая большое количество детей и лиц, которые были не в состоянии работать (по причине возраста, состояния здоровья и т.д.), и представителей духовенства, было удовлетворительным и относительно высоким числом от общей массы эмигрантов [20]. Наибольшее, но точно не установленное число беженцев принималось на краткосрочную сезонную работу (в основном сельскохозяйственного характера, по договоренности с владельцами хозяйств в южных районах страны на период сбора урожая) или на помощь в ремесленных и других видах работ.

Словацкое национальное восстание. После начала восстания 20 августа 1944 г. для беженцев, которые оказались в центральной части Словакии, где наблюдались волнения, настали критические времена. Например, словацкое подразделение, которое охраняло лагерь беженцев в Оремовом Лазе, перешло на сторону повстанцев. С тех пор они были без охраны, жили в постоянном страхе и голоде. Затем повстанцы заняли лагерь и обыскали его. Многие люди были допрошены. Женщины и дети, видимо, были оставлены в покое, мужчины же были вызваны к советским офицерам, которые находились среди повстанцев, где им предложили присоединиться к вооруженным действиям вместе с партизанами [8, с. 87]. Аналогичная ситуация наблюдалась и в других населенных пунктах центральной части Словакии.

Были зарегистрированы случаи, когда советские и словацкие партизаны отбирали у беженцев личные вещи, продукты, документы, запугивали их и даже насильно уводили с собой [21]. Как сообщают исторические документы, некоторые эмигранты после начала восстания пропали без вести, возможно, были убиты [22]. В этой ситуации единственным выходом для беженцев было бегство. Только так они могли сохранить свои жизни и не наткнуться на словацких и особенно советских партизан. Последних опасались больше всего. И не без оснований: для партизан и их комиссаров каждый, кто бежал с немцами, приравнивался к фашистам и считался классовым врагом [23, с. 41]. Осенью 1944 г. в Словакии произошло много трагических событий с советскими беженцами.

Эмигрантами пристально интересовался с самого своего появления повстанческий Словацкий национальный совет (СНС) в городе Банска Быстрица, для которых беженцы, находящиеся на территории восстания, представлялись опасными, особенно из-за существующих подозрений того, что они вооружены [24]. По распоряжению СНС местные органы власти с помощью вооруженных повстанцев проводили осмотр мест жительства и личного имущества эмигрантов. На самом деле никакого оружия обнаружено не было, но нашли много ценных вещей, которые были у беженцев конфискованы. Центральный штаб повстанцев в конечном счете пытался вывести беженцев с мятежных территорий, что в некоторых случаях им удалось. Большинство беженцев, которые оказались в водовороте восстания, особенно быстро и неорганизованно сами покидали данную территорию.

После начала восстания Штаб помощи беженцам в Братиславе уже с начала сентября 1944 г. сообщил региональным властям (вне повстанческих областей), что немецкие власти принимают всех эмигрантов, прибывших в Словакию, под свою опеку и в ближайшие дни перевезут их на территорию Рейха [25]. Первыми было приказано эвакуировать членов семьи военнослужащих Waffen SS и представителей духовенства, а впоследствии – остальных людей, которых местные власти должны были подготовить к отъезду на ближайшую железнодорожную станцию. Специализированным железнодорожным транспортом планировалось подсаживать семьи беженцев в поезд на трассе Жилина – Братислава [26].

В сентябре–октябре 1944 г. в первую очередь эвакуировались эмигранты из западных и северо-западных регионов Словакии. Ситуация с транспортом для беженцев при перевозе их в Рейх обстояла особенно тяжело в основном в отдаленных от Братиславы регионах. Немецкие военные операции по подавлению восстания в центре Словакии привели к тому, что эвакуация беженцев из восточной Словакии была проведена только в период с октября по ноябрь 1944 г. Их эвакуацию осложняли распад государственного аппарата и часто даже неже-

лание местных структур выполнять приказы Братиславского правительства, так как приближение с востока и юга фронта было только вопросом времени [27]. В сложившейся ситуации было тяжело проводить эвакуацию беженцев, так как в это же время проходила эвакуация словацких органов и населения, в основном немецкого происхождения, из восточной части страны и необходимые средства сообщения, особенно железнодорожные, были переполнены немецким военным транспортом [28]. Обеспокоенность и хаос, вызванные приходом Красной армии, действиями партизан и процессом дезорганизации правительственной структуры, повлияли на весь процесс эвакуации беженцев из Словакии, который был завершен в декабре 1944 г. [29].

Ситуацию осложняли и сами беженцы. В частности, некоторые из них решили остаться на территории Словакии и там ожидать прихода фронта [30]. Вполне возможно, что люди просто были физически и морально истощены постоянным бегством. Это касается, главным образом, той части беженцев, которая эмигрировала из чисто прагматических соображений, а не из политических убеждений или страха перед наступающей советской властью. В скором времени после прихода советской армии эти беженцы стали непосредственной целью НКВД, а именно специального элитного подразделения «Смерш» («Смерть шпионам»). Второе отделение данной организации занималось тем, что сразу после взятия поселка или города находили и арестовывали противников советской системы и коммунистической идеологии [31, с. 107]. Особенную важность для «Смерша» представляли именно эмигранты из СССР, которые впоследствии были насильственно репатриированы (на родине они должны были в течение многих лет рассчитываться за свой грех – «измену»). У беженцев, которые остались в Словакии после наступления фронта и не были раскрыты НКВД, было мало шансов остаться в стране. Они стали целью советской репатриационной операции в первые послевоенные годы в Чехословакии (1945–1948).

Заключение. Большинство беженцев из СССР, которые прибыли осенью 1944 г. в Словакию, в результате оказались в Австрии, где их след был потерян. Там они и дождались окончания войны [32, с. 43–46, 49–53] (предполагается, что весной 1945 г., за пределами Советского Союза находилось более 5,5 млн. советских граждан) [33, с. 380]. Хотя многие из них и были возвращены в СССР в результате операций по репатриации, некоторые из них избежали этой участи. Все это зависело от многих обстоятельств. Критерии отбора для репатриации беженцев или решение оставить их за пределами СССР, – как констатировал Н. Толстой, – до сих пор остаются загадкой [34, с. 220–222].

Число возвратившихся в Советский Союз беженцев, конечно, не является точными. Количество советских граждан, которые по решению политиков или из-за усердия западных военных командиров были возвращены под «опеку» социалистических властей, безусловно, составило не меньше нескольких сотен тысяч человек, хотя по другим оценкам могло составить и около двух миллионов человек [35, с. 131].

Перевод со словацкого А. А. Павловича

Источники и литература

1. Auský S. Kozáctvo. (Poslední nástup a zánik) / S. Auský. Praha, 2003.
2. Ріпещкий М. Історія курія „Рена“ / М. Ріпещкий // Літопис Української Повстанської Армії, том 33. Toronto; Львів, 2001.
3. Lacko M. Situačné hlásenia okresných náčelníkov (január – august 1944). Z prameňov k dejinám 1. Slovenskej republiky 1939–1945. I. Diel / M. Lacko. Trnava, 2005.
4. Vojenský historický archív (VHA) Bratislava, f. MNO SR 1939–1945, spisy dôverné 1940–1945 (2. časť: 1943–1945), šk. 429, č. 474.063/1944. List nemeckého generála pri MNO.
5. Schvarc M. Sicherheitsdienst a Slovensko v rokoch 1939–1944 (od autonómie po Povstanie). Slovenský štát vo vybraných správach SD od jesene 1943 do septembra 1944 / M. Schvarc. Bratislava, 2006.
6. VHA Bratislava, f. MNO 1939–1945, šk. 429, č. 474.063/1944. List nemeckého generála pri MNO z 30.7.1944.
7. VHA Bratislava, f. MNO 1939–1945, šk. 429, č. 474.646/1944. VSU – zriadenie.
8. Von München bis Salzburg 1938–1940. Dokumente und Essay. Buch 2. Slovensko v jeseni 1944 / ed. L. Suško. Bratislava, 2008.
9. VHA Bratislava, f. MNO 1939–1945, šk. 429, č. 474.063/1944. Prehľad o došlých utečencoch z 9.8.1944.
10. Pekár, M. Pomery na východnom Slovensku v posledných mesiacoch existencie ľudáckeho režimu / M. Pekár // Slovenská republika 1939–1945 očami mladých historikov V. Banská Bystrica, 2006.
11. VHA Bratislava, f. MNO 1939 – 1945, šk. 429, č. 474.063/1944. Ukrajinskí utečenci na Slovensku – rozmiestnenie.
12. Štátny archív (ŠA) Levoča, f. ŽS Podolínec 1919–1947, šk. 1. Pamätník ŽS Podolínec 1919–1947.
13. VHA Bratislava, f. MNO 1939–1945, šk. 429, č. 474.063/1944. Prehľady o počte ukrajinských utečencov.
14. ŠA Banská Bystrica pob. Zvolen, f. OÚ Krupina 1923–1945, šk. 95-96 prez. Kartotéka utečencov.
15. ŠA Bytča pob. Žilina, f. ÚP Žilina 1940–1945, k. 12. Kartotéka utečencov.
16. ŠA Banská Bystrica pob. Lučenec, f. ObNÚ Divín 1924–1944, šk. 5, č. 128/1944dôv. prez. Opatrenia OÚ v Lovinobani.
17. ŠA Banská Bystrica pob. Zvolen, f. OÚ Krupina 1923–1945, šk. 95, č. D1-1318/1944. Ukrajinskí utečenci – odchod do Bratislavy.
18. Slovák, 5.8.1944.

19. ŠA Bytča pob. Žilina, f. ÚP Žilina 1940–1945, šk. 11, č. 622-318-1/1944. Objednávanie robotníctva z radov utečencov.
20. VHA Bratislava, f. MNO 1939–1945, šk. 429, č. 474.063/1944. Prehľad o ukr. utečencoch z 28.8.1944.
21. ŠA Banská Bystrica pob. Zvolen, f. OÚ Krupina 1923–1945, šk. 569, č. D1-2331/1944 prez. Hlásenie NÚ v Horných Rykynčiciach z 9.10.1944.
22. ŠA Banská Bystrica pob. Zvolen, f. OÚ Krupina 1923–1945, šk. 569, č. D1-2372/1944 prez.
23. *Vnuk F.* Katynské lesíky na Slovensku / F. Vnuk // Horúce témy / zost. J. Čomaj. Bratislava, 1991.
24. ŠA Banská Bystrica pob. Kremnica, f. OÚ Kremnica 1923–1945, šk. 64, č. D1-467/1944 prez. Nariadenie Poverenictva pre veci vnútorné SNR z 11.9.1944.
25. ŠA Banská Bystrica pob. Banská Bystrica, f. OÚ B. Bystrica 1923–1945, šk. 143, č. D1-2098/1944. Obežník MNO-VSU.
26. ŠA Bratislava pob. Trenčín, f. OÚ Nové Mesto n/Váhom 1923–1945, šk. 194, č. 872/1944. Nariadenie VSU.
27. SNA Bratislava, f. 209, šk. 782. Všeobecná politická situačná správa za mesiac október 1944.
28. ŠA Prešov, f. Šarišsko-zemplínska župa 1940–1945, č. j. 1038/1944 prez. Úradný záznam z 15.11.1944.
29. Šmigel M., Mičko P. Evakuácia v znamení úteku / M. Šmigel, P. Mičko. Banská Bystrica, 2006.
30. ŠA Levoča pob. Stará Ľubovňa, f. ObNÚ Podolinec 1923–1944, šk. 4, č. D1-888/1944 prez.
31. Letz R. Činnosť sovietskych orgánov NKVD na Slovensku v rokoch 1944 a 1945 / R. Letz // Slovensko na konci druhej svetovej vojny / eds. V. Bystrický, Š. Fano. Bratislava, 1994.
32. Andruchowycz J., Stasiuk A. Moja Europa. Dwa eseje o Europie zwanej Srodkowa / J. Andruchowycz, A. Stasiuk. Wolowiec, 2001.
33. Applebaum A. GULAG. Dějiny / A. Applebaum. Praha; Plzeň, 2004.
34. Tolstoj N. Oběti Jalty / N. Tolstoj. Praha, 1998.
35. Bystrov V. Z Prahy do Gulagu aneb překáželi / V. Bystrov. Praha, 1999.

Динамика смертности и рождаемости и ее влияние на демографическое развитие во второй половине 1940-х – 1950-е гг. (на материалах Сибири)**

Первое послевоенное пятнадцатилетие отмечено не только постепенным преодолением послевоенной разрухи, но и бурным подъемом экономики восточных районов страны, активным освоением природных ресурсов Сибири, завершением индустриализации. В политическом плане 1950-е гг. отмечены ослаблением тоталитарного режима, его трансформацией режима к авторитарной форме, либерализацией брачно-семейного законодательства, что не могло не отразиться и на демографической ситуации. Собственно с демографических позиций конец 1950-х – начало 1960-х гг. характеризуется близостью завершения демографического перехода.

Собственно вторая половина 1945 – первая половина 1946 гг. характеризуются кратковременным демографическим подъемом, вслед за которым наступил период обострения демографической ситуации, что выразилось главным образом в увеличении общих показателей смертности населения Сибири. В 1947 г. общие коэффициенты смертности населения Сибири превышали аналогичные показатели за 1946 г. почти на 32%. В городских поселениях региона в 1947 г. коэффициенты смертности превосходили уровень 1945 г. на 52,3, в сельской местности – на 44% [1].

В основе повышения смертности в 1947 г. лежал послевоенный голод, поразивший и население Сибири, в первую очередь, деревню. В городах положение с продовольствием было очень напряженным, но благодаря карточной системе распределения продуктов – все же лучше, чем в деревне. В сельской же местности властям пришлось даже сокращать число населения (врачи, учителя и т. д.), находившегося на карточном снабжении продовольствием.

Главными причинами смерти людей во время голода 1946–1947 гг. вновь стали туберкулез, желудочно-кишечные инфекции и воспаление легких. При этом нужно учитывать, что война с ее стрессами, нагрузками, низким уровнем материального обеспечения сильно ухудшила состояние здоровья людей. Ослабленные хроническим недоеданием и нехваткой в рационе питания белков и витаминов сибиряки становились легкой добычей болезней. Так, в Новосибирске, крупнейшем городе Сибири, почти половина всех случаев смерти приходилась на инфекционные заболевания. За период с января по август 1947 г. число умерших от дизентерии и туберкулеза в городе возросло в 12 раз, от токсической диспепсии – в 13, от гастроэнтероколита – в 7 раз [2]. В Омской области детская летальность за 1946–1947 гг. возросла в 2,6 раза, в том числе от воспаления легких – на 35, туберкулеза – на 27,9%, дизентерии – в 2,6 раза [3]. В Кемеровской области в 1947 г. по отношению к 1945 г. удельный вес смертей от эпидемических заболеваний в структуре причин смерти вырос в 2,2 раза, от воспаления легких – на 73%, от токсической диспепсии – в 1,7 раза [4].

Но в особенно трудное положение были поставлены крестьяне, которые никогда не получали хлебных карточек. Люди голодали, употребляли в пищу толченые травы, мясо павших животных. С мест в Обкомы, Крайкомы и даже в ЦК ВКП(б) потоком шли сообщения о катастрофической ситуации в деревне. Так, из Третьяковского РК ВКП(б) (Алтайский край) сообщали: «За последнее время в райком ВКП(б) поступило много просьб трудящихся об оказании помощи продуктами питания, главным образом хлебом. Из 55 колхозов в районе в 35 колхозах колхозники получили трудодни от 20 до 100 грамм, в 10 колхозах до 150 грамм» [5]. Таких сообщений было множество. Так, директор Увальского совхоза (Новосибирская область) писал в Барабинский Союзмолтрест: «Положение рабочих в совхозе из-за отсутствия продуктов питания весьма напряженное. Большинство рабочих не имеют ни грамма картофеля и овощей, многие от физического истощения в связи с недоеданием и голодом не работают и впадают в жалкое существование... В совхозе имеются массовые случаи, особенно среди детей, опухания, а также 3 случая смерти от голода» [6]. В сельской местности вновь были зафиксированы многочисленные случаи септической ангины. Но, поскольку регистрация демографических событий в деревне была организована хуже, чем в городе, смертность от голода и инфекций слабо отражалась в статистических документах.

Только после 1947 г., когда голод был в основном преодолен, определяющей тенденцией демографического развития стало быстрое снижение смертности. В этом аспекте 1950-е гг. явились самым благополучным периодом демографической истории СССР: в данном случае сказывались не только результаты индустриализации, но

* **Исупов Владимир Анатольевич** (Новосибирск) – доктор исторических наук, заведующий сектором историко-демографических исследований Института истории СО РАН, vladimir_2004@mail.ru. **Жеребцов Игорь Любомирович** (Сыктывкар) – доктор исторических наук, директор Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, zherebtsov@mail.illhkomisc.ru.

** Публикация подготовлена при поддержке Программы фундаментальных исследований Уральского отделения РАН, проект № 12-С-6-1001.

и смягчение политического режима после смерти Сталина. Это выразилось в повышении материального благосостояния народа и бурном жилищном строительстве, в развитии коммунального хозяйства, здравоохранения и фармацевтической промышленности, ослаблении государственного диктата в области сельского хозяйства, повышении закупочных цен и реабилитации политических заключенных. В итоге, за период с 1947 по 1959 г. уровень смертности в Сибири понизился в 2 раза, в том числе в городских поселениях – в 2,4, в сельской местности – в 1,7 раза (табл. 1).

Динамика общих коэффициентов смертности населения Сибири **. 1946–1959 гг. (на 1000 чел. населения)

Год	Коэффициент смертности	Год	Коэффициент смертности
1946	11,0	1953	9,7
1947	14,6	1954	9,3
1948	12,3	1955	9,0
1949	10,9	1956	7,4
1950	11,7	1957	7,6
1951	11,1	1958	7,3
1952	10,7	1959	7,3

* Составлена по данным: Исупов В.А. *Городское население Сибири: От катастрофы к возрождению (конец 30-х – конец 50-х гг.)*. Новосибирск, 1991. С. 109.

** В административных границах соответствующих лет.

только в городских поселениях Западной Сибири в 1959 г. по отношению к 1939 г. удельный вес смертей от инфекционных и паразитарных болезней сократился более чем в 3 раза, от желудочно-кишечных болезней – более чем в 7 раз. Вместе с тем доля смертей от злокачественных опухолей возросла в 11, от болезней сердца – в 3, от артериосклероза – в 8,4 раза [7].

В результате смертность перемещалась в старшие возрастные группы. Все больше людей доживали до глубокой старости. На поверхности явления это выступало как сокращение общих коэффициентов смертности. На самом деле вследствие коренной перестройки структуры причин смертности населения и перемещения смертности в старшие возрастные группы росла средняя продолжительность жизни сибиряков. В целом по СССР она составляла в 1938–1939 гг. 47 лет, в 1954–1955 гг. – 64 года, а в 1958–1959 гг. – 69 лет [8]. Впервые более чем за тысячелетнюю историю России уровень смертности и продолжительность жизни населения страны и многих ее регионов не только приблизились, но и не уступали общеевропейским показателям.

Заметно выросла продолжительность жизни и в Сибири.

Если в 1926–1927 гг. ожидаемая продолжительность жизни населения Сибирского края составляла 37,6 лет [9], то в 1958–1959 гг. – 66,1 года, в том числе у мужчин – 61,7 года, у женщин – 70,4 года [10].

Динамика рождаемости населения Сибири во второй половине 1940-х, в 1950-е гг. также свидетельствует о позитивных тенденциях в развитии демографической сферы Сибири. Первые послевоенные годы характеризуются так называемой компенсаторной волной рождаемости. О динамике рождаемости в сибирском регионе после войны дают представление следующие данные. В 1946 г. на 1000 человек населения Сибири родилось 27,9 чел., в 1947 г. – 31,2 чел., в 1948 г. – 27,1 чел., в 1949 г. – 31,5 чел., в 1950 г. – 31,1 чел. [11].

Для воспроизводства населения Сибири в первые послевоенные годы были присущи две важные тенденции. Во-первых, уровень рождаемости после завершения Великой Отечественной войны так и не достиг уровня предвоенных лет. Это свидетельствует не только об огромных половозрастных диспропорциях, образовавшихся в ходе войны, но и о развитии процессов демографического перехода, об усиливающемся контроле над рождаемостью, о все более широком распространении малодетных семей. Во-вторых,

В основе снижения смертности в конце 1940-х, в 1950-е гг. лежало, с одной стороны, улучшение работы органов здравоохранения, а, с другой – резкое сокращение заболеваемости инфекционными и желудочно-кишечными заболеваниями, случайными по отношению к демографической подсистеме общества, мало зависящими от возраста и поражающими в основном младшие возрастные группы. Эндогенные факторы смертности замещались экзогенными и квазиэндогенными. В результате в структуре причин смертности населения Сибири нарастал удельный вес причин смерти от сердечно-сосудистых заболеваний, а также злокачественных опухолей. Эти болезни были характерны для лиц старших возрастов. По имеющимся данным в структуре причин смерти

Динамика рождаемости населения Сибири ** в 1950-е гг. (на 1000 человек населения)

Год	Городское население	Сельское население
1951	31,2	34,6
1952	30,2	32,7
1953	27,7	32,2
1954	24,1	38,1
1955	26,8	34,8
1956	24,3	33,7
1957	23,6	34,6
1958	24,9	33,0
1959	24,1	30,7

* Составлена по данным: Исупов В. А. *Городское население Сибири...* С. 160.

** В административных границах соответствующих лет.

отчетливо заметен спад в рождаемости, происшедший в 1948 г. Это было явным следствием голода 1946–1947 гг. Сокращение числа зачатий вследствие голода сказалось через девять месяцев после его продления, в 1948 г.

В 1950-е гг. уровень рождаемости оставался стабильно высоким, проявляя тенденцию к очень медленному снижению. Причем особенно высокой была рождаемость в сельской местности Сибири. Это обуславливалось тем обстоятельством, что городское население быстрее втягивалось в процесс демографического перехода. Соответственно ограничение рождаемости в городе было распространено шире, чем в деревне (табл. 2).

Снижающаяся смертность и стабильно высокая рождаемость обеспечили устойчивое расширенное воспроизводство населения Сибири. Таким образом, 1950-е гг. были достаточно благополучными в аспекте демографического развития Сибири, что находит подтверждение в ускоренном росте численности населения Сибири (табл. 3).

Таблица 3 *

Динамика численности населения Сибири ** в 1946–1959 гг.

Год	Все население	Городское	Сельское
1946 (оценка на начало года)	13382,5	5653,7	7728,8
1951 (оценка на начало года)	15062,0	6580,0	8482,0
1959 (перепись)	18040,0	9326,9	8713,1

* Составлена по данным: Исупов В. А. *Городское население Сибири: От катастрофы к возрождению (конец 30-х – конец 50-х гг.)*. Новосибирск, 1991. С. 22–23.

** В административно-территориальных границах послевоенных лет.

Таблица показывает, что в период между 1946 и 1959 гг. численность населения Сибири выросла почти на 5 млн. чел. Опережающими темпами росло городское население: рост на 65%, что отражало бурные процессы урбанизации. В 1959 г. численность городского населения превзошла численность сельского. Вместе с тем в указанные годы число жителей сел и деревень Сибири не только не сократилось, но, напротив, увеличилось на 12,7%.

Высокий естественный прирост и миграционный приток населения из различных регионов страны в Сибирь обеспечили повышенные темпы роста численности русских.

Таблица 4 *

Численность и удельный вес русских в составе населения Сибири по данным переписи 1959 г.

Регион	Все население		Городское население		Сельское население	
	Численность русских	Доля русских, %	Численность русских	Доля русских, %	Численность русских	Доля русских, %
Алтайский край	2 302 004	85,8	792 422	89,8	1 509 582	83,8
в том числе:						
Горно-Алтайская а. о.	109 661	69,8	26 021	87,4	83 640	65,7
Кемеровская область	2 386 468	85,7	1 848 309	86,0	538 159	84,5
Новосибирская область	2 056 945	89,5	1 162 717	91,2	894 228	87,4
Омская область	1 273 736	77,4	610 362	85,9	663 374	71,0
Томская область	643 738	86,2	316 883	88,0	326 855	84,5
Тюменская область	894 008	81,9	307 197	88,7	586 811	78,7
в том числе:						
Ханты-Мансийский н. о.	89 813	72,5	28 147	84,1	61 666	68,2
Ямало-Ненецкий н. о.	27 789	44,6	14 222	65,3	13 567	33,5
Красноярский край	2 205 409	84,3	1 122 981	86,7	1 082 428	82,3
в том числе:						
Хакасская а. о.	314 455	76,5	189 130	85,2	125 325	66,2
Таймырский (Долгано-Ненецкий) н. о.	21 799	65,3	16 846	83,4	4 953	37,6
Эвенкийский н. о.	5 975	57,9	1 472	72,2	4 503	54,4
Иркутская область	1 661 831	84,1	1 061 163	86,5	600 668	80,1
в том числе:						
Усть-Ордынский Бурятский н. о.	75 099	56,4	15 584	78,4	59 515	52,6

Регион	Все население		Городское население		Сельское население	
	Численность русских	Доля русских, %	Численность русских	Доля русских, %	Численность русских	Доля русских, %
Читинская область	940 180	90,7	521 977		418 203	88,6
в том числе:				92,5		
Агинский Бурятский н. о.	23 857	48,6	–		23 857	48,6
Бурятская АССР	502568	74,6	233613	84,5	268955	67,8
Тувинская АССР	68924	40,1	39909	79,5	29015	23,8

* Составлена по данным: *Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. РСФСР. М., 1963. С. 328–334, 354–360, 378–384.*

** В административных границах 1959 г.

В 1959 г. русские составляли большинство населения Сибири. Их доля в населении регионов превышала 80%. Особенно высокий удельный вес представителей русского этноса был характерен для Читинской, Новосибирской, Кемеровской областей, Алтайского края. В национальных административных образованиях края прослойка русских была значительно меньше, но и здесь она нигде не была ниже 40%.

Особенно высоким был удельный вес русских в городских поселениях Сибири. Русские сыграли ведущую роль в урбанизации сибирского региона, следовательно, в его промышленном освоении. Соответственно уровень их урбанизированности был очень высок.

Значительный удельный вес русских в составе горожан Сибирского региона обусловлены действием ряда объективных факторов. Экстенсивное промышленное развитие Сибири требовало огромного количества рабочей силы. Сформировать кадры, способные как в количественном, так и качественном отношении удовлетворить в короткие сроки потребности быстро растущей промышленности, можно было только на основе русского сельского населения. К тому же перемещению в города представителей сибирских автохтонных народов препятствовал целый ряд причин. Далеко не все из них могли быстро адаптироваться к условиям городской среды, преодолеть языковой барьер.

В соответствии с этими тенденциями трансформировался и уровень урбанизированности этнических групп. В частности, русскими к концу 1950-х гг. была достигнута весьма высокая степень урбанизированности. И если в 1939 г. почти 34% русских, проживавших на территории Сибири, сосредотачивались в городах и поселках городского типа, то в 1959 г. – почти 55% [12].

Таковы были изменения в демографическом развитии Сибири, в динамике рождаемости и смертности в первые полтора послевоенных десятилетия.

Источники и литература

- Исупов В. А. Городское население Сибири: От катастрофы к возрождению (конец 30-х – конец 50-х гг.). Новосибирск, 1991. С. 109.
- Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. 11. Оп. 2. Д. 1752. Л. 30–31.
- Государственный архив Омской области. Ф. 1143. Оп. 4. Д. 29. Л. 14, 15.
- Государственный архив Кемеровской области. Ф. 304. Оп. 3. Д. 249. Л. 107.
- Центр хранения архивного фонда Алтайского края. Ф. 1. Оп. 30. Д. 200. Л. 1.
- ГАО. Ф. П-4. Оп. 11. Д. 25. Л. 44.
- Исупов В. А. Городское население Сибири... С. 147–148.
- Урланис Б. Ц. Рождаемость и продолжительность жизни в СССР. М., 1963. С. 104.
- Смертность и продолжительность жизни населения СССР. 1926–1927. Таблицы смертности. М.; Л., 1930. С. 136–137.
- Левицкий Е. М. Экономико-статистическое исследование воспроизводства населения Сибири и Дальнего Востока на основе таблиц продолжительности жизни. Новосибирск, 1962. С. 41–44, 53–56.
- Исупов В. А. Городское население Сибири... С. 118.
- Там же. С. 76.

Причины смертности населения Коми АССР в 1960–1970-е гг.**

Смертность является важнейшим критерием здоровья населения, а снижение показателей смертности – одной из положительных характеристик при оценке течения демографических процессов. До середины 1950-х гг. уровень смертности в Коми АССР был намного выше, чем в среднем по СССР и России. С 1955 г. начинается резкое снижение ее уровня. Быстрое снижение смертности произошло благодаря изменению общественно-политической ситуации в стране, а также развитию сети бесплатной медицинской помощи, внедрению новых медицинских препаратов, росту числа и профессионализма медицинских кадров, осуществлению комплекса мероприятий по охране материнства и детства. Наибольшие успехи были достигнуты именно в снижении младенческой смертности. В 1960-е гг. наблюдаемый уровень смертности в Коми АССР стал ниже, чем в СССР и РСФСР и был одним из самых низких (после Мурманской области) в Северном регионе. Так, в 1960 г. общий коэффициент смертности (ОКС) в СССР равнялся 7,1‰, в РСФСР – 7,4, в Коми АССР – 6,0; в 1970 г. – соответственно 8,2, 8,7, 6,5 [1]. Наиболее низкий уровень смертности в республике зафиксирован в 1965 г. – 5,5‰.

Однако со второй половины 1960-х гг. проблема наиболее эффективных путей снижения смертности вновь становится актуальной. С 1966 г. после десятилетнего периода значительного снижения уровня смертности наблюдается тенденция постепенного ее увеличения как за счет изменения возрастно-полового состава населения (снижение числа детей в возрасте до 10 лет и увеличение численности лиц пенсионного возраста), так и за счет роста повозрастной ее интенсивности, особенно среди мужского населения в трудоспособных возрастах. В 1970-е гг. рост смертности населения Коми АССР продолжился. Число умерших в 1979 г. по сравнению с 1970 г. выросло на 43,2%, в то время как численность населения республики за этот период увеличилась только на 16%. ОКС увеличился на 23% и достиг в 1979 г. 8,0‰ (в городской местности – 6,8, в сельской – 11,1) [2]. В 1970-е гг. в республике начинает увеличиваться и младенческая смертность, которая является одним из демографических показателей, наиболее наглядно отражающих уровень развития страны и происходящие в ней социально-экономические изменения. В целом, за 1965–1979 гг. ОКС в республике вырос на 31%. Следует отметить, что повышение ОКС в 1970-е гг. было характерно для всей территории СССР.

Динамика смертности в значительной степени зависит от причин смертности, сочетания эндогенных и экзогенных факторов. В табл. 1 представлены наиболее частые причины, повлекшие смерть людей.

Смертность населения Коми АССР от отдельных причин смерти в 1960–1970-е гг., % к итогу [3]

Причины смерти	1962 г.*	1970 г.	1979 г.
Умершие от всех причин	100,0	100,0	100,0
От инфекционных и паразитарных болезней, в том числе туберкулеза	5,0	2,5	2,0
От новообразований, в т.ч. злокачественных	11,8	12,2	11,5
От болезней органов дыхания, в том числе пневмонии	12,7	10,5	7,8
От болезней системы кровообращения	25,9	36,3	41,7
От болезней органов пищеварения	0,5	3,3	2,6
От болезней новорожденных и врожденных пороков развития	–	0,9	2,2
От несчастных случаев, отравлений, травм различного характера	22,0	28,9	29,4
Прочих причин	22,1	5,4	2,2

* Без детей в возрасте до одного года.

87,9, а в 1979 г. – 90,4%. Болезни сердца и сосудов прочно занимали первое место в структуре причин смертности. В 1979 г. на их долю приходилось 41,7% от общего числа умерших. В 1979 г. по сравнению с 1970 г.

* **Безносова Наталья Павловна** (Сыктывкар) – научный сотрудник группы исторической демографии и исторической географии отдела истории и этнографии Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН.

** Публикация подготовлена при поддержке Программы фундаментальных исследований Уральского отделения РАН, проект № 12-С-6-1001.

Таблица 1

Уровень смертности населения республики в рассматриваемый период определялся четырьмя основными группами заболеваний: болезнями системы кровообращения (сердечно-сосудистыми); злокачественными новообразованиями; несчастными случаями, отравлениями, травмами; болезнями органов дыхания. То есть в Коми сложился тип смертности, характерный для населения всего Советского Союза. Следует отметить, что эти группы заболеваний являются преобладающими причинами смертности населения экономически развитых стран [4].

Численность и удельный вес умерших от указанных причин в рассматриваемый период год от года возрастали. Если в 1962 г. их доля в совокупности умерших составляла 72,4, то в 1970 г. –

показатель смертности в расчете на 10 тыс. населения от болезней системы кровообращения вырос на 42%, от новообразований – на 16%, от несчастных случаев, отравлений и травм – на 26%, снизился (на 6%) – от болезней органов дыхания. Мужская смертность превышала женскую по таким заболеваниям, как хронические заболевания легких, травмы, отравления, острый инфаркт миокарда. Среди женщин выше, чем среди мужчин была смертность от хронических сердечно-сосудистых заболеваний [5]. Что касается детской смертности, то благодаря развитию медицины и медицинского обслуживания, плановой иммунизации и вакцинации детей в рассматриваемый период происходило снижение детской и младенческой смертности от инфекционных болезней, однако по всем другим заболеваниям она увеличивалась. Основными причинами смерти детей в возрасте до одного года оставались болезни органов дыхания, врожденные аномалии, некоторые причины перинатальной смерти (на 0-27 дне жизни). Так, в 1978 г. из совокупности умерших младенцев умерли: от болезней органов дыхания – 47,0%, в том числе от пневмонии – 30,6%, от некоторых причин перинатальной смерти, в том числе от родовых травм и затрудненных родов – 21,6%, от врожденных аномалий – 10,6%, инфекционных и паразитарных болезней – 9,6%, от несчастных случаев – 6,2%, от других болезней – 5,0% [6].

На протяжении исследуемого периода в структуре смертности второе место занимала смертность от внешних причин (не связанных со здоровьем) – это несчастные случаи, отравления и травмы, а среди трудоспособного контингента они являлись главными, составляя более половины случаев смерти в трудоспособных возрастах [7].

Необходимо обратить внимание на заболеваемость и смертность населения от факторов, связанных с его общей и санитарной культурой. В отличие от периода интенсивного снижения смертности от инфекционных и других острых заболеваний (1950-е гг.), когда роль лечебно-профилактических и санитарно-гигиенических мероприятий была решающей, в рассматриваемый период уровень заболеваемости и смертности в большой степени зависел от социально-гигиенической культуры населения, а именно, от отношения людей к своему здоровью, соблюдения гигиены в быту и труде, степени распространенности вредных привычек и т.п. К факторам, стимулирующим рост заболеваемости и смертности, относятся алкоголизм, курение, неправильное питание, малоподвижный образ жизни и др. [8].

Одной из бед населения было распространение пьянства, и как следствие – повышенная смертность населения, преимущественно мужчин, от хронического алкоголизма, и зачастую связанных с ним травматизма и отравлений. Государство, декларировавшее на словах борьбу с пьянством, фактически способствовало алкоголизации населения.

В качестве иллюстрации можно привести следующий пример. В 1972 г. постановлением Совета Министров РСФСР «О мерах по усилению борьбы против пьянства и алкоголизма» предусматривались сокращение производства и потребления крепких спиртных напитков и увеличение производства виноградных вин и пива. Между тем производство водки и ликеро-водочных изделий увеличивалось. На предприятиях министерства пищевой промышленности Коми АССР с 1975 по 1979 г., т.е. всего за четыре года, оно возросло на 68% и в среднем на каждого жителя республики, включая детей, приходилось 44,4 литра винно-водочных изделий в год. В общем объеме товарооборота продовольственных товаров доля винно-водочных изделий в 1979 г. составляла 33,8%, а в торговых организациях Усть-Куломского района она занимала 47,8, Ижемского – 46,1%. С ростом продажи и потребления винно-водочных изделий росла численность больных хроническим алкоголизмом. За те же четыре года, с 1975 по 1979 г., их число увеличилось на 72% [9].

Материалы проводившихся в те годы выборочных исследований показали, что наиболее высокий уровень потребления алкоголя, особенно среди мужчин, приходился на возраст от 30 до 49 лет и именно в этом возрасте отмечается самый высокий уровень смертности мужчин от несчастных случаев, отравлений, травм, который в несколько раз превышал смертность от этих причин среди женщин. В сельской местности смертность мужчин от травм, несчастных случаев и отравлений, не связанных с производством, в большинстве случаев была следствием алкогольного опьянения. В 1980 г. от злоупотребления алкоголем умерли 458 жителей республики, в том числе 427 – от острого алкогольного опьянения или случайного отравления алкоголем. Удельный вес умерших от алкоголя составил 5,0% от совокупности умерших за год (в городах – 4,3, в селе – 6,1%). Со злоупотреблением алкоголем зачастую были связаны и самоубийства [10].

В структуре причин смертности от несчастных случаев значительная часть приходилась на транспортный травматизм, причем свыше трети всех случаев транспортного травматизма со смертельным исходом также было связано с алкогольным опьянением. Так, в 1979 г. в дорожно-транспортных происшествиях на дорогах республики погибло 172 чел., в том числе 61 – в результате аварий, совершенных нетрезвыми водителями [11].

Таким образом, данные статистики свидетельствуют, что наиболее неблагоприятным социально-гигиеническим фактором высокой смертности взрослого населения являлось злоупотребление спиртными напитками.

В улучшении здоровья населения и снижении его смертности важную роль играло здравоохранение, поскольку качество здравоохранения относительно легче улучшить в более короткие сроки, чем условия жизни, состояние окружающей среды или санитарную культуру населения. Отдавая должное успехам советского здравоохранения,

развитие которого способствовало сокращению смертности населения и увеличению средней продолжительности жизни, следует обратить внимание на то обстоятельство, что существовавшая структура учреждений здравоохранения и качество здравоохранения, т.е. доступность квалифицированной медицинской помощи, уровень обеспеченности населения совершенными медикаментами и т.п., не соответствовали требованиям времени. Стремительный процесс урбанизации и технический прогресс меняли условия жизни людей, состояние окружающей среды. Негативное влияние на общественное здоровье оказывали химизация, радиация, автомобилизация, ухудшение экологии, убыстрение ритма жизни, интенсификация труда, информационные нервно-психические перегрузки и др. В новых условиях деятельность учреждений здравоохранения должна была быть направлена на улучшение здоровья, увеличение продолжительности жизни и периода трудовой активности населения [12].

Проходившая в 1963 г. перепись медицинских учреждений показала, что недокомплект врачей в Коми АССР составлял 35, среднего медперсонала – 15,6%. В республике не было ни одного города или района с полной комплектацией медицинского персонала. Крайне низким было обеспечение медучреждений медицинским оборудованием и их благоустройство: 61% зданий медучреждений требовали капитального ремонта, только 30–40% – имели водопровод, 25–30% – канализацию, 33–46% – центральное отопление [13].

Для сельских жителей медицинское обслуживание оставалось значительно менее доступным, чем для горожан. Если в среднем по республике на 10 тыс. населения приходилось: врачей – 20, то в городской местности – 25, в сельской – 12; среднего медперсонала – соответственно 75, 83 и 56; больничных коек – 123, 137, 100. Например, в Сыктывдинском районе на каждые 10 тыс. жителей приходилось только семь врачей, Сысольском – восемь. Сложная обстановка наблюдалась в Усть-Куломском, Ижемском, Усть-Цилемском, Княжпогостском районах, где было занято только 51–55% штатных ставок медицинского персонала [14].

В рассматриваемый период, когда на первый план в структуре причин смерти вышли болезни эндогенной этиологии, увеличивалась численность людей пожилого возраста, которые нуждались в усиленной медицинской помощи, наблюдались неблагоприятные тенденции в смертности населения, необходимость дальнейшего совершенствования здравоохранения была очевидной.

Таблица 2

Медицинские учреждения и медицинские кадры Коми АССР в 1960–1979 гг. [15]

Учреждения и кадры	1960 г.	1970 г.		1979 г.			
	Всего	Всего	Гор.	Сел.	Всего	Гор.	Сел.
Больницы (стационарное медицинское обслуживание)	171	149*	65	84	136*	66	70
Число больничных коек во всех врачебных стационарах	8800	12942	9922	3020	14369	11544	2825
Врачебные амбулаторно-поликлинические учреждения	255	209	216	83	196	117	79
Фельдшерские здравпункты	477	202	202	–	232	231	1
Фельдшерско-акушерские пункты		466	70	396	430	28	402
Женские и детские консультации	62	94	Н/д	Н/д	99	Н/д	Н/д
Санатории	6	6	Н/д	Н/д	5	Н/д	Н/д
Число мест в санаториях	570	538	Н/д	Н/д	385	Н/д	Н/д
Врачи всех специальностей	1510	2639	2299	340	3947	3560	387
Врачи (без стоматологов)	1375	2357	2078	279	3688	3329	359
Врачи-стоматологи	135	282	221	61	259	231	28
Средний медицинский персонал	6586	11782	9669	2113	15530	13378	2152

*Сокращение числа медицинских учреждений произошло, главным образом, за счет их укрупнения.

В 1960–1970-е гг. были достигнуты определенные успехи в укреплении материально-технической базы здравоохранения, значительно увеличилась численность врачей и среднего медицинского персонала, повысилась их профессиональная подготовка. За двадцать лет число врачей всех специальностей в республике увеличилось в 2,6 раза, среднего медицинского персонала – в 2,4 раза, больничных коек – на 63,3% (табл. 2).

Вместе с тем материально-техническая база здравоохранения Коми АССР продолжала оставаться одной из самых слабых в Северном регионе. Низкая обеспеченность здравоохранения являлась одной из причин заболеваемости с утратой трудоспособности взрослого населения. Медицинское обслуживание детей и насыщенность

квалифицированными медицинскими кадрами также отставали от общероссийского уровня. В 1979 г. на 10 тыс. детей в возрасте от 0 до 14 лет приходилось 16 врачей-педиатров (в РСФСР – 20) [16].

Таким образом, стабилизировавшиеся в 1960-е гг. показатели смертности населения в 1970-е гг. вновь стали увеличиваться, что говорит об ухудшении состояния общественного здоровья. Резервы социально-экономического, культурного и медицинского характера, направленные на борьбу со смертностью экзогенного характера, были исчерпаны и уже не могли влиять на дальнейшее снижение смертности. Необходим был переход на более высокий уровень здравоохранения, которое могло бы бороться не только с экзогенными, но и эндогенными причинами смерти людей. Не менее важное значение имело повышение культурного уровня населения, в том числе пересмотр взглядов людей на свое здоровье и образ жизни.

Источники и литература

1. Подоплелов В.П., Таскаев А.И., Косенко И.К. Население Европейского Севера СССР. (Смертность и продолжительность жизни по данным переписей 1959–1970 гг.). Сыктывкар, 1974. С. 29.
2. Национальный архив Республики Коми (НАРК). Хр. 1. Ф. р. 140. Оп. 4. Д. 1319. Л. 24.
3. Там же. Оп. 2. Д. 6932. Л. 62–63; Оп. 4. Д. 483. Л. 37–39; Оп. 4. Д. 1319. Л. 25.
4. Воспроизводство населения и демографическая политика в СССР. М., 1987. С. 89–90.
5. НАРК. Хр. 1. Ф. р. 140. Оп. 2. Д. 6961. Л. 87.
6. Там же. Оп. 4. Д. 483. Л. 40.
7. Естественное движение населения в Коми ССР. Стат. сборник. Сыктывкар, 1991. С. 73.
8. Воспроизводство населения... С. 89–90.
9. НАРК. Хр. 1. Ф. р. 140. Оп. 4. Д. 1319. Л. 2–4.
10. Естественное движение населения... С. 72.
11. НАРК. Хр. 1. Ф. р. 140. Оп. 4. Д. 1319. Л. 5.
12. Бедный М.С. Медико-демографическое изучение народонаселения. М., 1979. С. 10.
13. НАРК. Хр. 1. Ф. р. 140. Оп. 2. Д. 1963. Л. 108.
14. Там же. Л. 104–105.
15. Там же. Оп. 2. Д. 1963. Л. 93–104; Д. 9914. Л. 31–32; Оп. 4. Д. 478. Л. 24–26; Коми АССР за 50 лет. Стат. сборник. Сыктывкар, 1971. С. 54, 56; Коми АССР 60 лет. Стат. сборник. Сыктывкар, 1981. С. 92, 94.
16. НАРК. Хр. 1. Ф. р. 140. Оп. 4. Д. 1319. Л. 75.

СОВРЕМЕННЫЕ ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

*С.С. Мирзоев (Душанбе, Таджикистан)**

Оценка демографической ситуации в Республике Таджикистан

В современный период глобализации и мирового финансового кризиса демографический фактор оказывает всестороннее влияние на экономическое, социальное, геополитическое, национальное, культурное и научно-техническое развитие общества. Демографическая ситуация в Таджикистане отличается своими специфическими особенностями. Продолжающееся увеличение численности населения и высокий темп рождаемости, слишком высокая детская смертность, неэффективная миграционная политика и отрицательное сальдо миграции, которые негативно влияют на структуру и качество населения. В связи с этим большой научный и практический интерес представляют отдельные демографические процессы и тенденции их развития. Улучшение качества населения на данный момент является основной целью демографической политики страны. Снижение детской и младенческой смертности, рост ожидаемой продолжительности жизни и благосостояние населения, сокращение иждивенческой нагрузки и другие факторы приводят к снижению бедности и, безусловно, положительно влияют на благосостояние населения и процесс старения.

Как известно, Республика Таджикистан относится к числу стран с наиболее высоким естественным приростом населения, относительно низкими ее качественными характеристиками, особыми традиционными формами семейного устройства и высокой экономической ролью детей в семье. В республике наблюдается ускоренное нарастание абсолютной численности населения. Только за период 1990–2009 гг. численность населения увеличилась на 2316,6 тыс. чел., т.е. на 44,1%.

Такие тенденции развития народонаселения Таджикистана сформировались под влиянием комплекса факторов и условий как географических, экономических, социально-политических, так и с учетом национальных обычаев, религии и культурно-бытовых традиций. Есть мнение, что в Республике Таджикистан разработка и реализация общегосударственной демографической политики значительно запоздали во времени [1]. Если среднегодовые темпы прироста населения за 1981–1990 гг. составляли 3,0%, то за 1997 по 2009 г. они колебались в пределах 1,9–2,1%. Эти цифры свидетельствуют о том, что после определенной политической и экономической стабилизации в стране темп роста населения приближается к довоенному периоду. Для Республики Таджикистан характерны высокие темпы прироста сельского населения, где среднегодовые темпы его прироста за 1981–1990 гг. составили 3,3%, за 1998–2009 гг. – 2,3%. За 10 лет (1998–2008 г.) сельское население увеличилось на 23,3%.

В последние годы ведутся работы поэтапного внедрения программ реализации «Концепции государственной демографической политики Республики Таджикистан на 2003–2015 годы». В соответствии со статьей 33 Конституции Республики Таджикистан каждый имеет право на создание семьи. Мужчины и женщины, достигшие брачного возраста, имеют право свободно вступать в брак. В семейных отношениях и при расторжении брака супруги равноправны. Брачность населения создает при прочих равных условиях морально этическое право на рождение детей. В регионах с высокой рождаемостью между брачностью и рождаемостью должна существовать прямая связь, необходимо определить причины изменения числа вступивших в брак как у мужчин, так и женщин. Особенно в Хатлонской области, которая является регионом с высокой рождаемостью, ухудшенным экономическим положением, не позволяющим женихам иметь средства на приобретение жилья, одежды, необходимой домашней утвари и проведения свадебных мероприятий.

Вместе с тем в республике действуют факторы, сдерживающие снижение рождаемости. Высокий уровень рождаемости в сельской местности, которые в 1,3 раза выше, чем у городского, вытекает из высокого удельного веса сельского населения, который в 2008 г. составил 73,7%, а в 2009 г. – 73,5%.

* **Мирзоев Сайали Сайвалиевич** (Душанбе, Таджикистан) – кандидат экономических наук, Учетно-экономический факультет, Таджикский национальный университет.

Общие коэффициенты брачности и разводимости населения Республики Таджикистан за 1990–2008 гг. [2]

Показатели	1990 г.	1995 г.	2000 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.
Число браков на 1000 чел.	9,5	5,7	4,3	5,0	6,0	7,0	7,6	8,2	13,7	14,6
Городское население	9,8	6,7	5,2	6,0	7,5	7,3	7,5	8,0	13,8	14,7
Сельское население	9,3	5,3	4,0	4,7	5,4	7,0	7,7	8,3	13,7	14,5
Разводов	1,4	0,7	0,4	0,4	0,4	0,4	0,4	0,4	0,7	0,7
Городское население	2,9	1,9	1,1	1,2	1,2	1,1	1,1	0,8	1,3	1,3
Сельское население	0,7	0,3	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,3	0,4	0,4

Согласно статистическим данным, начиная с 1995 г. уровень брачности в республике резко снизился (табл. 1). В 1998 г. по сравнению с 1990 г. она упала на 56,5%, в том числе городского населения – на 55,1%, в сельской местности – на 57,2%. Но начиная с 1999 г. после стабилизации социально-экономической жизни республики число браков ежегодно увеличивается. В 2008 г. число браков на 1000 населения и по сравнению с 2006 г. увеличилось на 83,6%. Из числа браков в 2008 г. 25893 браков или 26,5% приходилось на долю городского населения и 71820 браков или 73,5% – на долю сельского населения. На увеличение числа браков также положительно повлияло принятие Закона Республики Таджикистан «Об упорядочении традиций, торжеств и обрядов в Республике Таджикистан», целью которого являются защита социальных интересов народа Таджикистана, содействие снижению уровня бедности и недопущение излишних расходов, наносящих серьезный ущерб экономическим интересам и материальным устоям жизни граждан. Задачей Закона является упорядочение традиций, торжеств и обрядов на основе национальной культуры и достижений мировой цивилизации. Закон дал гражданам защиту их социально-экономических прав. Люди в обществе с очень сильными традициями нашли (вопреки устоявшимся привычкам, собственному честолюбию и т.п.) силы заявить, что проводить свадьбы и похороны следует в пределах разумного и своих возможностей. Тысячи граждан, несмотря на экономические трудности и финансовый кризис, беспрепятственно организовывали свадьбы и обряды, число проведенных мероприятий после принятия Закона резко увеличилось. Например, только за первые три месяца 2009 г. в республике проведено 30755 (из них 22652 свадебных) мероприятий, по сравнению с тремя месяцами до принятия Закона количество мероприятий увеличилось на 5863. Увеличение предусматривается в основном за счет свадебных мероприятий. После принятия Закона количество свадебных мероприятий увеличилось в два раза. Это говорит о том, что население без всяких лишних расходов по мере экономических возможностей организует свои мероприятия. Особым достижением Закона является то, что он учит народ, как правильно, культурно и без лишних расходов проводить мероприятия.

Судя по статистическим данным, в республике число разводов с 1,4 разводов на 1000 жителей в 1990 г. снизилось до 0,4 разводов в 1998 г., т. е. на 71,4%. Это характерно как для городских поселений, так и сельской местности. Следует отметить, что с 1998 до 2006 г. уровень разводимости населения остался неизменным, но в 2007–2008 гг. резко повысился до 0,7 разводов на 1000 жителей. В Республике Таджикистан уровень экономической активности женщин (в процентах к общей численности) повысился незначительно с 23,2 до 25,4% в 2008 г.

Все эти факторы оказывают серьезное влияние на уровень рождаемости населения Таджикистана, хотя по сравнению с другими странами СНГ она остается относительно высокой. Для сравнения следует отметить, что в 2007 г. общий коэффициент рождаемости в России составил 10%, на Украине – 10, в Грузии – 11, Армении – 15, Казахстане – 20, Киргизии – 20, Узбекистане – 24, Таджикистане – 26%.

В свою очередь, высокий уровень рождаемости влияет на возрастную структуру населения. По возрастному составу населения Республика Таджикистан является относительно молодой. Доля населения моложе трудоспособного возраста в 2009 г. составила 35,6%. Вследствие этих особенностей демографическая нагрузка трудоспособного населения республики иждивенцами очень высокая, среди которых высокая доля детей и подростков, а также обеспечения на общественно необходимом уровне условий жизнедеятельности лиц до трудоспособного и населения выше трудоспособного возрастов. Кроме того, нагрузка иждивенцев на трудоспособное население, а также и распределение по группам до трудоспособного и выше трудоспособного возрастов обуславливает различные проблемы формирования и использования трудового потенциала. Если на 1 января 2005 г. на 1000 мужчин трудоспособного возраста приходится 758 нетрудоспособных детей и пенсионеров, а на 1 января 2009 г. этот

показатель снизился до 674 чел. Если на 1 января 2005 г. на 1000 женщин трудоспособного возраста приходилось 770 нетрудоспособных детей и пенсионеров, то этот показатель на 1 января 2009 г. составил 698 чел. (табл. 2).

Таблица 2

Возрастная структура населения и иждивенческая нагрузка мужчин и женщин [3]

Возраст	На 1.01.2005 г.		На 1.01.2006 г.		На 1.01.2007 г.		На 1.01.2008 г.		На 1.01.2009 г.	
	Муж- чины	Жен- щины	Муж- чины	Жен- щины	Муж- чины	Жен- щины	Муж- чины	Жен- щины	Муж- чины	Жен- щины
Моложе трудо- способного	1315,6	1263,9	1310,6	1256,3	1313,2	1259,6	1321,9	1267,8	1339,7	1282,8
В трудоспо- собном	1934,2	1908,1	2005,7	1978,7	2077,0	2044,3	2146,5	2107,5	2209,6	2163,6
Старше трудо- способного	151,6	207,0	156,2	212,8	154,0	215,7	151,2	220,8	149,6	228,5
Нагрузка	758	770	731	742	706	721	686	706	674	698
Моложе трудо- способного, %	38,7	37,4	37,7	36,4	37	35,8	36,5	35,2	36,2	34,9
В трудоспо- собном, %	56,9	56,5	57,8	57,4	58,6	58	59,3	58,6	59,8	58,9
Старше трудо- способного, %	4,4	6,1	4,5	6,2	4,4	6,2	4,2	6,2	4,0	6,2
Все население	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100

Численность и доля населения трудоспособного возраста возрастает за пять лет (2005–2009) на 530,9 тыс. чел. или 13,8%, а иждивенческая нагрузка – соотношение между детьми, пенсионерами и трудоспособным населением уменьшается до 79 чел., или количество нетрудоспособной части населения увеличилось за этот период на 19,5 тыс. чел. или на 5,4%. Если в 2005 г. доля лиц моложе трудоспособного возраста составила 38%, то на 1 января 2009 г. этот показатель был 35,6% или за этот период снизилась на 2,4%. На 1 января 2005 г. трудоспособная часть населения составила 56,7% от всей численности населения, а на 1 января 2009 г. их доля составляет 59,3%, или доля лиц старше трудоспособного на 1 января 2005 г. составила 5,3% и на 1.01.2009 г. снизилась до 5,1%.

Показатель естественного прироста населения также зависит от его смертности, которая является важнейшей характеристикой демографического развития общества. Уровень смертности отражает изменения в улучшении здоровья населения, происшедшие в результате повышения материального и культурного уровня жизни населения, изменения его половозрастного состава, развития здравоохранения. Именно существенное снижение уровня смертности в определенной степени способствовало росту темпов естественного прироста населения Республики Таджикистан.

Смертность населения является объективным процессом. Но ее уровень и структура зависят от целого ряда факторов, связанных с историческими, социальными, экономическими условиями, национальными обычаями, традициями, с развитием здравоохранения и т.д. Анализ показателей смертности населения Республики Таджикистан за последние годы указывает на определенные изменения его уровня. Из статистических данных вытекает, что смертность населения среди мужчин и женщин за 25 лет снизилась почти в два раза как в целом, так и среди городского и сельского населения.

В последующие годы в результате улучшения учета, чему статистические органы уделяли большое внимание, смертность сельского населения отражалась более полно. Здесь уже наблюдаются существенные различия в городском и сельском образах жизни. Уровень рождаемости сельского населения стал значительно превышать уровень городского. Анализ возрастных показателей смертности показывает наличие различий в смертности городского и сельского населения, мужчин и женщин. В смертности населения увеличивается доля людей в трудоспособном возрасте. Выявляется также отличительная тенденция смертности среди городского населения.

В возрастной группе с 0–4, и 30–34 лет смертность населения растет, а в следующих возрастных группах снижается. Но в целом, смертность городского населения в трудоспособном возрасте растет. Повозрастной смертности сельского населения характерно значительное ее снижение в возрасте 0–4 года, по всей вероятности, за счет снижения рождаемости населения и полноты учета, а в остальных возрастных группах наблюдается рост данного показателя. Хотя в трудоспособном возрасте смертность сельского населения увеличилась, но по уровню она была ниже, чем у городского населения.

За 2000–2008 гг. в целом по Республике Таджикистан наблюдается рост абсолютного числа смертности мужчин на 12,0% и женской смертности на 5,9%, общий коэффициент смертности мужчин выше, чем женщин. Этот показатель зависит от уровня показателя младенческой смертности, которая имеет неустойчивую динамику: в

1992–1993 гг. она повысилась, а затем снова снизилась, но все еще остается высокой. Например, число детей умерших в возрасте до одного года на 1000 родившихся, составило: в 1990 г. – 40,7, в 1995 г. – 26,4, 2000 г. – 12,6, 2003 г. – 10,9, в 2008 г. – 11,6 [4].

Высокая рождаемость и низкая смертность населения характеризуют расширенное воспроизводство населения, которое сохранится, по всей видимости, и в перспективе. Возможно, сдерживающими факторами снижения рождаемости в настоящее время и в перспективе будут: низкий уровень урбанизации и высокая доля сельского населения и лиц коренной национальности, у которых высокий уровень рождаемости в связи с сохранением традиций многодетности, благоприятная половозрастная структура населения, ранний возраст вступления в брак, низкая социально-экономическая мобильность, относительно низкий уровень образованности населения, особенно сельского, рост занятых в личном подсобном и домашнем хозяйстве и др.

Республикой Таджикистан в 1999 г. с учетом серьезных проблем в репродуктивном здоровье населения разработана и внедрена Национальная программа «Репродуктивное здоровье и репродуктивное право» до 2003 г. В 2002 г. Правительством Республики Таджикистан принят и реализуется Закон Республики Таджикистан «О репродуктивном здоровье и репродуктивных правах» при непосредственной поддержке Фонда народонаселения ООН (UNFPA) и других международных организаций. В августе 2004 г. Правительством страны был принят специфический для страны «Стратегический план Республики Таджикистан по репродуктивному здоровью населения на период до 2014 года», который разработан в соответствии со стратегией ВОЗ «Здоровее для всех», на основе Законов и законодательных актов Республики Таджикистан, международных правовых норм, признанных Таджикистаном. Таким образом, в стране и создается база для дальнейшего развития политики и стратегии в области улучшения репродуктивного здоровья населения.

По прогнозам Института демографии АН Республики Таджикистан численность населения за период 2046–2056 гг. увеличится от 12,227 тыс. до 13,083 тыс. чел., в такой ситуации требуется создание новых рабочих мест. В частности, увеличение численности городского населения, которое составляет от 7123,0 тыс. до 8630,0 тыс. чел., является очень тревожным. Сельское население в период 2046–2056 гг., уменьшается от 5151, тыс. до 4434,0 тыс. чел. Поскольку в республике сохраняются факторы и предпосылки высокой рождаемости при низкой смертности, то численность населения будет расти. Демографическое развитие опережает экономический рост, что обостряет проблему занятости, увеличивает безработицу и повышает социальную напряженность. Недостаточное количество рабочих мест и низкая заработная плата в государственном секторе вынуждают население выехать за пределы республики или найти новую работу на неформальном рынке труда, т.е. заняться неформальной деятельностью.

Источники и литература

1. Исламов С.И. Рождаемость населения. Душанбе, 2009. С. 38.
2. Демографический ежегодник Республики Таджикистан. Душанбе, 2006, 2009. С. 106–107.
3. Авторские расчеты по данным Госкомстата Республики Таджикистан.
4. Демографический ежегодник Республики Таджикистан. Душанбе, 2008. С. 56, 84.

Региональные особенности демографического развития в Приморском крае

Современная демографическая ситуация в Приморском крае характеризуется устойчивой тенденцией сокращения численности населения. На 1 января 2010 г. численность населения составила 1982 тыс. чел., что на 324,9 тыс. меньше, чем в 1991 г., когда была зафиксирована максимальная численность населения. За последние 10 лет Приморский край потерял 155,2 тыс. чел. и оказался отброшен в демографическом отношении на 30 лет назад. Эти потери сложились за счет естественной убыли населения (89,8 тыс. чел.) и миграционного оттока (65,4 тыс. чел.). А ведь население – это не только трудовой потенциал Приморского края, но и фактор демографического контроля над территорией, главный источник ее развития.

В последние годы на основании некоторого количественного роста родившихся сложилось мнение об улучшении демографических показателей в Приморском крае (2002 г. – 20,8 тыс., 2005 г. – 21,2 тыс., 2009 г. – 23,5 тыс. чел.). Такая позиция не совсем оправдана, поскольку абсолютное число родившихся в 2009 г. составило всего 69,8% от уровня 1990 г. Ситуация с рождаемостью в ближайшие десятилетия не сможет обеспечить демографический рост (в 2015 г. число родившихся в Приморском крае составит 22 тыс., в 2020 г. – 19,2 тыс., в 2025 г. – 16,4 тыс., в 2030 г. – 15,4 тыс. чел.) или простое воспроизводство населения [1, с. 142]. Демографическое будущее края заложено в современной возрастно-половой структуре населения. Сокращается численность женщин детородного возраста. Меняется возрастная кривая рождаемости. Повышается средний возраст матерей (2000 г. – 25,7 лет; 2008 г. – 27,1 лет). Суммарный коэффициент рождаемости практически вдвое ниже – 1,402 (городское население – 1,292, сельское – 1,771), чем нужно для замещения поколений родителей их детьми (2,14–2,15).

Одной из самых острых проблем демографического развития Приморского края остается высокий уровень смертности, в особенности смертности населения трудоспособного возраста. Ежегодно на эти возрасты приходится более 1/3 всех смертей. В 2009 г. умерло 8,8 тыс. чел., или 32,2% от всех умерших (2008 г. – 34,8%), при этом умерших в трудоспособном возрасте мужчин в 3 раза больше, чем женщин.

Продолжает деформироваться соотношение мужчин и женщин: численность мужчин за последние 10 лет уменьшилась на 95,5 тыс. чел. (9,1%), женщин – на 57,5 тыс. чел. (на 5,3%). В 2000 г. на 1000 мужчин приходилось 1047 женщин, в 2009 г. – 1092. Все это является следствием сверхсмертности мужского населения, особенно трудоспособного возраста.

Усилился процесс демографического старения населения. За 10 лет женщины в крае постарели в среднем на 2,3 года, мужчины – на 2 года. Средний возраст приморцев в 2009 г. составил 37,9 лет, что на 0,9 года моложе, чем средний возраст по России. Приморские женщины старше мужчин на 4,8 года (40,2 и 35,4 года соответственно).

Продолжительность жизни, являющаяся объективным и убедительным индикатором уровня и качества жизни населения в крае, сохраняется на невысоком уровне. Ожидаемая продолжительность жизни в 2008 г. составляла 65,5 года (2000 г. – 64,6), в том числе 59,8 – у мужчин и 71,7 – у женщин; в России – 67,8; 61,8; 74,2 соответственно. Разница в продолжительности жизни городских и сельских жителей Приморского края составляет 3,5 года, мужчин и женщин – 11,9 лет.

В результате естественной убыли населения и миграционного оттока деформируется возрастная структура населения, ухудшающая ее качественные характеристики, разрушающая основу демографического потенциала региона, формировавшуюся с невероятными трудностями и издержками на протяжении всей предыдущей истории освоения этой территории. При сложившейся демографической ситуации к 2020 г. потеря трудоспособного населения в регионе относительно 2000 г. может превысить 300 тыс. чел. Увеличивается доля лиц старше трудоспособного возраста (2000 г. – 17%, 2009 г. – 20,7%) и к 2020 г. она составит 1/4 общей численности населения, в то время как удельный вес сократится до 1/8. То есть, демографическая пирамида как бы «перевернется» с основания на вершину. Процесс старения населения окажет влияние на структуру населения трудоспособного возраста, в составе которого возрастет удельный вес лиц старше 45 лет. При этом повысится коэффициент демографической нагрузки, на который будет влиять снижение рождаемости в 1990-х гг. Уже сейчас на 1000 человек трудоспособного возраста приходится около 600 детей и престарелых, а к 2020 г. этот показатель составит 775 чел.

Согласно расчету перспективной численности населения до 2030 г., подготовленному Росстатом, тенденция к сокращению населения сохранится. Предположительная численность Приморского края может составить 1746,6 тыс. чел. Темпы ее снижения будут практически постоянными в течение всего прогнозного периода и составят в среднем 0,3–0,7% в год. На уменьшение численности населения по-прежнему будет влиять как мигра-

* Ушакова Валентина Леонидовна (Владивосток) – научный сотрудник лаборатории социальной и медицинской географии Тихоокеанского института географии ДВО РАН, ushakova@tig.dvo.ru.

ционный отток, так и превышение числа умерших над числом родившихся. Естественная убыль населения будет увеличиваться, отрицательное сальдо миграции сохранится, однако его величина будет постепенно снижаться.

Концепция выхода из создавшейся ситуации заключается в увеличении миграционного потока. Миграция была основным источником роста численности и формирования молодого структурного состава населения. В последние годы негативные тенденции в сфере миграции несколько ослабли: в 2001 г. миграционный отток составил 42% от общей убыли, в 2009 г. – 33,9%. Негативную миграционную ситуацию дополняет значительная естественная убыль населения (-3,9 тыс. чел.).

Наметилась тенденция сокращения доли межрегионального миграционного оттока, но это не говорит о стабилизации – потенциальные мигранты, желающие уехать, уже реализовали свои возможности. За период с 2000 по 2009 г. из Приморского края выбыло в другие регионы России в 10,7 раз больше (126,4 тыс. чел.), чем прибыло лиц из стран Содружества Независимых Государств (11,8 тыс. чел.). Приток населения из стран СНГ не компенсирует миграционные потери, но его объемы постепенно снижаются. Кроме того, миграционный отток населения определяет не только численные потери, но и влияет на качественный состав населения. Приморский край теряет наиболее квалифицированный, молодой и образованный трудовой потенциал.

В сложившихся социально-экономических условиях Государственная программа «О мерах по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом» мало ориентирована на заселение дальневосточных территорий, и поэтому ожидать, что она будет способствовать притоку населения в край, вряд ли основательно.

Анализируя результаты опросов, публикуемых Росстатом, можно увидеть, что почти на 2/3 миграция обусловлена личными и семейными причинами. Каждый десятый опрошенный указывает на желание возвратиться на прежнее место жительства. Помимо этого, мигрантов привлекает возможность трудоустройства и перспективы получения образования. На такие выталкивающие факторы, как обострение межнациональных отношений и криминогенной обстановки, экологическое неблагополучие, несоответствие природно-климатическим условиям, в совокупности приходится менее 1% выбытий мигрантов из региона [2, с.34]. Личные и семейные причины в основе своей являются экономическими. Статистические данные о причинах миграции, которые разрабатывает и публикует Росстат, не дают объективную информацию для аналитической работы и, соответственно, их достаточно сложно использовать для мер государственной политики в области управления региональными миграционными потоками.

Стратегическое развитие региона предусматривает активные структурные преобразования экономики. Дефицит трудовых ресурсов становится значительным препятствием в осуществлении экономических преобразований, что обуславливает необходимость привлечения в регион дополнительной рабочей силы. Для Приморского края, как и для Дальнего Востока, характерна тенденция роста использования иностранной рабочей силы, причем темпы прироста здесь значительно выше, чем в России. Особенностью рынка труда в Приморском крае является то, что формирование трудовой миграции осуществляется в основном как за счет граждан дальнего (КНР, КНДР, СРВ), так и ближнего зарубежья (Узбекистана, Армении, Украины). В последнее десятилетие динамично росла трудовая миграция из КНР, но при этом ее доля в общей иммиграции Приморского края постепенно уменьшается – с 69,5 до 59,4%. В то же время шире стал использоваться труд вьетнамцев, северных корейцев.

Сегодня в связи с подготовкой инфраструктурных объектов к Саммиту АТЭС строительство стало главной отраслью, которая привлекает 42,7% общего числа трудовых мигрантов (в 2000 г. в крае работало 11,7 тыс. трудовых мигрантов, в 2007 г. – 30,9 тыс., в 2009 г. – 43,7 тыс. чел.). Проблема трудовых ресурсов остро проявляется и в сельском хозяйстве, и на транспорте. Очевидно, что широкое использование трудовых мигрантов в этих сферах уже сейчас свидетельствует о нарастающем дефиците. Если сегодня тяжелый и неквалифицированный труд в строительстве, сельском хозяйстве, благоустройстве территории закрывают китайцы, корейцы, мигранты из Центральной Азии, то проблема высококвалифицированных кадров остается открытой и наиболее острой. Количество трудовых мигрантов на рынке труда Приморского края будет увеличиваться. Их доля в общей численности занятых составляет 3,3%.

В силу территориальной близости и наличия значительных трудовых ресурсов КНР является одним из главных поставщиков рабочей силы для дальневосточной экономики. Китайская миграция в регион не только неизбежна в будущем – она стала реальностью и в перспективе может использоваться как фактор экономического роста восточных районов страны. Отказаться полностью от рабочей силы из КНР регион не сможет, для его экономики это будет невыгодно. Но в то же время, китайцы не смогут полностью закрыть потребность в дополнительных трудовых ресурсах. Необходимо привлекать в регион трудовых мигрантов и постоянных жителей из других регионов России, стран СНГ. В отношении китайской трудовой миграции следует вести целенаправленный отбор. Поэтому важно видеть в этом направлении стратегию развития на перспективу и в соответствии с ней строить государственную миграционную политику. При этом особое внимание надо обращать на образователь-

ный уровень, профессиональную подготовку, социальную адаптацию иностранных трудовых мигрантов. Нужна языковая адаптационная программа.

Не секрет, что отношения постоянного населения Приморского края к мигрантам-соотечественникам, а особенно к мигрантам из других стран, заполняющим ниши на региональном рынке труда, далеки от толерантности. Надо организовывать такое сосуществование этнических групп на территории Приморского края, чтобы культурный обмен не препятствовал этносоциальному воспроизводству, не порождал болезненных социальных явлений, и при этом регион использовал иностранную рабочую силу для наращивания своего экономического потенциала.

Регулируемая, жестко контролируемая, ограниченная (во временном и численном отношении), квалифицированная, этнически сбалансированная и рационально распределяемая (территориально и по стратегически важным для региона отраслям экономики) трудовая миграция должна стать эффективным источником дохода и экономического развития территории. При этом не следует забывать и о внутренних резервах, альтернативных притоку иммигрантов. Речь идет о качественном улучшении системы здравоохранения и, соответственно, увеличении продолжительности жизни населения трудоспособного возраста, особенно мужчин, и восстановлении эффективного профтехобразования, ориентированного на региональный рынок труда.

Политика по сохранению человеческих ресурсов региона в условиях демографического спада должна ориентироваться, в первую очередь, на приостановку оттока постоянно проживающего населения. Необходимо поднять уровень и качество жизни на более высокий уровень. Пока Приморский край остается неконкурентоспособным по уровню социально-инфраструктурного обустройства по сравнению с другими регионами России: здесь остается более низким уровень обеспеченности жильем, медицинским обслуживанием, относительно низкий уровень доходов населения.

В регион необходимо привлекать высококвалифицированных специалистов из других регионов России, а также из-за рубежа. На совещании, посвященном миграционной и таможенной политике в Благовещенске в июле 2010 г., Президент Российской Федерации Д.А. Медведев подчеркнул, что «в подавляющем большинстве регионов механизмы привлечения квалифицированных кадров, к сожалению, пока не созданы, имеются в виду и наши кадры, российские, и иностранные. Конечно, нам нужны иностранные специалисты, особенно специалисты с высокой квалификацией, и не только в центре Российской Федерации, но и здесь, на Дальнем Востоке, потому что здесь нужно вводить новые мощности» [3]. В рамках «Стратегии социально-экономического развития Приморского края до 2025 года» в крае предполагается реализовать 69 отраслевых приоритетных проектов – это новые современные производства, рабочие места XXI века, которые должны удержать квалифицированных молодых специалистов. Привлечь их можно новым местом жительства, высоким инфраструктурным уровнем жизнедеятельности в регионе и перспективами работы.

Замедление в последние годы процесса миграционных потерь населения не позволяет оптимистически оценивать перспективы демографического и трудового потенциалов Приморского края, который, как и другие регионы Дальнего Востока, относился к числу труднедостаточных и удовлетворял свою потребность в рабочей силе за счет миграции.

Сегодня демографический потенциал региона недостаточен для дальнейшего освоения природных ресурсов территории, для создания развитой экономической и поселенческой структуры и обеспечения национальной безопасности. Естественно, нельзя не учитывать близость Азиатско-Тихоокеанского региона, значение которого определяется огромным экономическим, демографическим и инвестиционным потенциалом, столь же значительной емкостью рынка труда, опора на которые способна придать позитивный импульс позитивной экономической динамике не только Приморского края, но и Дальнего Востока в целом.

Для Приморского края, как и для Дальнего Востока, в целом, необходимо разработать долгосрочную федеральную программу демографического и миграционного развития, с помощью которой в регионе можно будет добиться устойчивого роста численности постоянного населения, что позволит обеспечить экономический рост, национальную безопасность, и на равных включиться в экономику стран Азиатско-Тихоокеанского региона.

Источники и литература

1. Предположительная численность населения Российской Федерации до 2030 года. Стат. бюллетень. М., 2009. 235 с.
2. Миграция населения Приморского края. Стат. бюллетень / Приморскстат. 2010. 52 с.
3. Медведев Д.А. Вступительное слово на совещании по таможенной и миграционной проблеме в приграничных регионах. URL: <http://www.kremlin.ru/news/8255> (дата обращения: 18.04.2011 г.).

ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКИ И МЕТОДИКА ИХ АНАЛИЗА

*Н.Л. Стешенко (Краматорск, Украина)**

Проблема миграций в Южной Украине (XVI–XVIII вв.) в исследованиях советских ученых 1940–1950-х гг.

Постановка проблемы. Этнополитическая ситуация, которая сформировалась в процессе заселения территории России и Украины, заслуживает детального изучения. Миграции населения в Южной Украине в XVI–XVIII вв. сыграли решающую роль, поскольку в XVIII в. интенсивность заселения региона достигла наивысших показателей.

Цель данной статьи – показать, что привнесли в изучение проблемы миграций в Южной Украине в XVI–XVIII вв. представители советской историографии 1940–1950-х гг. и выяснить, в какой мере их исследования отражали прогрессивные тенденции исторического процесса.

Анализ актуальных исследований позволяет утверждать, что самостоятельных историографических обзоров, посвященных проблеме миграций в Южной Украине XVI–XVIII вв., в исследованиях советских ученых 1940–1950-х гг. на сегодня нет, что и вызвало появление данного обзора.

Изложение основного материала. В условиях распространения марксистской схемы украинской истории в течение 1940–1950-х гг. советскими историками активно изучалась проблема классовой борьбы, в том числе и на территории региона. Выступления бахмутских и торских солеваров в 1765 г. против администрации соляных промыслов изучила Е. Черкасская [1]. Для написания статьи, кроме работ предшественников, автор использовала документы Сената [2]. Полезной представляется краткая история Торских и Бахмутских соляных промыслов начиная с конца XVI в. Между тем первые упоминания про выварку соли автор определяет ориентировочно – второй половиной XVII в.

Одновременно в 1947 г. опубликованы исследования К. Гуслистого [3] и Е. Стецюк [4], посвященные вопросам казацко-крестьянских восстаний в Украине в XVI–XVIII вв. Е. Стецюк впервые в советской историографии рассмотрела вопрос влияния крестьянского восстания 1667–1671 гг. на численность населения Слободской Украины, Левобережья и Правобережья. Описаны землевладение Святогорского монастыря XVII в. и государственное солеварение на Торских озерах, а также процесс заселения царским правительством земель за Белгородской линией. В 1976 г. автор дополнила работу новыми фактами и архивными источниками [5].

Исследование К. Гуслистого вмещает короткую характеристику предпосылок и хода народного восстания второй половины XVIII в. Колиивщины. Впрочем, как этот очерк, так и последующие произведения преследовали идеологическую цель, потому исследование построено преимущественно на общедоступных источниках [6].

Во второй половине 1940-х гг. выходит ряд исследований, посвященных истории российско-турецких и российско-крымских отношений. Главное место среди них занимает монография А. Новосельского [7]. Избранный ученым период (первая половина XVII в.) принадлежит к наименее изученным в историографии того времени. В основу работы положены, главным образом, дипломатические документы Посольского приказа. Рассмотрены вопросы строительства правительством оборонных линий, организация сторожевой и станичной службы, под прикрытием которой население осваивало новые территории, в том числе и районы Подонцовья. В дополнениях содержатся карты татарских набегов в 30–40-х гг. XVII в., которые характеризуют маршруты передвижения татар за годами.

Отмеченный период характеризуется работами, посвященными сельскохозяйственной деятельности населения региона в течение XVI–XVIII вв. Член-корреспондент АН СССР П. Лященко обратил внимание на перемещение основных земледельческих центров дальше на юг, в причерноморскую полосу [8]. Исследователь подчеркнул, что на вновь освоенных землях были распространены старые типы пахотных орудий труда: деревянное рало и плуг. Это свидетельствует об освоении территории преимущественно украинским населением.

* **Стешенко Наталья Леонидовна** (Краматорск, Украина) – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры украиноведения и гуманитарного образования Донбасской государственной машиностроительной академии, steshenco_n@land.ru.

В 1947–1948 гг. ученый опубликовал «Историю народного хозяйства СССР». В первом томе рассмотрены вопросы заселения и освоения южных степей, проникновения населения на Дон, к Азовскому и Черному морям. Автор анализирует экономическую основу оседлости казаков в XVI–XVII вв. [9]. После смерти П. Лященко в 1959 г. работа была переиздана его учениками.

Выдающееся место в историографии 1950-х гг. принадлежит В. Голобуцкому. В период хрущевской «либерализации» общества он рассмотрел роль запорожского казачества в освоении края. В напечатанной в 1957 г. монографии «Запорожское казачество», невзирая на классовый подход и влияние официальной идеологии на изложение материала, им отражен вопрос колонизации южных степей в XVI–XVIII вв., акцентируется внимание на роли украинского казачества в заселении и освоении нижнего Поднепровья [10]. Монография содержит карты Г. Боплана, планы Кодака, географические картосхемы островов, а также удобный географический указатель. Следует отметить, что в 1994 г. монография издана на украинском языке и существенно обогащена новыми фактами, собранными автором после первого издания [11].

В первом разделе показано значение сторожевой и станичной службы южных окраин России первой половины XVI в. в освоении региона. Определенную роль в формировании казачества В. Голобуцкий отводил уходникам (крестьяне и мещане). Уходники образовывали общины, которые в дальнейшем становились казацкими. Этот процесс приобрел особенно широкий размах со второй половины XV в. Однако нельзя согласиться с автором, что уходы были постоянным местом жительства казаков, как и с тем, что их основной деятельностью было земледелие.

В начале XVI в. исследователем обозначено увеличение казацкого населения в низовье днепровских притоков – Тясмина и Роси. В это же время возникло немало уходов как вблизи порогов, так и за ними. На рыбных промыслах и пасаках население оставалось на зиму. Возникновение зимовников автор связывает с хозяйственной деятельностью, земледелием и скотоводством. Следовательно, низ Днепра не был безлюдным в первой половине XVI в. Заселение Запорожья казачеством автор связал с возникновением Сечи в 30–50-х гг. XVI в. Немало внимания уделено функционированию в Запорожье реестрового казачества, указано на невозможность отождествления реестровой залоги на Запорожье с Сечью. Отдельный раздел книги посвящен истории Новой Сечи, однако более детально этот период рассмотрен в самостоятельном исследовании.

В 1961 г. В. Голобуцким была издана монография «Запорожская Сечь в последние времена своего существования. 1734–1775 гг.», которая в основном была построена на материалах архива Коша Запорожской Сечи [12]. Наряду с вопросами заселения автор сосредоточил внимание на проблеме хозяйственного освоения края. Историк изучил торговые связи Запорожья с соседями, а именно – Крымом и турецкими провинциями. Автором оценена колониальная политика царского правительства в Причерноморье. Таким образом, проанализированы процесс увлечения Вольностей Войска Запорожского Низового, образование Новой Сербии и Славяносербии, Новослободского казачьего полка и Новороссийской губернии.

Значительное внимание в работе уделено проблеме заселения. В разрезе существующих в то время паланок рассмотрено количество населенных пунктов и их обитателей, включая сечевиков, посполитых крестьян. Автор пытался определить общее количество населения в Запорожье времен Новой Сечи. Им уточнены выводы А. Скальковского, который считал, что численность Сечи, за исключением крестьян и семейных казаков, составляла в 1734 г. – 10 тыс., в 1762 г. – 18 тыс., а в конце существования Сечи увеличилась до 22 тыс. чел. и Е. Апанович, по мнению которой большинство населения Запорожья составляли посполитые крестьяне, казаки с их семьями – насчитывалось перед ликвидацией Сечи приблизительно 40 тыс. чел., а количество казаков, которые несли военную службу, доходило до 13–16 тыс. [13].

В. Голобуцкий приводит данные рапорта Коша от 19 октября в 1755 г. гетману Розумовскому и ордера Коша от 11 июня в 1759 г. В первом документе численность войска составила 27 тыс. (все занесены в куренные реестры казаки), во втором цифра слишком занижена – 11 769 казаков, поскольку речь шла о состоятельных казаках, способных отбывать военную службу за собственные средства. «Серома» (бедняки), таким образом, составила 15 тыс. чел. Считая казаков-господарей (12 тыс. чел.) семейными и, полагая, что средняя численность семьи – 5 чел., автор определил общую численность этой группы в 60 тыс. чел. Прибавив 15 тыс. чел. «серомы», которая была преимущественно бессемейной, и столько же посполитых крестьян с семьями, историк все население Запорожья считает равным 100 тыс. чел., что в целом совпадает с подсчетом предыдущих исследователей.

Через год вышла из печати его новая работа «Дипломатическая история освободительной войны украинского народа. 1648–1654 гг.», в которой В. Голобуцкий коротко остановился на причинах роста населения казацких зимовников и слобод в Нижнем Поднепровье в начале XVI в. Вызывает сомнение утверждение автора, что главное место в хозяйственной жизни казаков занимали скотоводство и земледелие, и что последнее именно они здесь сформировали [14]. В целом, исследования историка освещают проблему заселения территории с конца XV до середины второй половины XVIII в.

Постепенное вхождение территории Южной Украины в последней четверти XVIII в. в состав России детально рассмотрено в монографиях Е. Дружининой: «Кючук-Кайнарджийский мир 1774 года (его подготовка и заключение)» [15], «Северное Причерноморье в 1775–1800 гг.» [16]. Автор проследила последовательное включение в состав России земель между реками Бердой и Днестром (в 1791 г.). Эти земли в 1796 г. вместе с землями прежней Запорожской Сечи и соседними территориями составили Новороссийскую губернию. Анализируя Черноморскую проблему накануне российско-турецкой войны 1768–1774 гг., Е. Дружинина уточнила границы между двумя империями, которые впервые определились Белградским договором в 1739 г. и пограничными соглашениями 40-х гг. XVIII в. От Южного Буга близ р. Ташлык российско-турецкая граница тянулась открытой степью на юго-восток к Днепру и примыкала к нему у устья р. Каменка. Потом она поднималась вверх по Днепру, переходила на реки Конские Воды и Берду, следовательно – на Северное побережье Азовского моря, где еще с начала XVIII в. занимались рыболовством запорожские и донские казаки. Автором зафиксировано, что население постепенно продвигалось на юг и на середину XVIII в. оказалось в непосредственном соседстве с Крымским ханством, а со стороны Кавказа – Кабардинскими землями.

В монографии «Северное Причерноморье в 1775–1800 гг.» Е. Дружинина характеризует особенности колонизации и хозяйственного освоения земель Южной Украины как новый этап в истории украинского народа. Она обстоятельно изучила не только размеры осваиваемой территории, но и методы форсированного ее заселения. Для изучения проблемы автор использовала не только пласт отечественной и зарубежной историографии, но и большое количество документального материала, как архивного, так и опубликованного. Впервые в значительном объеме введены в научный оборот картографические материалы конца XVIII в., а также необходимый для понимания механизма заселения Юга «План о раздаче в Новороссийской губернии казенных земель к их заселению» от 22 марта в 1764 г. Указ фактически распространялся на весь юг Украины в последней четверти XVIII в. и широко способствовал созданию военно-земледельческих поселений.

Автор обращает внимание на дискуссионный вопрос о плотности населения в Запорожье. Е. Дружинина отмечает ее как низкую и приводит данные, собранные начальниками военных команд в период ликвидации Сечи – всего 59 637 чел., ссылаясь на «Ведомость, представленную при рапорте генерал-поручика П. Текели Екатерине II от 29 августа 1775 г.». При этом исследователь замечает, что А. Скальковский и Д. Яворницкий подали цифру 100 тыс. чел. Как причину расхождения подсчетов автор приводит тот факт, что при этом не учтены, во-первых, крестьяне без паспортов, которые жили на территории Запорожья и уклонялись от любой регистрации, во-вторых, гибель людей на момент окончания российско-турецкой войны, беглые запорожцы после разгрома Сечи (до 40 тыс. чел.).

Приведенные А. Скальковским в его книге «Опыт статистического описания Новороссийского края» данные о количестве населения Новороссийской губернии Е. Дружинина считала наиболее обоснованными в сравнении с приведенной им динамикой населения Запорожья. Е. Дружинина указывала на стремительный рост количества населения Екатеринославского наместничества: на 1782 г. – больше чем на 200% (в 1773 г. – 162 920 чел.), что и составило 529 538 чел. Прирост на 1784 г. – 34%, при этом автор указывала на возможность завышения цифр в силу того, что год от года собиралась более взвешенная и точная информация. Анализируя ход заселения и хозяйственного освоения края, автор остановилась также на особенностях формирования городов и сел, развитии промышленности и торговле.

Определенное значение в исследовании проблемы имеют произведения, которые несут информацию о переходе населения на юг Украины из других регионов. Возможность пополнить данные о побегах крепостных крестьян в Запорожскую Сечь предоставляет пересмотр документов Центрального государственного исторического архива УССР, который осуществил И. Гуржий (1950 г.), рассмотрев крестьянские движения на Левобережной Украине во второй половине XVIII в., а именно, восстание в Турбаях [17]. Причинами, по которым крестьяне и казаки вынуждены были переселяться на Запорожье, автором отмечено ухудшение экономического положения в сочетании с усилением административной власти старшины в первые десятилетия XVIII в. на Левобережной Украине. Попытка правительства ограничить и окончательно запретить крестьянские переходы в течение 30–40-х гг. XVIII в., особенно во время Румянцевской ревизии (1765–1769 гг.), привели к их увеличению. Отражена и процедура переселения турбаивцев (560 лиц муж. пола) в Новороссию.

В произведениях А. Слюсарского имеется информация о переходе населения из Слобожанщины [18]. Его исторический очерк о Слободской Украине XVII–XVIII в. полностью проникнут традиционными цитатами из арсенала марксистской фразеологии, однако факты про основание Святогорского монастыря, сооружения Украинской укрепленной линии и солеварению на Торе и Бахмуте заслуживают внимания [19].

Через десять лет вышла монография А. Слюсарского «Социально-экономическое развитие Слобожанщины, XVII–XVIII вв.», в которой автор использовал архивные материалы Киева, Харькова. Особо ценными для нашего исследования оказались документы Бахмутской заводской соляной конторы (1750–1780 гг.) и Комиссии Торских соляных заводов (1748–1778 гг.) [20]. Фактически в этом труде впервые подан короткий обобщающий очерк раз-

вигляду Торських і Бахмутських соляних промислов в XVII–XVIII в. К произведенію историк приложил тщательным образом выписанную картосхему слободско-украинских полков, на которой воспроизведены поселения при Украинской линии и район среднего Подонцовья.

Проблему побегов крестьян и казаков на Запорожье из Левобережной Украины изучил В. Дядиченко в монографии «Очерки общественно-политического уклада Левобережной Украины конца XVII–XVIII в.» [21]. Подтверждения о заселении и освоении территории можно почерпнуть из сведений автора о снабжении казачьего войска продовольствием. Оно являло собой сложную картину. Для сохранения хлебных запасов заблаговременно строились специальные укрепленные местечки. Когда направление продвижения казачьих войск было известно и путь преимущественно пролегал через территорию Украины, то заранее создавали продовольственные магазины. Так было, в частности, во время походов на Юг Украины в 90-х гг. XVII в.

Выводы и перспективы дальнейших исследований. Таким образом, невзирая на известную идеологическую направленность, ряд исследований в 40–50-х гг. XX в. обогатили проблему не только новым фактическим материалом, но и важными обобщениями. В частности, это касается исследований В. Голобуцкого, О. Дружининой. Несмотря на господство марксистской идеологии, исследователями 1940–1950-х гг. охарактеризованы основные этапы заселения, уточнены границы исследуемой территории. Вообще следует признать, что наиболее полно воспроизведена картина заселения края в XVIII в. Что касается более раннего времени, то известные факты имеют как тематические, так и хронологические ограничения.

Систематизация существующего научного наследия по проблеме позволяет очертить перспективы ее дальнейшего изучения. Необходимы комплексная классификация источников и создание общей базы данных по истории миграций в Украине.

Источники и литература

1. Черкасская Е. Стачка рабочих Бахмутских и Торских соляных заводов в 1765 г. // Историк-марксист. 1940. № 11. С. 109–111.
2. Пірко В.О. Освоєння півдня України в XVI–XVIII ст. у вітчизняній історіографії. Донецьк, 1991. С. 19.
3. Гуслистий К.Г. Коліївщина (історичний нарис). К., 1947. 48 с.
4. Стецюк К.І. Вплив повстання Степана Разіна на Україну. К., 1947. 117 с.
5. Стецюк К.І. Народні рухи на Лівобережній і Слобідській Україні в 50-х – 70-х роках XVII ст. К., 1976. С.306.
6. Гуслистий К., Апанович О. Запорозька Січ та її прогресивна роль в історії українського народу. К., 1954. 88 с.
7. Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М.; Л., 1948. С. 159–166, 293–307, 402–415.
8. Лященко П.И. Крепостное сельское хозяйство России в XVIII веке // Исторические записки. М., 1945. № 15. С. 97–127.
9. Лященко П.И. История народного хозяйства СССР. М., 1959. Т. 1. С. 313–540.
10. Голобуцкий В.А. Запорожское казачество. К., 1957. 461 с.
11. Голобуцкий В.О. Запорожье козацтво. К., 1994. 541 с.
12. Голобуцкий В.А. Запорожская Сечь в последние времена своего существования. 1734–1775. К., 1961. 408 с.; Он же: Запорізька Січ в останні часи свого існування. (1734–1775). Дніпропетровськ, 2004. 423 с.
13. Апанович О. Запорізьке військо як складова частина російської армії у другій половині XVIII ст. // Наукові записки Інституту історії АН УРСР. К., 1953. Т. 5. С. 112–113.
14. Голобуцкий В.А. Дипломатическая история освободительной войны украинского народа. 1648–1654. К., 1962. 360 с.
15. Дружинина Е.И. Кючук-Кайнарджийский мир 1774 года (его подготовка и заключение). М., 1955. 360 с.
16. Дружинина Е.И. Северное Причерноморье в 1775–1800 гг. М., 1959. 279 с.
17. Гуржий И.О. Повстання селян в Турбях (1789-1793). К., 1950. 144 с.
18. Слюсарський А.Г. Заселення Слобідської України у зв'язку з боротьбою українського народу проти іноземної неволі // зб. наук. роб., присвячений 300-річчю воз'єднання України з Росією. Харків, 1954. С. 71–94.
19. Слюсарський А.Г. Слобідська Україна. Історичний нарис XVII–XVIII ст. Харків, 1954. С. 130–173.
20. Слюсарский А.Г. Социально-экономическое развитие Слобожанщины. XVII-XVIII вв. Харьков, 1964. С. 312–328.
21. Дядиченко В.А. Нариси суспільно-політичного устрою Лівобережної України кінця XVII – початку XVIII ст. К., 1959. С. 92–96.

Современная российская историография о причинах депортаций народов юга России в годы Великой Отечественной войны**

В современной российской исторической науке вопросам депортаций народов юга России уделяется значительное внимание [1]. Данной теме был посвящен ряд конференций, опубликованные материалы которых стали немаловажными историографическими фактами в ее разработке [2]. Она также нашла отражение в ряде обобщающих трудов [3], работах по истории региона в годы Великой Отечественной войны [4], специальных исследованиях, раскрывающих депортации как форму массовых политических репрессий, обстоятельства пребывания репрессированных народов на спецпоселении [5]. В ряде работ рассматриваются непосредственно депортация народов юга России [6], выселение карачаевцев и балкарцев [7], чеченцев и ингушей [8], калмыков [9], греков [10], немцев [11]. Большинство современных исследователей расценивают депортации как антигуманные и беззаконные акции, «произвол сталинского тоталитарного режима», отдельные авторы оценивают их как геноцид. В то же время причины депортаций получили разное объяснение, вызывая острую полемику, что обуславливает целесообразность их специального осмысления.

Формальным поводом для выселения ряда народов юга России послужили стандартные обвинения в их «предательском» поведении, выразившемся в оказании массовой поддержки захватчикам в период оккупации региона, создании бандформирований, нападавших на советские войска. Значительная часть современных исследователей отвергает данные обвинения и объясняет депортации тремя основными причинами: 1) необходимостью расширения территории Грузии «за счет исконных земель северокавказских народов»; 2) стремлением ряда руководителей региона переложить ответственность за провал партизанского движения на отдельные народы; 3) потребностью Сибири, Средней Азии и Казахстана в дешевой рабочей силе [12].

Версию о том, что депортация северокавказских народов имела своей целью «очистить» один из лучших по природно-климатическим условиям регионов для Грузии первым, вероятно, высказал Х.-М. Ибрагимбеги [13]. Впоследствии она нашла широкое отражение в работах других авторов [14]. В качестве одного из аргументов приводится почвенная карта Северного Кавказа, изданная в 1942 г. АН СССР, где административный центр Карачая город Микоян-Шахер уже получил грузинское название Клухори, которое он носил в 1943–1957 гг. [15] Авторы обобщающей работы по истории карачаевцев и балкарцев, соединив две первые версии, указывают, что в насильственном выселении были заинтересованы сразу несколько группировок – «грузинская» (во главе с «национал-державниками в Кремле»), «ставропольская» (Суслов и его «полководцы») и «кабардинская» («кабардинский национал-большевик Кумехов» – руководитель партийной организации Кабардино-Балкарии в годы войны) [16].

Возражая им, другие историки отмечают, что территории выселенных народов передавались не только Грузии, а депортации подвергались народы, вовсе не граничившие с Грузией. Кроме того, политику на Северном Кавказе «определял далеко не один М.А. Суслов» [17]. К.-М.И. Алиев указывает, что в случае использования первой версии, даже подкрепленной документальным материалом, причины подменяются следствиями, ибо вопрос об изменении административных границ решался уже после депортации народов, да и передана была Грузии только небольшая часть территории Карачая. Между тем «Сталину ничего не мешало отдать Грузии если не всю область, то хотя бы ее большую часть» [18]. Перемещение огромного количества людей на восток страны также требовало немалых затрат, что снижало экономическую эффективность подобных мероприятий.

Ряд исследователей приводит свидетельства того, что на юге России имели место открытые выступления «против идейных установок партийных органов», массовые антисоветские выступления и широкое распространение бандитизма в годы войны. В частности, А.М. Гонов связал депортацию части народов Северного Кавказа с общей обстановкой в регионе, приведя факты дезертирства, действий немецких агентов и местных банд. Он назвал депортацию северокавказских народов «насильственным (вынужденным) переселением» [19]. Тема бандитизма в годы войны получила развитие и в других работах, вызвав резкую критику со стороны ряда северокавказских авторов, считающих, что документы НКВД были прямо фальсифицированы [20]. К сожалению, данная критика пока не опирается на глубокий источниковедческий анализ имеющихся материалов.

* **Кринко Евгений Федорович** (Ростов-на-Дону) – доктор исторических наук, заместитель директора Института социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН.

** Статья подготовлена в рамках проекта «Историческое знание и его возможности в обеспечении устойчивого развития южного макрорегиона» Подпрограммы фундаментальных исследований Президиума РАН «Анализ и моделирование геополитических, социальных и экономических процессов в полиэтническом макрорегионе» Программы «Фундаментальные проблемы пространственного развития Российской Федерации: междисциплинарный синтез» на 2009–2011 гг.

Значительная часть авторов видит корни депортации в самой природе советского тоталитарного режима. Так, Н.Ф. Бугай указывает: «Усиление тоталитарного режима обуславливало использование в национальной политике таких жестких методов, как депортация целых народов и групп населения» [21]. Выделив целый комплекс факторов, обусловивших депортации, А.Д. Койчуев в качестве главной причины также называет утверждение тоталитаризма [22]. Отдельные авторы говорят о том, что репрессии замышлялись еще до войны [23]. Р.М. Куцетеров полагает, что «сталинская национальная политика дружбы и братства народов СССР» преследовала «одну цель – прекратить существование целых этносов. Это был настоящий геноцид» [24].

По мнению В.А. Тишкова, цель этнических депортаций трудно объяснить какими-либо мотивами, «кроме как безумными геополитическими фантазиями “вождя народов” или его маниакальной подозрительностью». Депортации продолжались и после войны, когда даже формальная необходимость в них исчезла. В то же время В.А. Тишков указывает на «определенные соображения по использованию рабской силы для осуществления индустриальных проектов», а также предполагает стремление властей «упростить этническую мозаику населения страны, которая как бы не укладывалась в схему формирования “социалистических наций” на основе национальных государственных образований» [25]. К.-М.И. Алиев видит причины депортаций в попытке решения «национального вопроса в СССР путем ассимиляционных процессов, “хирургическим” путем». Он убежден в том, что «постепенное и поэтапное распыление “малых” и “малочисленных” народов на восточных пространствах» И.В. Сталин рассматривал как «возможность создания новой “социалистической нации СССР” – советского народа» [26].

Современные авторы часто указывают на негативную роль в трагедии карачаевского народа М.А. Суслова, подчеркивая его личную заинтересованность в их выселении [27]. Напротив, С.И. Линец указывает, что вплоть до самого выселения «в краевой печати карачаевцы характеризовались как активные и самоотверженные борцы с оккупационным гитлеровским режимом». Эти факты рассматриваются как свидетельства того, что «М. Суслов не являлся одним из инициаторов выселения. Но когда оно готовилось и осуществлялось, краевой партийный руководитель активно содействовал ей, в том числе и по причине собственного самосохранения» [28].

Расходятся оценки и в отношении роли руководителей самих автономий в осуществлении депортаций. В частности, критике подвергается секретарь Карачаевского обкома ВКП(б) С.-У.Б. Токаев, «аморально предавший свой народ». По словам одного из современных авторов, «вместо того чтобы убедить руководство страны, что руководство Карачаевской автономии само сумеет решить проблему нескольких десятков предателей-бандитов, еще не сдавшихся Советской власти, Токаев С.-У.Б., Лайпанов Х.О. и другие, искусственно преувеличивая массовость сопротивления, требовали ввода значительного количества регулярных сил Красной Армии на территорию Карачая». Карачаевским руководителям противопоставляется первый секретарь Дагестанского обкома партии А.Д. Даниялов, который, «рискуя не только своей должностью, но и жизнью», сумел добиться приема у самого И.В. Сталина и «спас народ от насильственной депортации» [29]. В этих оценках содержится немало субъективизма: И.В. Сталин вряд ли принял бы во внимание мнение местных руководителей при решении данного вопроса, даже если бы оно и прозвучало.

Таким образом, различия в оценках причин депортаций народов региона обусловлены как спецификой используемой ими методологии и источниковой базы, так и идеологическими пристрастиями авторов. В этих условиях дискуссии нередко приобретают политизированный характер, затрудняя поиск компромисса между исследователями.

Источники и литература

1. Бугай Н.Ф. Проблема депортации и реабилитации народов в трудах ученых Северокавказского региона (гуманитарный аспект) // *Голос минувшего. Кубанский исторический журнал*. 2000. № 3–4. С. 35–42; Цуцулаева С.С. Репрессированные народы Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: проблемы историографии: Автореф. дис... канд. ист. наук. Казань, 2001. 27 с.; Кринко Е.Ф. Северо-Западный Кавказ в годы Великой Отечественной войны: проблемы историографии и источниковедения. М.: Союз, 2004. 312 с.; Кринко Е.Ф., Хлынина Т.П. История Северного Кавказа в 1920–1940-е гг.: современная российская историография. Ростов н/Д.: Изд-во ЮНЦ РАН, 2009. 304 с.; Степанов М.Г. Этнические депортации в СССР: проблемы российской историографии. Абакан: Изд-во ГОУ ВПО «Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова», 2010. 115 с. и др.

2. Репрессированные народы: история и современность. Материалы II *Всеросс. науч. конф.*, 1–2 ноября 1993 г. Карачаевск: Карач.-Черкес. гос. пед. ун-т, 1994. 215 с.; Наказанный народ. По материалам конф. «Репрессии против российских немцев в Советском Союзе в контексте советской национальной политики», 18–20 ноября 1998 г. М.: Звенья, 1999. 286 с.; Национальная политика советского государства: репрессии против народов и проблемы их возрождения. Материалы Международ. науч. конф. (23–24 октября 2003 г.). Элиста: Калмыцкий гос. ун-т, 2003. 257 с.; Репрессированные народы: история и современность. Материалы респ. науч. конф., 30–31 октября 2003 г. Карачаевск: Изд-во КЧГУ, 2003. 139 с. и др.

3. Плохотнюк Т.Н. Российские немцы на Северном Кавказе. М.: Обществ. академия наук рос. немцев, 2001. 238 с.; Тебуев Р.С., Хатуев Р.Т. Очерки истории карачаево-балкарцев. М.: Илекса; Ставрополь: Ставропольсервисшкола, 2002. 224 с.; История многовекового содружества. К 450-летию союза и единения народов Кабардино-Балкарии и России. Нальчик: Изд-

во М. и В. Котляровых, 2007. 720 с.; История Чечни с древнейших времен до наших дней. В 2 т. Грозный: ГУП «Книжное изд-во», 2008. Т. II: История Чечни XX и начала XXI веков. 832 с.; История Калмыкии с древнейших времен до наших дней. В 3 т. Элиста: ГУ «Изд. дом «Герел», 209. Т. 2. 840 с. и др.

4. Ибрагимов М.М. Власть и общество в годы Великой Отечественной войны (На примере национальных республик Северного Кавказа). М.: МПГУ, 1998. 462 с.; Койчугев А.Д. Карачаевская автономная область в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Ростов н/Дону: Изд-во Ростов. гос. пед. ин-та, 1998. 484 с.; Малышева Е.М. Испытание. Социум и власть: проблемы взаимодействия в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. Майкоп: ГУРИПП «Адыгея», 2000. 432 с.; Баликоев Т.М. Национальная политика советского государства на Северном Кавказе в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: Дис... д-ра ист. наук. Владикавказ, 2003. 380 с. и др.

5. Вылцан М.А. Депортация народов в годы Великой Отечественной войны // Этнографическое обозрение. 1995. № 3. С. 26–44; Алферова И.В. Государственная политика в отношении депортированных народов (конец 30-х – 50-е гг.): Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1997. 24 с.; Маламуд Г.Я. Заключенные, трудмобилизованные НКВД и спецпереселенцы на Урале в 1940-х – начале 50-х гг.: Автореф. дис... канд. ист. наук. Екатеринбург, 1998. 18 с.; Полян П.М. Не по своей воле...: История и география принудительных миграций в СССР. М.: Мемориал, 2001. 328 с.; Бердинских В.А. Спецпоселенцы: Политическая ссылка народов Советской России. М.: Новое литературное обозрение, 2005. 768 с. и др.

6. Гонов А.М. Проблемы депортации и реабилитации репрессированных народов Северного Кавказа: 20–90-е годы XX века: Дис... д-ра ист. наук. Нальчик, 1997. 403 с.; Хунагов А.С. «Выселить без права возвращения...». Депортация народов Юга России. 20–50 годы (на материале Краснодарского и Ставропольского краев). Майкоп: Меоты, 1999. 170 с. и др.

7. Кушетеров Р.М. Насилие. Политика коммунистической партии в отношении крестьян, методы и результаты ее осуществления. Черкесск: Изд-во АО «ПУЛ», 1993. 150 с.; Кушетеров Р.М. Кушетеров А.–Х.У. Депортация. Ставрополь: Кн. изд-во, 1994. 136 с.; Шабаев Д.В. Правда о выселении балкарцев. 2-е изд., доп. Нальчик: Эльбрус, 1994. 288 с.; Шаманов И.М., Тамбиева Б.А., Абрекова Л.О. Наказаны по национальному признаку. Черкесск: Карач.-Черкес. филиал МОСУ, 1999. 114 с.; Аджиева Э.А. Депортация народов Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны: причины и следствия (на примере карачаевского и балкарского народов). Дис... канд. ист. наук. Карачаевск, 2001. 151 с.; Сабанчиев Х.-М.А. Депортация, жизнь в ссылке и реабилитация балкарского народа (1940-е – начало XXI в.): Автореф. дис... д-ра ист. наук. Ростов н/Д, 2007. 54 с. и др.

8. Агиев Р.С. Трагедия чеченского и ингушского народов в 30–50-х гг. XX в. (Депортация, спецпоселение, реабилитация): Автореф. дис... канд. ист. наук. Ростов н/Д, 2003. 26 с.; Арапханова Л.Я. Спецпереселенцы. История массовых репрессий и депортаций ингушей в XX веке. М.: Андалус, 2004. 320 с. и др.

9. Бугай Н.Ф. Операция «Улусы». Элиста: Калмыцкое кн. изд-во, 1991. 88 с.; Убушаев В.Б. Калмыки: выселение и возвращение. 1943–1957. Элиста: Санан, 1991. 96 с.; Убушаев К.В. Депортация и правовая реабилитация калмыцкого народа: историко-правовые аспекты (1943–1991 гг.). Автореф. дис... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2003. 22 с.; Максимов К.Н. Трагедия народа: Репрессии в Калмыкии. 1918–1940-е годы. М.: Наука, 2004. 311 с.

10. Бугай Н.Ф., Коцонис А.Н. «Обязать НКВД СССР ... выселить греков» (О депортации греков в 1930–1950-е гг.). М.: ИНСАН, 1999. 168 с.; Джуха И.Г. Спецшелоны идут на Восток. История репрессий против греков в СССР: депортации 1940-х гг. СПб.: Алетейя, 2008. 560 с. и др.

11. Бугай Н.Ф. 40-е годы: «Автономно немцев Поволжья ликвидировать...» // История СССР. 1991. № 2. С. 172–180; Курочкин А.Н. Трудармейские формирования из граждан СССР немецкой национальности в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): Автореф. дис... канд. ист. наук. Саратов, 1998. 19 с.; Герман А.А., Курочкин А.Н. Немцы в «Трудовой армии» (1941–1945). 2-е изд. М.: Готика, 2000. 208 с.; Шадт А.А. Спецпоселение российских немцев в Сибири (1941–1955 гг.): Дис... канд. ист. наук. Новосибирск, 2000. 297 с.; Мухортова Т.В. Депортация и восстановление гражданских прав российских немцев: 1941–1955 гг. На примере Нижнего Поволжья и Северного Кавказа. Дис... канд. ист. наук. Пятигорск, 2006. 189 с.; Белковец Л.П. Административно-правовое положение российских немцев на спецпоселении 1941–1955 гг.: Историко-правовое исследование. М.: РОССПЭН, 2008. 359 с. и др.

12. Так это было: национальные репрессии в СССР. 1919–1952 годы. Худож.-докум. сб. М.: Инсен, 1993. Т. 1. С. 7–17; Койчугев А.Д. Указ. соч. С. 449–453; Алиев К.-М.И. В зоне «Эдельвейса». М.: Илекса; Ставрополь: Ставропольсервисшкола, 2005. С. 58 и др.

13. Ибрагимбейли Х.М. Плоды произвола // Литературная газета. 1989. 17 мая.

14. Алиев И. Шлейф бед и страданий // Так это было: национальные репрессии в СССР. 1919–1952 годы. Т. 2. С. 14–15; Карачаевцы: Выселение и возвращение, 1943–1957: Материалы и документы. Черкесск: Изд-во «ПУЛ», 1993. С. 43–44 и др.

15. Алиева С. Красноречивая деталь // Так это было: национальные репрессии в СССР. 1919–1952 годы. Т. 1. С. 260.

16. См.: Тебуев Р.С., Хатуев Р.Т. Указ. соч.

17. Хунагов А.С. Указ. соч. С. 7–8.

18. Алиев К.-М.И. Указ. соч. С. 58–59.

19. Гонов А.М. Указ. соч. С. 17.

20. Тебуев С. Предисловие // Депортация карачаевцев. С. 8–9; Алиева С.К. Материальная и финансовая помощь трудящихся Северного Кавказа Красной Армии в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (на материалах Адыгейской, Карачаевской, Черкесской автономных областей и Кабардино-Балкарской АССР): Дис... канд. ист. наук. Карачаевск, 2001. С. 14–15 и др.

21. Бугай Н.Ф. Л. Берия – И. Сталину: «Согласно Вашему указанию...». М.: АИРО-XX, 1995. С. 5.

22. Койчув А.Д. Тоталитаризм и фальсификация роли малочисленных народов Северного Кавказа в Великой Отечественной войны как причина депортации целых народов // Вестник Карачаево-Черкесского государственного университета. Карачаевск, 2001. № 5. С. 36–54.
23. Алиева С. Указ. соч. С. 261.
24. Кушетеров Р. Указ. соч. С. 169.
25. Тишков В.А. Национальности и национализм в постсоветском пространстве (исторический аспект) // Этничность и власть в полиэтничных государствах: Материалы междунаrod. конф. 1993 г. М.: Наука, 1994. С. 24.
26. Алиев К.-М.И. Указ. соч. С. 59.
27. Алиев И. Указ. соч. С. 20.
28. Линец С.И. История организации партизанского движения на Ставрополье в годы Великой Отечественной войны: состояние и перспективы исследования проблемы // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2000. № 2. С. 28.
29. Байрамуков И.Х. Субъективный фактор в депортации и реабилитации карачаевского народа // Репрессированные народы: история и современность. Материалы респ. науч. конф., 30–31 октября 2003 г. С. 16–17.

Правовое регулирование брачности у монастырских крестьян в XV–XVIII вв. (по архиву Троице-Сергиевой Лавры)

Под брачностью понимается процесс возникновения новых брачных пар, который является важной предпосылкой для дальнейшего демографического воспроизводства населения. Семья и брак в традиционных обществах регулировались нормами разных систем права – канонического, церковного, обычного, государственного. В жалованных грамотах из архива Троице-Сергиева монастыря за 1471–1549 гг. свадебные пошлины – выводная куница и убрusное – фигурируют в паре и в составе широкой совокупности иммунитетных освобождений по Дмитровскому, Каширскому, Рузскому, Ростовскому, Юрьевскому уездам [1].

Длительное время взимание свадебных пошлин с монастырских крестьян осуществлялось на обычно-правовой основе, в какой-либо устно-обрядовой форме. Впервые их письменная фиксация была произведена корпорацией в 1567 г., когда сотские костромских сел получили грамоту по типу уставной на переславское с. Выпуково 1559/60 г., дополненную указанием на свадебные пошлины, взимаемые в троицкую казну, – выводная куница пол-3 алт., новоженный 1 алт. Такие же нормативы были повторены в уставных записях 1560-х гг. по Бежецкому, Верейскому, Дмитровскому, Малоярославецкому уездам. В уставных 1580–1590 гг. наблюдается дальнейшее территориальное распространение свадебных пошлин. Так, в уставной оброчной грамоте соборного старца Варсонофия Якимова крестьянам с. Соболева (Юрьевецкий у.) ок. 1580 г. выводная куница была более высокой – гривна (10 коп.), а в селах Владимирского (с. Харитоново) и Кашинского (с. Введенское-Олексино) уездов, согласно идентичным уставным грамотам 1590 г., имела такую же величину, как и в записях 1560-х гг. [2]. При этом «убрусное» отменялось: «а дву денег за утиралник не имати» (в Белозерской уставной грамоте 1488 г. «свадебное за убрus» как раз составляло 2 ден.). В писцовой книге по коломенскому с. Екиматову 1592/93 г. были зафиксированы следующие свадебные пошлины, адресуемые приказчику, и их размеры: *выводная куница* гривна, а *новоженный убрus* алтын [3].

Церковно-каноническое регулирование брачности монастырских крестьян отразилось в жалованной грамоте новгородского архиепископа Александра архимандриту Ионе на десять церквей в троицких вотчинах Бежецкого Верха от 21 марта 1577 г. В ней упоминается грамота новгородского архиепископа Макария (1526–1542) с последующими подтверждениями владыками Феодосием (1542–1563), Серапионом (1551–1552).

Пименом (1552–1571 гг.). Согласно данному акту, сельские попы брали с крестьян пошлины за первый брак в размере 1 алт., второй – 2 алт., третий – 4 алт. Венчания разрешались без «знамян и печатей», но заносились в специальные книги, а затем их вместе с деньгами следовало передавать приказчикам монастырских сел. Те в свою очередь должны были все это отдавать Софийскому десятильнику в Городецке (Бежецке) «по старине» [4]. Аналогичная по содержанию грамота была выдана патриархом Иовом причту Воскресенской церкви подмосковного с. Росткина 19 июля 1602 г. Попу, обязанному провести предварительно брачный обыск, разрешалось венчать свадьбы без «знамян» десятильников и поповских старост. «Знамяна» давали ему монастырские приказчики, фиксировавшие имена женихов и невест и взятые суммы пошлин в специальных книгах, предоставляемых затем в патриаршую казну в Москве [5].

Включение в жалованные грамоты Троице-Сергиеву монастырю указаний на выводную куницу и убрusное после 1549 г., по нашим наблюдениям, исчезает. Вместе с тем обратим внимание на триаду «пиры-братчины-свадьбы», которая последовательно фигурирует в общих жалованных грамотах корпорации 1578, 1606, 1617, 1625 гг. [6]. На них к крестьянам, согласно устойчивой средневековой традиции, приказчики не должны были приходить незванными. Это проливает свет на крестьянскую свадьбу как проявление частной жизни семьи, при этом сам праздник облагался сеньориальными пошлинами. В уставной грамоте патриарха Иоакима Николо-Песношскому монастырю 1687 г. (находился в Дмитровском у., в 1699 г. он будет приписан к Троице) определен размер пошлины за приготовление пива или браги к крестьянской свадьбе: 2 ден с четверти [7].

Существенная сторона проблемы брачности для феодальнозависимого крестьянства – это более высокая оплата выводных браков. Данный принцип был сформулирован еще в Белозерской уставной грамоте – ст.17 [8]. В грамоте Марининской трети Артемовского стана Переславского у. 1506 г. новоженный убрus для браков, заключаемых внутри волости, составлял 4 ден., а выводная куница в три раза больше – 2 алт. [6]. В 19-й статье XI главы Соборного Уложения 1649 г. речь шла о выдаче вотчинниками и помещиками крестьянских девкам и вдовам *отпускных*, в которых должны были фиксироваться размеры «вывода». Однако документальных свидетельств того, как практически осуществлялись подобные браки в XVI–XVII вв., очень немного.

* Черкасова Марина Сергеевна (Вологда) – доктор исторических наук, профессор кафедры культурологии Вологодского государственного педагогического университета.

По вологодскому Спасо-Прилуцкому монастырю удалось обнаружить полноценный делопроизводственный комплекс за январь-февраль 1653 г., рисующий всю «цепочку»: межкрестьянский сговор (институт обычного права) – соответствующая челобитная властям с просьбой выдать отпускную и разрешить «на свадьбу четвертицу пивца сварить», а иногда и с упоминанием «государева указа» (т. е. ст. 19 Уложения 1649 г.) – приговор властей обычно с положительным решением – выдача самой отпускной нередко за подписью архимандрита и келаря и прикреплением печати – включение списка с нее в «пометочные книги и столп дел» [9]. В троицком архиве удалось обнаружить единственную отпускную грамоту, выданную в феврале 1678 г. владимирским воеводой П.С.Хомяковым дворцовому крестьянину Савке Фомину с разрешением выдать свою дочь Стефанидицу замуж за троицкого крестьянина в с.Олексино Стародубского у. [10]. Больше встречается упоминаний об «отпускных памятях в замужество» второй половины XVII в., оставшихся в крепостной казне монастыря, судя по его многочисленным описям середины XVIII в. (по Дмитровскому, Каширскому, Новгородскому, Ростовскому, Тарусскому и др. уездам) [11].

В марте 1746 г. была выработана инструкция Лаврского келаря Феофана Чарнуцкого вотчинным старостам, в которой имелся специальный раздел 10 – «О женидбе троицким крестьяном». Ею разрешались браки троицких вдов и девок с приходящими в Лаврские владения синодальными, дворцовыми, помещичьими крестьянами только при наличии у последних отпускных писем, выданных прежними ведомствами или владельцами. Размер выводных пошлин для крестьянских и бобыльских дочерей, выдаваемых за пределы Лаврских вотчин, устанавливался в зависимости от владельческой принадлежности женихов и их «пожиточности»: в синодальные и дворцовые имения по 2-3 руб., в помещичьи имения по 5-10 руб. («а ниже пяти рублей не брать»). Для невест-сирот вывод составлял 1 руб. Получаемые выводные деньги приказчикам следовало записывать в «шнуровые книги» с монастырской печатью и ежегодно при доношениях присылать в Лавру. После смерти своих мужей вдовы и девки с прижитыми в браке детьми и «пожитками» могли приходиться к родственникам в троицкие села только с «записными от помещиков крепостными письмами», если срок их пребывания в гостях превышал 3 дня [12]. Ответственными за исполнение данных предписаний были крестьянские сотские, старосты и десятские.

В ведомости о доходах Лавры за 1747 г. указано количество полученных выводных денег за отданных в замужество «в посторонние вотчины вдов и девок» – 151 руб. 30 коп., что на общем фоне денежных поступлений в Лаврскую казну за год – около 24 тыс. руб. – выглядит весьма скромным [13]. Сведения о конкретных, как правило, весьма высоких размерах выводных пошлин находим в итоговой ведомости о Лаврских вотчинах за 1761–1762 гг. В ней указаны единовременные выплаты в год «за выданную на вывод девку»: 3 руб. (Московский, Тверской уу.), 5 руб. (Боровский, Новоторжский, Ярославский уу.), 6 руб. (Елецкий, Данковский, Кашинский, Клинский уу.), 7 руб. (Верейский у.) и даже 10 руб. (Любимский у.) [14].

Обращение к комплексу офицерских описей начала 1762–1763 гг. подтверждает наблюдение о том, что власти Лавры действительно практиковали очень высокие нормативы выводных денег: по 7-10 руб. (вот где очевидный признак усиления вотчинного режима от XVI к XVIII в.). При этом свадебные пошлины внутри вотчины составляли по 60-62 коп. [15]. По приписному Троице-Алатырскому монастырю офицерская опись нам неизвестна, но сохранилось до десятка отпускных выводных писем и отписей за 1730–1750-е гг. [16] на замужество крестьянок разной владельческой принадлежности (дворцовых, помещичьих, духовных корпораций – Макарьева Желтоводского, Спасо-Ярославского монастырей) за его крестьян или бобылей. Невесты назывались «старинными крепостными крестьянками», а отписи оформлялись от имени владельцев либо их приказчиков, других доверенных лиц, либо даже крестьянских старост в Алатырской или Саранской провинциальных канцеляриях с указанием свидетелей (обычно ими были подканцеляристы и «надсмотрщики» тех же учреждений). Во всех отписях содержалась статья, явно заимствованная из поземельных актов, о том, что отныне до вступающей в замужество на вывод крестьянки дела нет ни прежнему владельцу, ни даже крестьянскому старосте и «в оную девку не вступатся никоторыми делы и убытки не вчинять».

В отпускных, помимо Алатырского, отмечены Арзамасский, Владимирский, Саранский уезды. Размеры выводных денег, выплачиваемых женихами, то есть троицкими крестьянами или бобылями (в том числе и жившими в городе Алатыре), были различны (1-3 руб.), но существенно ниже, чем выводная пошлина для желающих через замужество покинуть пределы Лаврской сеньории. Алатырским женихам (что рисует их как своего рода субъектов правоотношений) и предназначались сами отпускные памяти и отписи («вперед для спору», как говорилось в Соборном Уложении), а иногда с указанием, что «до крепостных дел», то есть они и в крепостные книги местной канцелярии также должны были записываться. При отпуске крестьянки Макарьева Желтоводского монастыря в его казенном приказе было оформлено отпускное письмо, собственноручно подписанное архимандритом Сергием и скрепленное красной прикладной печатью [17].

Отсутствие подобных документов в Троицком архиве равно как и высокие выводные пошлины склоняют к предположению, во-первых, о внешней открытости, «распахнутости» огромной территориальной сеньории для новых жильцов, а, во-вторых, об особо укоренившихся внутри нее крепостнических отношениях. Это, в свою очередь, способствовало невиданному демографическому росту Лаврских вотчин накануне секуляризации.

Источники и литература

1. Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. М., 1952. Т. 1. № 400, 412, 618, 652; Акты Русского государства 1505–1526. М., 1975. № 189; Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 281, ГКЭ по Ростову № 10560; по Рузе № 10259; Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф. 303. Кн. 519. Л. 86–88; Кн. 527. № 230, 240.
2. Акты Археографической экспедиции. СПб., 1836. Т. 1. № 307, 348-1; ОР РНБ. Погод. 1564. Л. 43–44.
3. ПКМГ. СПб., 1872. Отд. 1. С. 610; АТСЛ. Кн. 599. Л. 290.
4. ААЭ. Т. 1. № 296.
5. ОР РГБ. Ф. 303 (Архив Троице-Сергиевой Лавры). № 990 – подлинник с хорошо сохранившейся красной вислой патриаршей печатью.
6. АТСЛ. Кн. 527. Л. 35, 41; РГАДА. Ф. 248 (Сенат). Оп. 1. Кн. 809. Л. 9об.; Ф. 281 (Грамоты Коллегии экономии), по Балахне кн. 409. Л. 43.
7. Дьяконов М.А. Акты, относящиеся к истории тяглого населения Московского государства XVI–XVII вв. Юрьев, 1897. Вып. 2. № 94.
8. АСЭИ. М., 1964. Т. 3. № 22.
9. Государственный архив Вологодской области Ф. 1260. Оп. 2. № 1125 (январь-февраль 1653 г.).
10. ОР РГБ. Ф. 303 (АТСЛ). № 485.
11. Там же. Кн. 670, Л. 539об., 340об., 541об.; Кн. 672. Л. 460, 462.
12. Там же. Кн. 684. Л. 12.
13. Там же. Кн. 678. Л. 4об.
14. Там же. № 679. Л. 17об., 87об.-88, 133об., 135, 139об., 149об., 144об.
15. РГАДА. Ф. 280. Оп. 3. Кн. 622. Ч. 1–7.
16. РГАДА. Ф. 281. ГКЭ по Алатырю, № 173, 182, 187, 191, 194, 195–198, 196, 200, 201, 204.
17. Там же. № 194.

Приложение

Отпускные выводные отписи, памяти, письма, расписки

№ 1.

1723 г. февраля 17. – Отпускное выводное письмо, выданное из кабинетской Порецкой волости Марфе Ивановне Репиной в замужество за алатырского бобыля Семёна Харитоновна.

По указу императорского величества ее всемилостивейшей и великой государыни благоверной императрицы всероссийской Екатерины Алексеевны ис Кабинетской её величества Порецкой волости отпущена крестьянская дочь Ивана Репина девка Марфа Иванова на вывод в город Алатерь за бобыля Семена Харитоновна замуж. И выводные за оную девку денги по указу в Порецкую канцелярию взяты. И в том оной девки отпуска и во взятые за нея денег ему, Семёну, ис Порецкой канцелярии письмо дано.

Писал по велению означенной волости выборного Герасима Дадыкина канцелярской пищик Андрей Михайлов февраля 17-го дня 1723 году.

Далее отписка более бледными чернилами: А оной отец ея Иван Репин старинной и крепостной Порецкой волости крестьянин и во всех крепостях писан.

РГАДА. ГКЭ по Алатырю, № 173.

Упом.: Шумаков. Обзор ГКЭ. С. 93. № 1.

№ 2.

1733 г. февраля 15. – Отпускная выводная память, выданная унтер-офицером Иваном Аврамовым Ростригиным Матрёне Ивановой в замужество за бобыля Троице-Алатырского монастыря Михаила Иванова.

(л.1) Лета тысяща семь сот тридесать третьяго февраля в пятый на десять день морского флота унтер-офицер Иван Аврамов сын Ростригин, выпустил я из вотчины своей Володимерского уезду Ерополческой волости из деревни Захаровки старинную крепостную девку Матрёну Иванову дочь Алатерского Троецкого приписного монастыря за бобыля Михайлу Иванова на вывод за выводные денги за рубль. Мне, Ивану и жене моей, и детям, и наследником, и крестьяном моим до той вышеписанной крестьянской девки Матрены дела нет и не вступатца и о возврате об нея, Матрене, на него, Михайлу, ея императорскому величеству не бить челом и никакими делы не вщинать и ото всяких крепостей очищать, харчей и убытков никаких не довести.

Разными почерками: К сей выводной отписи морского флота унтер-офицер Иван Аврамов сын Ростригин руку приложил.

При сей выводной отписи Алатырской правинцыальные канцелярии подканцелярист Степан Савастьянов свидетель руку приложил.

При сей выводной отписи Алатырской правинцыальной канцелярии подканцелярист Василей Андреев сын Малеников сведетель и руку приложил.

А сию выводную отпись писал по приказу надсмотрщика Ивана Михайлова Алаторской правинцыальной канцелярии копеист Иван Кирилов 1733 году. //

(л.1об.) Февраля в 15 де[нь] сия выводная в Олатырской канторе крепостных дел в книгу записаны. От писма по записке и на расход по приказу взято. Подписал надсмотрщик Иван Михайлов.

РГАДА. ГКЭ по Алатырю № 182.

Упом.: Шумаков. Обзор ГКЭ. С.93. № 2.

№ 3.

1738 г. июня 2. – Отпускная выводная отпись, выданная старостой вотчины корнета Ивана Григорьева сына Чиркова Агафье Игнатъевой дочери в замужество за крестьянина Троице-Сергиева монастыря Василия Давыдова.

Лета тысяча семь сот тридцать осмага июня во вторый день Алаторского уезду вотчины лейб-гвардии конного полку корнета Ивана Григорьева сына Чиркова села Троицкого Дубровки тож крестьянин ево, староста Моисей Михайлов, выпустил я, Моисей, по приказу господина своего старинную и крепостную крестьянскую ево девку ис того ж вышписанного села Дубровки Агафью Игнатъеву дочь Федорова в Алатырской же уезд в яшашную деревню Ч..... из разночинцов вотчины Троицы Сергиева монастыря за крестьянина Василья Давыдова замуж на вывод. А выводу взял я, Моисей, по приказу господина своего за тое ево крестьянскую девку Агафью Игнатъеву дочь у него, Василья Давыдова, денег три рубли. И впредь господину моему и жене ево, и детям, и людем их, и крестьяном, и мне, Мокею, до нее, Агафьи, дела нет и не вступатца и о возврате об ней, Агафьи, на господ ево, Васильевых властей и того монастыря на служителей, и на крестьян и на него, Василья Давыдова, ея императорскому величеству не бить челом и никоими делы не вчинать, и от отпускных крепостей очищать, харчей и убытков никаких не доставить.

Разными почерками: К сей выводной отписи Алаторской канцелярии пищик Иван Меншой Абакумов руку приложил.

У сей выводной Алаторской правинцыальной канцелярии канцелярист Иван Алексеев сын Абакумов свидетель и руку приложил.

У сей выводной тое ж // (л.1об.) Алаторской правинции канцелярии свидетель Мокей Петров сын Щеглов и руку приложил.

А выводную отпись писал по приказу надсмотрщика Ивана Михайлова алаторской житель Федот Коновалов 1738 июня во 2 день.

Сия выводная отпись в Алаторской канцелярии крепостных дел в книги записана. От писма десять копеек. Десять.

На жалованье десять копеек.

На расход одна копейка по расходу взято.

Подписал надсмотрщик Иван Михайлов.

РГАДА. ГКЭ по Алатырю. № 197.

Упом.: Шумаков. Обзор ГКЭ. С.93. № 3.

№ 4.

1745 г. сентября. – Отпускная выводная отпись, выданная из приказной избы дворцовых сёл крестьянину Троице-Алатырского монастыря Максиму Андрееву о взятии замуж дворцовой крестьянки Татьяны Фоминой.

1745-го году сентября дня по указу ея императорского величества самодержицы всероссийской дворцовых алаторских сел ис приказной избы по силе присланного из главной дворцовой канцелярии прошлого 731 году управительской инструкцы 11 главы, а по допросу дворцовой алаторской волости Верхалаторского стану села Пермьяева дворцового крестьянина Фомы Федотова за дочь ево, девку Татьяну Фомину, которая выпущена на вывод Троицы Сергиева монастыря за крестьянина Максима Андреева в замужество, за которую в казну ея императорскаго величества взято выводных денег рубль, с отпускной дватцать пять копеек с четвертью. Оные денги в приход записаны.

В том сия выводная отпись показанному крестьянину Максиму Андрееву и дана.

В небытность управителя подписал приказные избы Петр Иван Кирилов.

Внизу листа размашисто: Петр Иван Кирилов.

РГАДА. ГКЭ по Алатырю № 101.

Упом.: Шумаков. Обзор ГКЭ. С.93. № 4.

№ 5.

1749 г. сентября 2. – Отпускное письмо, выданное из казённого приказа Макарьева Желтоводского монастыря Аксины Спиридоновой в замужество за бобыля Троице-Алатырского монастыря Алексея Кузьмина с.Барышковского.

Свято-Троицкого Макариева Желтоводского монастыря из казённого приказа дано сие отпускное письмо до писма крепостных дел вотчины онога монастыря Алаторского уезда села Рагова крепостной крестьянской дочере девке Оксинье Спиридоновой в замужество вотчины Троицы Сергиева приписного Троицкаго ж монастыря, что в городе Алатыре, за бобыля Алексея Кузьмина сына Барышковского в подмонастырную слободку. Выводные денги по договору в монастырскую казну за оную девку у него, Барышковского, приняты.

Сия отпускная за подписанием господина архимандрита Сергия и за казенною монастырскою печатью. Сергий архимандрит.

Сентябрь 7 день 1749 году.

Приложена красная печать с надписью «Печать чудотворца Макаря Желтоводского».

РГАДА. ГКЭ по Алатырю № 194.

Упом.: Шумаков. Обзор ГКЭ. С. 93. № 5.

№ 6.

1749 г. ноября 13. – Отпускная выводная отпись, выданная из приказной избы дворцовых алаторских сёл бобыльскому сыну Троице-Алатырского монастыря Никите Шветову о взятии замуж дворцовой крестьянки Дарья Федотовой.

1749 году ноября 13 дня по указу ея императорского величества самодержицы всероссийской дворцовых алатырских сёл ис приказной избы по силе присланной из Главной дворцовой канцелярии прошлого 1731 году управителю инструкции 11 главы, а по поданному прошению дворцовой Алатырской волости Верхалатырского стану села Новотроицкого Ардатова тож крестьянки вдовы Марфы Петровой дочери Федотовской жены Спасова дочь её родная девка Дарья Федотова выпущена на вывод города Алаторя приписного Троицы Сергиевой Лавры Алаторского монастыря за бобыльского сына Никиту Семенова сына Шветова в замужество, за которую в казну ея императорского величества взято выводных денег рубль да с челобитья печатных пошлин со обоих по дватцети по пяти копеек с четвертью. Всего рубль семдесят пять копеек три четверти. И оные денги в приход записаны.

В том сия выводная отпись показанному бобыльскому сыну Никите Семенову сыну Шветову дана.

Разными почерками: Управитель Иван Жуков.

Пищик Иван Петров.

РГАДА. ГКЭ по Алатырю № 195.

Упом.: Шумаков. Обзор ГКЭ. С. 93. № 6.

№ 7.

1750 г. января 25. – Выводная отпускная, выданная из приказной избы дворцовых сёл бобыльскому сыну Троице-Алатырского монастыря Андрею Осипову о взятии замуж дворцовой крестьянки Мавры Степановой.

1750 году генваря 25 дня по указу ея императорского величества самодержицы всероссийской дворцовых алаторских сёл ис приказной избы по силе управительской инструкции, приданной из Главной дворцовой канцелярии прошлого 1731 году 11-й главы, а по поданному прошению дворцовой алатырской волости Верхалатырского стану села Новотроицкого Ардатова тож крестьянина Степана Тимофеева сына Фомина дочь ево родная девка Мавра Степанова выпущена на вывод города Алаторя Троицы Сергиевой Лавры приписного Алатырского монастыря за бобыльского сына Андрея Осипова в замужество, за которую в казну ея императорского величества взято выводных денег рубль, да с челобитья печатных пошлин со обоих по дватцети по пяти копеек по одной четверти, с отпускной дватцет пять копеек с четвертью – всего рубль семьдесят пять копеек три четверти.

И оные денги в приход записаны.

В том сия выводная отпись показанному бобыльскому сыну Андрею Осипову и дана.

Далее разными почерками: Управитель Иван Жуков.

Писарь Дмитрий Солодовников.

По левому полю по вертикали запись: Дворцовых алаторских сёл приказной избы управитель Иван Жуков.

РГАДА. ГКЭ по Алатырю № 196.

Упом.: Шумаков. Обзор ГКЭ. С.93. № 7.

№ 8.

1751 г. января 24. – Выводное письмо старосты дер. Корачевки Саранского уезда Агафье Куприяновой в замужество за крестьянина Троице-Алатырского монастыря Устина Михайлова.

(л.1) Лета тысяща семьсот пятьдесят первого году генваря в двадесят четвертый день Саранского уезду Рудинского стану деревни Корачевки отпущен крестьянин староста Купреян в Саранской канцелярии у крепостных дел. Дал же выводное письмо Алатарского уезду Свято-Троицкой Лавре Сергиева монастыря села Курмаскаж крестьянину Устину Михайлову в том, что отдал я, Купреян, за него, Устина, оной деревни Корачевки крестьянскую дочь девку Агафью Купреянову в замужество на вывод, за которую взял выводные денги 2 рубли. И впредь оной деревни Корачевки..... и крестьяном такаж мне, старосте Купреяну во оную девку не вступатца никоторыми делы и не вчинать ему, Устину, убытка никакова и не докучать.

К сему выводному писму Саранской канцелярии копеист Сергей Федоров сын Смирнов вместо старосты Купреяна Лифантьева и в том, что он вышеписанную девку Агафью Купреянову за крестьянина Устина Михайлова в замужество отпустил и выводные денги 2 рубли взял и по ево прошению руку приложил.

У сего выводного писма Саранские канцелярии канцелярист Петр Петров сын Замятнин свидетель руку приложил.

У сего выводного писма оной же канцелярии канцелярист Михайла Осипов сын Данилов свидетель руку приложил.

Выводное письмо писал Саранской канцелярии пищик.

(л.1об.) Саранской канцелярии 1751 году генваря 24 дня сие выводное письмо в Саранску у крепостных дел в книги записано. Пошлин гривенных дватцать копеек, от писма десять копеек, от записки три копейки, на расход четверть.

Принял и совершил надсмотрщик Ларион Козатин.

РГАДА. Ф.ГКЭ по Алатырю № 197.

Упом.: Шумаков. Обзор ГКЭ. С.93. № 8.

№ 9.

1752 г. ноября 13. – Выводная отпускная отпись каптенармуса Якова Григорьева сына Чиркова Пелагее Федоровой в замужество за крестьянина Троице-Алатырского монастыря Ивана Ильина.

1752 году ноября 13 дня. Алатырского уезду села Троицкого Дубровки тож каптенармуса Якова Григорьевича Чуркова служитель ево Александр Яковлев по приказу господина своево выпустил в замужество старинную крепостную господина своего крестьянскую дочь Пелагею Федорову в тот же Алатарской уезд в селцо Сабаченки Троицы Сергиева монастыря за крестьянина Ивана Ильина.

А ежели она, крестьянка, пожелает по моему данному писму взять из Алатарской канцелярии от крепостных дел крепость, то я, вышеписанной Яковлев, по приказу господина своего должен дать и от крепостных дел выводную. А во оная крестьянку не вступатца ни жене моей, ни детям, ни внучатом, ни по чем наследникам.

Внизу листа другим почерком неразборчиво: Яков Чирков.

РГАДА. ГКЭ по Алатырю № 198.

Упом.: Шумаков. Обзор ГКЭ. С.93. № 9.

№ 10.

1755 г. ноября 2. – Выводная отпускная из управительских дел дворцовых арзамасских сёл Наталье Филипповой в замужество за крестьянина Троице-Алатырского монастыря Макара Иванова.

1755 году ноября в 2 день по указу ея императорского величества дворцовых сел от управительских дел дано сие отпускное письмо Арзамасского уезду Залесного стану дворцового села Ризоватова крестьянской дочери девке Наталье Филипповой для замужества Алатарского уезду вотчины Свято Троицы Сергиева монастыря в село Курмаскож за крестьянского сына Макара Иванова, за которую в казну ея императорского величества выводные денги по силе управительской инструкцы 731 году 11 пункта и показательства означенного села Ризоватова крестьянина Филиппа Иванова у означенного ж крестьянского сына Макара Иванова, что надлежало, приняты.

Петр Дияков.

Печатных пошлин 25 ко[п.] ¼ взято и в приход записаны. Писарь Александр Мал.

РГАДА. ГКЭ по Алатырю № 200.

№ 11.

1755 г. ноября 6. – Выводная отпускная, выданная Марией Фёдоровой Ульяниной крестьянке Авдотье Ефимовой в замужество за крестьянина Троице-Алатырского монастыря Ларивона Андреева.

1755 году ноября 6 дня Алатарского уезда Верхалатарского стану села Ильинского Ульяновка тож подпрапорщика Петра Петрова сына Ульянина жена ево Марья Федорова отпустила крепостную мужа своего означенного подпрапорщика Петра Ульянина крестьянскую дочь девку Овдотью Ефимову на вывод в замужество села Алатарского ж уезду вотчины Троицы Сергиева монастыря села Пермеева за крестьянина Ларивона Андреева. А выводные денги я, подпрапорщица Ульянея, с него, Андреева, по договору взяла сполна.

В том я, подпрапорщица Марья Ульянина вышеписанному Ларивону Андрееву сию росписку дала до крепостных дел, а о крепостных дел выводную брать ему, Андрееву, своими убытки.

Сию расписку до крепостных дел писал по прошению вышеписанной подпрапорщицы Марьи Федоровой Ульянина села Новониколаевского Ичалки тож иерей Петр Васильев.

РГАДА. ГКЭ по Алатырю № 201.

Упом.: Шумаков. Обзор ГКЭ. С.94. № 11.

№ 12.

1755 г. мая 17. – Выводная «росписка», выданная властями Спасо-Ярославского монастыря крестьянину Троице-Алатырского монастыря Якову Степанову о взятии замуж их крестьянки Дарьи Борисовой.

1756 году мая 17 дня Алатарского уезду Верхалатарского стану вотчины Спасова монастыря Ерославского села Пермеова выборной крестьянин Петр Михайлов по указу реченного монастыря от властей отпустил крестьянскую дочь девку Дарью Борисову в замужество на вывод того ж села Пермеова вотчины Троицы Сергиева монастыря за крестьянина Якова Степанова и выводные денги я, выборной Михайлов, с него, Степанова, взял рубль сполна.

В том ему, Степанову, сия выводная росписка дана до крепостных дел.

Сию отпускную писал до крепостных дел по прошению вышеписанного выборного Петра Михайлова Алатарского уезду новокрещенского села Новониколаевского Ичалка тож иерей Петр Васильев.

Другим почерком: К сему выводному писму села Пермеева иерей Иван Прохоров вместо показанного выборного Петра Михайлова по ево прошению руку приложил.

РГАДА. ГКЭ по Алатырю № 204.

Упом.: Шумаков. Обзор ГКЭ. С.94. № 12.

*В.А. Исупов (Новосибирск), И.Л. Жеребцов, Н.П. Безносова (Сыктывкар)**

Переписи населения как источник для изучения динамики населения Европейского Севера и Сибири в первой половине XX в.**

Основным источником информации о населении являются материалы переписей. Они содержат детальные сведения о численности населения и его распределении по территории страны, по городским и сельским населенным пунктам, о составе населения по национальности и языку, по полу и возрасту, брачному состоянию, социальному положению, грамотности и образованию.

В первой половине XX столетия в СССР было проведено несколько переписей населения, однако их историческая ценность неоднозначна. Первая после прихода к власти коммунистов демографическая перепись была организована 28 августа 1920 г. Декретом Совнаркома предусматривалось проведение как единой операции демографическо-профессиональной переписи в соединении ее с сельскохозяйственной переписью и кратким учетом промышленных предприятий. Перепись учитывала только наличное население. В стране тогда еще не закончилась Гражданская война. Поэтому перепись 1920 г. не охватила всего населения страны – примерно 30% ее жителей оказались вне границ статистического учета [1]. В Сибири, в частности, не было переписано население Забайкалья, северных территорий Иркутской губернии, Туруханского и Нарымского округов.

На Европейском Северо-Востоке перепись как будто показала довольно значительную убыль населения по сравнению с 1916–1918 гг. Кровавопрлитные события Первой мировой и гражданской войн, разумеется, оказали негативное воздействие на демографическое развитие края. Однако дело не только в этом, но и, очевидно, в неполной фиксации населения в 1920 г., поскольку прошедшая через шесть лет новая перепись показала существенно более значительное увеличение численности жителей в регионе, чем это можно было бы объяснить естественным или миграционным приростом. Следующая перепись, проведенная 15 марта 1923 г., была городской. Она не затронула сельское население, составлявшее в то время подавляющее большинство жителей как СССР в целом, так и Сибири и Европейского Севера. Поэтому обе эти переписи имеют важное, но все же ограниченное значение.

Только 17 декабря 1926 г. в Советском Союзе была организована первая всеобщая перепись населения. Она была тщательно подготовлена на строго научной основе и характеризуется высокой степенью точности. Недочет населения, допущенный переписью 1926 г., составил статистически незначительную величину и по современным оценкам не превысил 1% [2]. В принципе данными этой переписи можно пользоваться без корректировки.

Тем не менее не следует забывать, что на обширных территориях труднодоступных и малозаселенных районов Крайнего Севера, где перепись была проведена в более ранние сроки – осенью 1925 г., было опрошено и переписано меньше хозяйств, чем их существовало в реальности. Например, в Коми автономной области, включавшей тогда всю Большеземельскую тундру (ныне территория Ненецкого автономного округа), переписью было охвачено чуть более 50% хозяйств, так как часть ненецких («самоедских») родов сознательно уклонялась от любых переписей. Сложности добавлялись и из-за территориальных споров между руководителями Коми области и Архангельской губернии, также организовывавшими переписи ненецких хозяйств на той же территории, в результате чего некоторые из них учитывались дважды [3].

В связи с бурными социальными событиями в Советском Союзе перепись 1926 г. очень быстро устарела. К 1930 г. кардинально изменились численность и демографический состав как городского, так и сельского населения, принципиальные сдвиги претерпела социальная структура населения. В этой связи было решено организовать еще одну всесоюзную перепись, но сроки ее проведения в силу многочисленных субъективных и объективных причин неоднократно переносились. В конце концов, перепись состоялась 6 января 1937 г. Она отразила все основные противоречия пертурбационного демографического развития страны в начале 1930-х гг. В частности, перепись вскрыла снижение численности населения отдельных регионов СССР вследствие голода 1932–1933 гг. Кроме того, она выявила резкие и грубые искажения половозрастной структуры населения: снижение удельного

* **Исупов Владимир Анатольевич** (Новосибирск) – доктор исторических наук, заведующий сектором историко-демографических исследований Института истории СО РАН. **Жеребцов Игорь Любомирович** (Сыктывкар) – доктор исторических наук, директор Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН. **Безносова Наталья Павловна** (Сыктывкар) – научный сотрудник группы исторической демографии и исторической географии отдела истории и этнографии Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН.

** Публикация подготовлена при поддержке Программы фундаментальных исследований Уральского отделения РАН, проект № 12-С-6-1001.

веса мужчин, как результат сверхсмертности мужской части населения, провал в численности детей 1932–1933 года рождения.

Данные, полученные в ходе переписи 1937 г., полностью разошлись со сделанными ранее оптимистическими оценками. Работники Госплана СССР, следуя указаниям Сталина о ежегодном трехмиллионном приросте численности населения Советского Союза, предполагали, что население страны к началу 1937 г. достигнет 180,7 млн. чел., тогда как перепись зафиксировала всего 162 млн. чел. [4]. Низкие темпы роста населения СССР в 1930-е гг., сокращение численности населения отдельных регионов страны полностью противоречили теоретическим представлениям того времени. Считалось, что при социализме население на основе высокой рождаемости, постоянно снижающейся смертности и четко организованных плановых миграций может только увеличиваться. Поэтому 26 сентября 1937 г. постановлением СНК СССР «О дефектности Всесоюзной переписи населения 1937 г.» организация переписи была признана неудовлетворительной [5]. Злополучная перепись была объявлена преднамеренно фальсифицированной врагами народа. Сегодня историки широко используют материалы переписи населения 1937 г., считая их вполне достоверными, хотя и требующими некоторой коррекции. Методологические ошибки, допущенные при подготовке и проведении переписи, действительно повлекли за собой недоучет населения, но он был незначительным – по различным оценкам, от 0,5 до 1,2%.

Более важно другое. Итоговые таблицы переписи 1937 г. не отражали реально существовавшей демографической ситуации в некоторых регионах, поскольку в начале 1930-х гг. значительную роль в динамике численности их населения (например, Европейского Северо-Востока) начинает играть миграционный прирост, а в условиях существовавшего репрессивного режима миграции носили в основном принудительный характер. Посредством насильственного переселения людей осуществлялось освоение необжитых и малообжитых районов, т.е. проводилась государственная политика «спецколонизации». Появляются спецпоселения, возникает сеть исправительно-трудовых лагерей и колоний ГУЛАГа. Перепись спецпереселенцев и заключенных была проведена органами НКВД, ее данные не были включены в общие итоги переписи 1937 г. Но именно благодаря отдельно проведенной переписи мы имеем достаточно точные сведения об этих категориях населения. Учитывая специфику ведомства, спецперепись НКВД дает нам по некоторым параметрам даже более развернутую информацию, чем документы переписи коренного населения. Так, перепись спецпереселенцев содержит сведения о размещении их по районам и спецпоселкам с указанием численности, национального состава, числа хозяйств (дворов) [6].

По прошествии двух лет, 17 января 1939 г. была проведена еще одна Всесоюзная перепись населения СССР, призванная дать «истинные цифры» взамен искаженных «врагами народа» данных переписи 1937 г. (Отметим, что в отдаленных и труднодоступных районах Крайнего Севера переписи прошла с отступлением от общих сроков – с 20 декабря 1938 г. по 31 января 1939 г.). В рамках общей переписи были проведены две спецпереписи: органами НКВД был переписан спецконтингент (заключенные, охрана мест заключения, сотрудники аппарата НКВД), Наркоматом обороны переписаны военнослужащие Красной Армии. Результаты обеих переписей были приплюсованы к общим итогам. В начале – середине 1990-х гг. в исторической и демографической литературе разгорелась бурная дискуссия на предмет преднамеренной фальсификации численности населения СССР в сторону завышения и соответствующего искажения его структуры в ходе переписи 1939 г. Действительная численность населения Советского Союза составляла не 170,5 млн. чел. (как показала перепись 1939 г.), а, по мнению М.С. Тольца – 168,1 млн., В.В. Цаплина – 168,8 млн., Е.М. Андреева, Л.Е. Дарского и Т.Л. Харьковской – 168,9 млн. чел. [7]. Как видим, поправки, сделанные независимо разными авторами по различным методикам, колеблются в пределах от 1 до 1,5%. В сущности, это статистически незначительная величина. К тому же нет такой переписи, которая учла бы население абсолютно точно. Итог дискуссии о степени фальсифицированности и возможности научного использования переписи 1939 г. подвела В.Б. Жиромская: «Хотя фальсификация общего итога численности населения СССР имела место в переписи, она незначительна по своей величине. Материалами переписи можно пользоваться, но при условии коррекции» [8].

Первая послевоенная перепись населения СССР была проведена почти полтора десятилетия спустя после окончания Великой Отечественной войны, 15 января 1959 г. Это очень сильно затрудняет определение демографических последствий войны. Вместе с тем перепись 1959 г. характеризуется особой тщательностью проработки программы и весьма высокой степенью точности полученных цифровых данных. Поправка, которую применяют сегодня демографы при использовании переписи 1959 г., минимальна – 0,1% [9]. Эта перепись важна еще и тем, что предоставляет возможность подвести итог целому историческому периоду демографической истории страны, так как она в основном совпала с завершением бурных процессов модернизации России.

Исследование этнокультурных взаимодействий народов предъявляет особые требования к анализу этнической структуры населения. В этом смысле значение переписей невозможно переоценить. Все они содержат разносторонний материал о национальном составе населения как страны в целом, так и Европейского Севера и Сибири. Не менее важны содержащиеся в материалах переписей сведения о языковой структуре населения.

Только на базе переписей можно получить данные о межэтнических контактах на основе информации о распространённости русского языка, численности людей, для которых русский язык является родным.

Работа с материалами переписей содержит целый ряд особенностей, среди которых основные заключаются в том, что данные о национальном и языковом составе населения, получаемые в ходе разных переписей, несопоставимы. В частности, неодинаковым в разное время был сам подход к понятию «национальность». Первые советские переписи (1920, 1923, 1926 гг.) определяли национальность по так называемому «генетическому» признаку. При таком подходе решающим фактором атрибута национальности выступает этническая принадлежность родителей – связь «по крови». Все последующие переписи, начиная с переписи 1937 г., определяли национальную принадлежность по принципу самоопределения, при котором опрашиваемый самостоятельно и свободно решает вопрос о своей национальности. Национальность родителей в данном случае теряет значение.

При переходе на принцип свободного определения национальной принадлежности, особенно значительные изменения, например, произошли с самым многочисленным народом Сибири – русскими. Само понятие «русский» становилось расплывчатым. В Сибири многие представители украинцев, белорусов, немцев, евреев, поляков и других (в особенности те из них, кто воспринимал русский язык как родной или же подвергался в той или иной степени дискриминации) «записывались» русскими. В итоге численность русских быстро увеличивалась, причем не только за счет естественного прироста или ассимиляции русскими других народов, но и за счет самопричисления к русским представителей различных этнических групп. Как справедливо указывал американский демограф М. Берштам, русских в действительности было меньше, чем это фиксируют переписи [10].

Мощный поток внешних миграций в районы активного промышленного освоения (приезжали рабочие по оргнаборам и вольному найму) способствовал бурному росту численности населения и оказал решающее влияние на его этнический состав, темпы роста численности ряда коренных этносов снизились. Например, замедление темпов роста коми этноса нельзя объяснить снижением рождаемости – коэффициент рождаемости в послевоенный период у коми был одним из самых высоких в уходящем столетии. Невосполнимые потери в годы войны, деформация половозрастной структуры населения привели к резкому увеличению в послевоенный период числа браков коми женщин с мужчинами других национальностей. Дети, рожденные в межэтнических браках, чаще выбирали национальность отца (как правило – русский).

Увеличению численности и удельного веса русских в населении в немалой степени способствовал еще и своего рода артефакт, а именно особенности организации переписей. В частности, перепись 1926 г. имела целью определить этнографический состав населения. Соответственно в личном листке переписи был сформулирован вопрос о народности. В переписи 1939 г. и во всех последующих переписях населения Советского Союза стоял вопрос о национальности. В результате число народностей по перечню 1926 г. намного (почти на 100 названий) превышало число национальностей по перечню 1939 г. Поэтому люди, которые не нашли название своей народности в перечне, записывали русскими.

Важным источником для решения задач историко-демографического исследования Севера и Сибири являются локальные переписи и материалы учетов населения. Поскольку Всесоюзные переписи были дорогостоящим статистическим мероприятием и проводились относительно редко, то локальные обследования населения являются важными промежуточными реперными точками в межпереписные периоды. В частности, в январе 1931 г. по постановлению Западно-Сибирского крайисполкома была проведена локальная перепись городского населения Кузбасса, содержащая ценные сведения о численности, составе и миграциях населения региона [11]. В марте–апреле 1931 г. в Советском Союзе Госпланом СССР совместно с Центросоюзом была проведена перерегистрация горожан в связи с выдачей так называемых заборных книжек (аналог карточек). Использование материалов перерегистрации дает возможность проследить динамику роста численности городского населения Сибири в 1926–1931 гг., а также изменения их половозрастной и социальной структуры. Материалы перерегистрации были широко опубликованы [12]. Однако при их использовании необходимо учитывать, что они содержат лишь округленные и приблизительные данные о численности и составе городского населения. В ряде городов Сибири перерегистрация была проведена с грубыми нарушениями установленных сроков и правил учета. В ряде населенных пунктов перерегистрация так и не была организована.

После завершения Великой Отечественной войны в СССР не проводилась всесоюзная перепись, а вместо нее были организованы два связанных между собой учета населения. Перед ними стояла задача подвести некоторые демографические итоги войны. Распоряжением СНК СССР от 31 декабря 1945 г. ЦСУ Госплана СССР получило разрешение использовать списки избирателей для получения данных о численности и половозрастном составе взрослого (старше 18 лет) населения страны и ее отдельных регионов [13]. Выборы в Верховный Совет СССР проводились в феврале 1946 г., а в Верховный Совет РСФСР – в феврале 1947 г. Таким образом, статистики имели возможность работать с двумя списками избирателей, сопоставляя их, что несколько повысило точность проведенного учета. Вместе с тем работникам ЦСУ был запрещен доступ к спискам избирателей по воинским частям и воинским соединениям. Кроме того, в избирательные списки не попали лишённые прав заключенные,

ссылки и высланные. Однако сегодня, имея данные о послевоенной численности военнослужащих, о количестве заключенных и депортированных, можно прикидочно определить хотя бы общую численность взрослого населения СССР после завершения Великой Отечественной войны.

Чтобы выявить численность и состав населения до 18 лет, ЦСУ в конце 1947 г. организовало дополнительно учет детей и молодежи. Учет проводился без опроса населения домоуправлениями, комендантами домов и домовладельцами, которые предоставляли городским или районным инспекторам ЦСУ соответствующие отчеты. Дополнительные сведения о сельском населении были получены на основе похозяйственных книг, которые вели сельсоветы в течение всей войны. Безусловно, послевоенные учеты населения не могли заменить перепись населения, но тем не менее они позволили получить ценную информацию о численности и составе населения Советского Союза, его отдельных регионов, в том числе и на Европейском Севере и в Сибири на момент завершения войны.

Литература и источники

1. Демографический энциклопедический словарь. М., 1985. С. 323.
2. Население Советского Союза: 1922–1991. М., 1993. С. 22.
3. Сквозников В.Я., Жеребцов И.Л., Фаузер В.В., Безносова Н.П. Население Республики Коми: прошлое, настоящее, будущее. (О чем рассказывают переписи). Сыктывкар, 2001. 202 с.
4. Всесоюзная перепись населения 1937 г.: Краткие итоги. М., 1991. С. 46–47.
5. Всесоюзная перепись населения 1937 г. С. 227.
6. Сквозников В.Я., Жеребцов И.Л., Фаузер В.В., Безносова Н.П. Население Республики Коми: прошлое, настоящее, будущее; Безносова Н.П., Вишнякова Д.В., Жеребцов И.Л., Игнатова Н.М., Рожкин Е.Н., Шабаетов Ю.П. Этнический фактор в демографическом развитии Республики Коми (середина XIX – начало XXI века). **Очерки истории народонаселения.** Сыктывкар, 2006. 184 с.
7. Тольц М.С. Репрессированная перепись // Родина. 1989. № 11. С. 60; Цаплин В.В. Статистика жертв сталинизма в 30-е годы // Вопросы истории. 1989. № 4. С. 180; Цаплин В.В. Статистика жертв сталинизма в 30-е годы // Вопросы истории. 1989. № 4. С. 180; Андреев Е., Дарский Л., Харьковская Т. Опыт оценки численности населения СССР. 1926–1941 гг. (Краткие результаты исследования) // Вестник статистики. 1990. № 77. С. 38.
8. Жиромская В.Б. Численность населения России в 1939 г.: поиск истины // Население России в 1920–1950-е годы: Численность, потери, миграция. М., 1994. С. 34–35.
9. Население Советского Союза. С. 62–63.
10. Берштам М. Сколько жить русскому народу // Москва. 1990. № 5. С. 137.
11. Кузбасс. Результаты переписи городского населения. Новосибирск, 1931.
12. См.: Статистика Сибири. Вып. 6. Новосибирск, 1931; СССР за 15 лет. Материалы по народному хозяйству. М., 1932; Экономико-статистический справочник по Восточно-Сибирскому краю. М.; Иркутск, 1932.
13. Государственный архив Новосибирской области. Ф. 11. Оп. 2. Д. 1409. Л. 1.

ХРОНИКА. БИБЛИОГРАФИЯ

СОДЕРЖАНИЕ СБОРНИКОВ СТАТЕЙ «ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕМОГРАФИЯ» (2007 г.)

Историческая демография. Сборник научных трудов. М.; Сыктывкар, 2007. [Выпуск 1]. 213 с.

От составителей. С. 3–4.

Аверьянов К.А. (Москва). Демография и археология. С. 5–9.

Жеребцов И.Л., Королев К.С. (Сыктывкар). Влияние климатического фактора на историко-демографическое развитие коми. С. 10–17.

Савельева Э.А. (Сыктывкар). Формирование этнической территории древних коми-зырян. С. 18–25.

Кленов М.В. (Сыктывкар). Европейский Северо-Восток в XI–XIV веках (к вопросу о системе расселения). С. 26–32.

Прокопенко С.А. (Ульяновск). Обычная и катастрофическая смертность в Западной Европе XVI–XVII веках. С. 33–38.

Гришкина М.В. (Ижевск). Миграционные процессы и интеграция Удмуртии в структуру Российского государства в XVI–XVIII вв. С. 39–43.

Мацук М.А. (Сыктывкар). Некоторые сложные вопросы исторической демографии Европейского Севера России XVII века. С. 44–45.

Дьякова Е.В. (Харьков, Украина). Изучение проблемы российско-украинских отношений в Слободской Украине в XVI–XVII вв. в украинской историографии. С. 46–48.

Черкасова М.С. (Вологда). Обывательские книги Вологды конца XVIII в. как источники по исторической демографии. С. 49–54.

Пригарин А.А. (Одесса, Украина). Социально-демографические характеристики русских переселенцев на Дунай первой трети XIX века: эвристический потенциал формулярных источников. С. 55–62.

Аргудяева Ю.В. (Владивосток). Изменение структуры и типа семьи у крестьян-переселенцев Дальнего Востока. С. 63–67.

Голикова С.В. (Екатеринбург). Опыт изучения детской смертности врачами пореформенного Урала. С. 68–70.

Ушакова В.Л. (Владивосток). Исторический опыт проведения миграционной политики в Приморском крае (1858–1917 гг.). С. 71–75.

Михалев Н.А. (Екатеринбург). Демографические процессы у коренного населения Обдорского Севера в начале XX в. С. 76–81.

Котюкова Т.В. (Москва). Этнодемографические процессы в Русском Туркестане в начале XX в. по архивным документам ЦГА Республики Узбекистан. С. 82–85.

Пивнева Е.А. (Москва). Историческая динамика половозрастной структуры манси. С. 86–90.

Сенявский А.С. (Москва). Урбанизация и этнодемографические процессы в России в XX веке. С. 91–105.

Саблин В.А. (Вологда). Динамика населения и численности крестьянских дворов на Европейском Севере России в 1917–1920-е годы. С. 106–120.

Батырбаева Ш.Д. (Бишкек, Киргизия). К вопросу о достоверности материалов переписи населения 1926 года. С. 121–124.

Коротаев В.И. (Архангельск). Принудительная колонизация и демографический кризис в Северном крае в 1930-е годы. С. 125–129.

Макаренко М.Ю. (Краснодар). Влияние кризисных факторов на формирование российских особенностей смены модели воспроизводства. С. 130–132.

Кринко Е.Ф., Хлынина Т.П. (Майкоп). Этнодемографические процессы на Северном Кавказе в 1920–1940-е годы. С. 133–137.

Ковальская С.И. (Астана, Казахстан). Англо-американская историография о социально-демографической составляющей процесса модернизации. С. 138–142.

Меньковский В.И. (Минск, Белоруссия). Дискуссии о масштабах репрессий 1930–1950-х гг. в англо-американской историографии. С. 143–147.

- Кругликов В.В.** (Екатеринбург). Миграционное движение городского населения Свердловской области в годы Великой Отечественной войны. С. 148–151.
- Макуров В.Г.** (Петрозаводск). Этнодемографическая ситуация на оккупированной финнами территории Карелии в 1941–1944 гг. С. 152–154.
- Вавулинская Л.И.** (Петрозаводск). Социально-демографические изменения в колхозной деревне Карелии в 1945 – конце 1950-х гг. С. 155–158.
- Мельникова Н.В.** (Екатеринбург). Закрытые города Урала: своеобразие социально-демографических процессов (конец 1940-х – 1960-е годы). С. 159–163.
- Сурина М.В.** (Екатеринбург). Этнические аспекты третьей и четвертой фазы демографического перехода на Среднем Урале во второй половине XX века. С. 164–169.
- Корнилов Г.Г.** (Екатеринбург). Исторические источники по населению Ямала во второй половине XX века. С. 170–173.
- Циркунов И.Б.** (Мурманск). Волны урбанизации на Кольском полуострове. С. 174–178.
- Разумова И.А.** (Мурманск). Ретроспективное осмысление переселения и миграционные сценарии северян: Кольский Север, начало XXI в. С. 179–183.
- Фадеева Е.В.** (Владивосток). Современные социально-демографические процессы у нанайцев Хабаровского края. С. 184–188.
- Оруджиева А.Г.** (Екатеринбург). Особенности брачной структуры коренных малочисленных народов Ямала (по материалам переписи 2002 г.). С. 189–192.
- Жеребцов И.Л.** (Сыктывкар). Развитие историко-демографических исследований в Республике Коми. С. 193–202.
- Фаузер В.В.** (Сыктывкар). Демографические исследования Российского Севера: история и современность. С. 202–210.

Историческая демография. Сборник научных трудов. М.; Сыктывкар, 2007. Вып. 2. 162 с.

- Торлопов В.А.** (Сыктывкар). Приветствие участникам II Всероссийской конференции по исторической демографии. С. 3.
- Такижбаева Н.З.** (Астана, Казахстан). Великое переселение народов: что это такое и когда оно было? С. 4–6.
- Старцев А.Ф.** (Владивосток). Роль миграционных процессов в этногенезе и этнической истории удэгейцев. С. 7–11.
- Савельева Э.А.** (Сыктывкар). Этнокультурная ситуация на Европейском Северо-Востоке в эпоху средневековья. С. 12–19.
- Обедков А.П.** (Сыктывкар). История географического изучения городов России. С. 20–35.
- Боле Е.Н.** (Сыктывкар). Коми АССР в годы Великой Отечественной войны: демографический фактор в развитии стратегических отраслей промышленности. С. 36–44.
- Мотревич В.П., Смыкалин А.С.** (Екатеринбург). Захоронения интернированных иностранных граждан и военнопленных Второй мировой войны на Урале (состояние источниковой базы). С. 45–48.
- Тюрнин В.А.** (Москва). Миграция как фактор этнодемографического развития Москвы. С. 49–50.
- Игнатов А.А.** (Владивосток). Некоторые черты экономического поведения и его возрастно-половые особенности у представителей титульных этносов отдельных стран в современных российских городах. С. 51–57.
- Новиков Ю.С., Клепиков Н.В.** (Сыктывкар). Воздействие демографических тенденций на развитие потребительского поведения населения Европейского Севера. С. 58–62.
- Фаузер В.В., Макарова В.Н.** (Сыктывкар). Теория и практика исследований кредитного поведения населения. С. 63–74.
- Климочкина Н.И., Назарова И.Г.** (Ухта), Фаузер В.В. (Сыктывкар). Численность населения и трудовых ресурсов нефтегазового сектора Республики Коми. С. 75–84.
- Землянова Е.В.** (Москва). Этнодемографические особенности смертности населения в регионах России. С. 85–92.
- Иванова А.Е., Кондракова Э.В.** (Москва). Сравнительный анализ смертности у русских и других национальностей. С. 93–96.
- Усачев В.И.** (Москва). Потери трудового потенциала вследствие ухудшения здоровья и преждевременной смертности. С. 97–99.
- Абидов М.Х.** (Махачкала). Демографические аспекты формирования рынка труда Дагестана. С. 100–101.
- Елмурзаева Р.С.** (Астана, Казахстан). Современные миграционные процессы в Республике Казахстан. С. 102–106.
- Рязанцев С.В.** (Москва). Новые подходы к миграционной политике России. С. 107–108.

- Шовгарян Э.Л.** (Москва). Миграционная политика России на современном этапе. С. 109–110.
- Рыбаковский О.Л.** (Москва). Миграционный обмен населения Республики Коми с регионами России. С. 111–113.
- Лукьянова А.Ю.** (Ставрополь), **Боженко В.В.** (Москва). Трудовая миграция в России: особенности и подходы к регулированию. С. 114–115.
- Акрамов Ф.Ш.** (Москва). Трудовые мигранты из Таджикистана в России. С. 116–117.
- Гребенюк А.А.** (Москва). Особенности реализации программы возвращения соотечественников в Российскую Федерацию. С. 118–120.
- Некрасов Н.А.** (Москва). Иммиграционная политика Австралии и возможности ее применения в России. С. 121–122.
- Лукьянец А.С.** (Москва). Особенности иммиграционной политики США. С. 123–125.
- Бобков Д.А.** (Москва). Особенности и основные тенденции мексиканской иммиграции в США. С. 126.
- Фаузер В.В., Макарова В.Н.** (Сыктывкар). Социально-демографические характеристики участников кредитного потребительского кооператива граждан «КредитЪ». С. 127–136.
- Павлов К.В., Самохин А.С.** (Белгород). Этноэкономика: проблемы и перспективы развития. С. 137–142.
- Корнешов А.А.** (Москва). Условия жизни и поведение молодежи в вопросах здоровья. С. 143–145.
- Устинова И.В.** (Апатиты). Представления о толерантности в студенческой субкультуре. С. 146–150.
- Курске В.С.** (Тула). Концепции этнической идентичности российских немцев в контексте проблемы маргинальности. С. 151–156.
- Теребихин В.М.** (Сыктывкар). Антропологический кризис как интегральная характеристика антропологической ситуации в регионах Европейского Северо-Востока в период спонтанной социетальной трансформации и каузальный фактор социопроектирования концепции антропологического преобразования регионов Севера Евразии России. С. 157–160.

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА «ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕМОГРАФИЯ» (2008–2011 гг.)

2008, № 1

Предисловие. С. 3.

Мусанов А.Г. (Сыктывкар). Топонимия как источник для исследования древних миграций: проблемы и перспективы. С. 4–6.

Королев К.С. (Сыктывкар). Предки коми-зырян в эпоху Стефана Пермского (демографический аспект). С. 7–9.

Смирнов Ю.М. (Муром). Средневековый Муром по письменным источникам. С. 10–13.

Гришкина М.В. (Ижевск). Миграционные процессы и интеграция Удмуртии в структуру Российского государства в XVI–XVIII вв. С. 14–18.

Пригарин А.А. (Одесса, Украина). Группа после переселения: естественное движение и миграционные процессы старообрядческого населения на Дунае 1830–1850-х гг. С. 19–28.

Власова В.В. (Сыктывкар). Районы расселения, численность коми староверов; половозрастной состав общин в XIX – начале XX века. С. 29–34.

Чупров В.И. (Сыктывкар). Крестьянская семья в Коми крае в начале XX века: семейные разделы. С. 35–40.

Макаренко Е.В., Макаренко М.Ю. (Краснодар). Брачно-семейное поведение славянского населения Юга России (по материалам романа М.А. Шолохова «Тихий Дон»). С. 41–47.

Шубин С.И. (Архангельск). Демографическая ситуация в Северном крае (1929–1936 гг.). С. 48–53.

Прокопьев А.Н. (Сыктывкар). Некоторые меры по оргпереселению чувашей на Европейский Север в 30-е годы XX века. С. 54–56.

Котов П.П. (Сыктывкар), Бубличенко В.Н. (Ухта). Динамика численности и состав несовершеннолетних детских приемников-распределителей НКВД-МВД СССР на Европейском Севере России в 1940-е годы. С. 57–60.

Пажит Ю.Ю. (Екатеринбург). Спецпоселенцы-осадники и беженцы на Среднем Урале в годы Второй мировой войны: численность, размещение, состав. С. 61–64.

Игнатова Н.М. (Сыктывкар). Численность спецпереселенцев в Коми республике в 1950-е годы (по архивным данным). С. 65–70.

Рыбаковский Л.Л. (Москва). Динамика этнической структуры населения и место в ней русского народа. С. 71–76.

Жеребцов И.Л., Фаузер В.В. (Сыктывкар). Этнодемографические процессы в Коми в XX – начале XXI века. С. 77–85.

Башкирова Г.А. (Ижевск). Этнодемографические ресурсы в Удмуртской республике в 1990-е годы. С. 86–91.

Репневский А.В. (Архангельск). Государственная демографическая политика России начала XXI века. С. 92–99.

Аверьянова С.А., Морева Т.И. (Архангельск). «Русский крест» демографии и северный рынок труда (на примере Архангельской области). С. 100–106.

Фаузер В.В., Фаузер Г.Н. (Сыктывкар). Развитие сети учреждений дошкольного образования в Республике Коми. С. 107–112.

2008, № 2

Прокопенко С.А. (Ульяновск). Брак, брачная практика, системы наследования и типы семей в Испании раннего Нового времени. С. 3–7.

Жеребцов И.Л. (Сыктывкар). Население Коми края в конце XV – начале XX века: численность, миграции, факторы демографического развития. С. 8–15.

Берестова Е.М. (Ижевск). Население Каринского стана в конце XVII – начале XVIII века. С. 16–19.

Белова Е.В. (Балашиха). Территориально-административное управление Украиной (к вопросу о заселении в 1730–1770-е гг.). С. 20–24.

Иванов Ф.Н. (Сыктывкар). Воздействие рекрутской повинности на население Европейского Севера России в 1831–1874 гг. С. 25–31.

Желтов А.А. (Вологда). Условия жизни и здоровье населения Вологодской земли в конце XIX – начале XX века. С. 32–35.

Кораблев Н.А. (Петрозаводск). Об этническом составе предпринимателей Карелии во второй половине XIX – начале XX в. С. 36–39.

Субботина А.М. (Ижевск). Медико-демографические проблемы в деятельности земства на территории Удмуртии. С. 40–43.

Титков О.Н. (Сыктывкар). Этнодемографическое своеобразие населенных пунктов верхней Вычегды и верхней Печоры по материалам экспедиции Л.В. Корвин-Пиотровского 1909 г. С. 44–49.

- Суржикова Н.В.** (Екатеринбург). Бельгийские беженцы в России в годы Первой мировой войны: история неоконченной истории. С. 50–52.
- Васина Т.А.** (Ижевск). Формирование удмуртской этнической среды в г. Ижевске (XVIII–XX века). С. 53–55.
- Чевардин А.В.** (Екатеринбург). Возвращение поляков из Свердловской области на родину в 1944–1946 гг. С. 56–59.
- Сенявский А.С.** (Москва). Демографические процессы в России XX века в контексте урбанизационного перехода. С. 60–65.
- Обедков А.П., Обедкова Н.П.** (Сыктывкар). Особенности урбанистического развития и пути совершенствования региональной системы расселения Республики Коми. С. 66–71.
- Безносова Н.П.** (Сыктывкар). Рождаемость в Коми АССР в 1960–1970-е годы: особенности и проблемы. С. 72–76.
- Петрякова О.Л.** (Москва). Рождаемость в России и некоторые аспекты семейной политики. С. 77–80.
- Игнатов А.А., Михайлова П.В., Игнатова С.А.** (Владивосток). Экономическое и брачное поведение представителей титульных этносов отдельных стран СНГ в российских городах (по данным Всероссийской переписи населения 2002 г.). С. 81–86.
- Фаузер В.В., Фаузер Г.Н., Макарова В.Н.** (Сыктывкар). Динамика рождаемости населения Дальнего и Среднего Севера Республики Коми. С. 87–97.
- Ревун В.Н.** (Киев, Украина). Изменение смертности в славянских странах бывшего СССР. С. 98–100.
- Лукьянова А.Ю., Гаспарян В.В.** (Ставрополь). Демографические угрозы России в современных условиях. С. 101.

2009, № 1 (3)

- Такижбаева Н.З.** (Астана, Казахстан). Философия исторической демографии. С. 4–6.
- Муравьев В.В.** (Сыктывкар). Становление культуры воспроизводства населения. С. 7–8.
- Аверьянов К.А.** (Москва). Использование методов археологии в демографии. С. 9–13.
- Биланчук Р.П.** (Вологда). О числовой символике в устной исторической традиции Европейского Севера. С. 14–18.
- Прокопенко С.А.** (Ульяновск). Проблемы точности методов построения динамичных квазимodelей демографического гомеостазиса (на примерах европейского позднего средневековья и раннего Нового времени). С. 19–22.
- Черкасова М.С.** (Вологда). Демографические процессы в монастырской деревне центра России в конце XVII в. (по архиву Троице-Сергиевой Лавры). С. 23–28.
- Васина Т.А.** (Ижевск). Особенности демографической ситуации в Камбарском заводе в середине XIX в. (по материалам 8-10-й ревизий). С. 29–33.
- Желтов А.А.** (Вологда). Репрезентативность информации о состоянии здоровья и болезнях населения Вологодской губернии в источниках середины XIX – начала XX века. С. 34–38.
- Михалев Н.А.** (Екатеринбург). Особенности процессов брачности населения Обдорского севера в начале XX в. С. 39–44.
- Аргудяева Ю.В.** (Владивосток). Эмиграция старообрядцев Приморья в Маньчжурию (20–30-е годы XX в.). С. 45–49.
- Баранов Е.Ю.** Годовые таблицы естественного движения населения как источник по демографической истории Урала в 1920–1930-е годы. С. 50–53.
- Чащин А.В.** (Екатеринбург). Демографическая характеристика городского населения Среднего Урала в 1926–1939 гг. С. 54–58.
- Меньковский В.И.** (Минск, Белоруссия). Современная историография демографических процессов в Советском Союзе 1930-х гг. С. 59–62.
- Обедков А.П., Обедкова Н.П.** (Сыктывкар). Рост числа и влияния больших городов как ведущий фактор российской урбанизации. С. 63–68.
- Фадеева Е.В.** (Владивосток). Современные социально-демографические процессы у нивхов Сахалина. С. 69–73.
- Вербицкая О.М.** (Москва). Сельские жители России во второй половине XX века: демографическое старение. С. 74–78.
- Араловец Н.А.** (Москва). Особенности разводов в России, вторая половина XX в. С. 79–81.
- Фаузер В.В., Жеребцов И.Л., Фаузер Г.Н., Макарова В.Н.** (Сыктывкар). Особенности социально-демографических структур населения Республики Коми. С. 82–95.
- Попова Л.А.** (Сыктывкар). Младенческая смертность: история и современность. С. 96–100.

2009, № 2 (4)

- Мурыгин А.М.** (Сыктывкар). Миграции в истории древних культур Северного Приуралья. С. 4–8.
- Чернышевский Д.В.** (Саратов). О численности населения домонгольской Руси (постановка проблемы). С. 9–11.
- Мацук М.А.** (Сыктывкар). Переписные книги 1646 года как источник по проблемам демографии населения России: вопрос полноты информации. С. 12–18.
- Сердюк И.А.** (Полтава, Украина). Румянцевская опись 1765–1769 гг. как источник по демографической истории русского купечества в городах Малороссии. С. 19–21.
- Белов А.В.** (Москва). Население уездных городов Московской губернии в середине XIX века: сравнительная характеристика. С. 22–24.
- Плотникова Г.Н.** (Пермь). Демографические изменения крестьянского населения Пермской губернии во второй половине XIX века. С. 25–27.
- Брянцева С.О.** (Владивосток). Вопросы миграции в Хабаровском уезде и Николаевском районе Удского уезда (середина XIX – начало XX в.). С. 28–29.
- Стешенко Н.Л.** (Краматорск, Украина). Миграционная политика российского правительства в южной Украине XVI–XVIII вв.: либеральная историография (вторая половина XIX – начало XX в.). С. 30–34.
- Загребин А.Е.** (Ижевск). Проблемы изучения терминологии родства, брачно-семейных отношений и социальной организации финно-угорских народов России на рубеже XIX–XX вв.: краткий историографический обзор. С. 35–42.
- Дмитриева Е.Н., Дьякова Е.В.** (Харьков, Украина). Освещение переселенческого движения из Харьковской губернии в конце XIX – начале XX вв. на страницах местных изданий. С. 43–47.
- Игнатова Н.М.** (Сыктывкар). Смертность и рождаемость спецпереселенцев-«бывших кулаков» в Северном крае в 1930-е гг. С. 48–52.
- Вшивцева Ю.В.** (Краснодар). Население Краснодарского края накануне и в годы Великой Отечественной войны: состояние и развитие. С. 53–54.
- Кринко Е.Ф.** (Ростов-на-Дону). Война и демография: население Адыгеи в 1941–1945 гг. С. 55–59.
- Вавулинская Л.И.** (Петрозаводск). Численность и категории спецпоселенцев в Карелии в 1944 – середине 1950-х гг. С. 60–63.
- Безносова Н.П.** (Сыктывкар). Возрастнополовой состав населения Коми АССР в 1970-е годы. С. 64–68.
- Мельникова Н.В.** (Екатеринбург). Истоки демографических проблем моноспециализированных промышленных городов (на примере г. Качканара). С. 69–71.
- Кулешов Д.Н.** (Уфа). Периодизация новейшей миграционной истории России. С. 72–74.
- Ковальская С.И.** (Астана, Казахстан). Демографическая динамика города Астаны: история и перспективы. С. 75–78.
- Столярова Г.Р.** (Казань). Похозяйственные книги Советов местного самоуправления как источник для изучения этнодемографических процессов в современном селе (пример с.. Старое Суркино Республики Татарстан). С. 79–81.
- Фаузер В.В., Жеребцов И.Л., Рожкин Е.Н., Фаузер Г.Н., Макарова В.Н.** (Сыктывкар). Демографическая ситуация в Республике Коми. С. 82–93.
- Петрякова О.Л.** (Москва). Депопуляция в России: история и перспективы. С. 94–97.

2010, № 1 (5)

- Жеребцов И.Л.** (Сыктывкар). Роль климатических изменений в процессе заселения Европейского Севера. С. 4–19.
- Омельянчук С.В.** (Владимир). Типология семьи в Древней Руси. С. 20–24.
- Дмитренко В.А.** (Полтава, Украина). Структура семей приходских священников второй половины XVIII в.: попытка реконструкции по материалам исповедных росписей села Приходьки Пирятинской Протопопии Киевской Епархии. С. 25–27.
- Пентин Н.А.** (Киров). Исторические особенности формирования населения Вятской губернии в первой половине XIX века. С. 28–31.
- Голикова С.В., Дашкевич Л.А.** (Екатеринбург). Материалы учреждений призрения детей в XIX в. как источник по изучению детской смертности. С. 32–38.
- Никитин Ю.А.** (Сумы, Украина). Демографическая, социальная и конфессиональная ситуация в городах Левобережной и Слободской Украины во второй половине XIX в. С. 39–42.
- Аргудяева Ю.В.** (Владивосток). Миграция забайкальских казаков на Амур и Уссури (вторая половина XIX – начало XX в.). С. 43–47.

- Вишнякова Д.В.** (Сыктывкар). Коми-зыряне Пермской губернии по материалам Первой всеобщей переписи 1897 г. С. 48–51.
- Котюкова Т.В.** (Москва). Выходцы из стран Западной, Центральной и Северной Европы в Туркестане в конце XIX – начале XX в. С. 52–56.
- Власова В.В.** (Сыктывкар). Семья и брак в старообрядческих общинах коми в конце XIX–XX вв. С. 57–63.
- Филимончик С.Н.** (Петрозаводск). Миграционные процессы в Карелии в годы НЭПа. С. 64–67.
- Старцев А.Ф.** (Владивосток). Демографическая характеристика семьи орочей (1951–1995 гг.). С. 68–72.
- Чернышева И.В.** (Ижевск). Динамика этнического состава населения Удмуртской республики. 1959–2002 гг. С. 73–75.
- Хлынина Т.П.** (Ростов-на-Дону). Всероссийские переписи населения 1959 г. и 2002 г. как источники демографической информации и ... не только. С. 76–80.
- Фадеева Е.В.** (Владивосток). Современные социально-демографические процессы у удэгейцев и нанайцев Приморья. С. 81–84.
- Рудникова Е.В.** (Владивосток). Постсоветская эмиграция в Новую Зеландию: к вопросу о численности и этническом составе. С. 85–89.
- Шумилова М.М.** (Петрозаводск). Демографическое развитие в Карелии в начале XXI в. С. 90–93.
- Ушакова В.Л.** (Владивосток). Демографическая ситуация на Дальнем Востоке России: современное состояние и перспективы. С. 94–97.
- Столярова Г.Р.** (Казань), **Мухамед Исхак Фарук Мухаммед** (Оман). Этнодемографические процессы в современном Омане. С. 98–100.

2010, № 2 (6)

- Муравьев В.В.** (Сыктывкар). Культурные комплексы детерминации демографических процессов. С. 4–6.
- Коробейников А.В.** (Ижевск). Репродуктивный цикл и гипотеза о календарной функции удмуртского орнамента. С. 7–12.
- Сакало А.Е.** (Полтава, Украина). Домохозяйства сельского населения Левобережной Украины во второй половине XVIII века: типология и структура на примере села Савинцы Пириятинской первой сотни Лубенского полка. С. 13–16.
- Плотникова Г.Н., Плотников С.Н.** (Пермь). Борьба земства с высокой смертностью населения в Пермской губернии во второй половине XIX в. С. 17–19.
- Мацук А.М.** (Сыктывкар). Отход крестьян Усть-Сысольского уезда в конце XIX – начале XX в.: основание, направления, количественные показатели. С. 20–25.
- Федоров П.В., Малащенко А.А.** (Мурманск). Историко-демографический проект «Коляне. XIX – первая четверть XX века». С. 26–30.
- Орлов В.Н.** (Полтава, Украина). Еврейский вопрос на территории Российской империи во второй половине XIX – в начале XX века и деятельность еврейских общественных организаций и политических групп: историографический анализ. С. 31–34.
- Стэльмах М.К.** (Екатеринбург). Влияние неурожаев на воспроизводство населения Пермской губернии в конце XIX – начале XX в. С. 35–40.
- Саблин В.А.** (Вологда). Параметры интенсивности семейного труда в крестьянском хозяйстве Европейского Севера в 1910–1920-е гг. С. 41–49.
- Федорова Е.Н., Сукнева С.А.** (Якутск). Значение Якутской экспедиции Академии наук в становлении и развитии демографических исследований в Якутии. С. 50–55.
- Бурлыкина М.И., Задорожный В.Н.** (Сыктывкар). Демографические исследования В.Н. Старовского. С. 56–58.
- Обедков А.П.** (Сыктывкар). Динамика численности коренных малочисленных народов Севера и современная этническая структура населения Российского Севера. С. 59–66.
- Лыткина Т.С.** (Сыктывкар). Институциональные контексты одинокого материнства в России. С. 67–71.
- Безносова Н.П.** (Сыктывкар). Численность и социально-демографическая характеристика отдельных национальностей Коми АССР в 1970-е гг. С. 72–75.
- Оруджиева А.Г.** (Екатеринбург). Динамика изменений образовательного состава коренных малочисленных народов Ямало-Ненецкого автономного округа. С. 76–79.
- Сигарева Е.П.** (Москва). Региональные вариации демографического развития России в советский и постсоветский периоды. С. 80–84.
- Барсукова А.В.** (Сыктывкар). Социально-демографические характеристики работников ЖКХ Республики Коми. С. 85–87.

- Маньшин Р.В.** (Москва). Основные направления государственного регулирования международной миграции специалистов и студентов в России. С. 88–91.
- Безруков И.С., Безруков В.И.** (Владивосток). К вопросу о зарождении региональной демографии. С. 92–95.
- Королев К.С.** (Сыктывкар). Начальный этап коми-русских взаимоотношений в средневековом регионе (XII–XIII вв.). С. 96–98.
- А.Ф. Сметанин (1949–2010). С. 99.
- А.И. Таскаев (1944–2010). С. 100–101.

2011, № 1 (7)

ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СТРАН И РЕГИОНОВ В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

- Муравьев В.В.** (Сыктывкар). Формирование третичного соотношения полов в древнем населении. С. 4–6.
- Сердюк И.А.** (Полтава, Украина). Старость в городском населении Левобережной Украины во второй половине XVIII в. (на материалах Румянцевской описи 1765–1769 гг.). С. 7–12.
- Черкашина В.Н., Макаренко М.Ю.** (Краснодар). История демографической модернизации Северного Кавказа (конец XIX – первая четверть XX в.). С. 13–16.
- Аргудяева Ю.В.** (Владивосток). Материалы региональных архивов – источник о разделе семьи у восточнославянских крестьян-переселенцев Дальнего Востока. С. 17–21.
- Вшивцева Ю.В.** (Краснодар). Демографическая ситуация на Кубани. 1926–1945 гг. С. 22–25.
- Вербицкая О.М.** (Москва). Особенности смертности гражданского населения в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). С. 26–29.
- Обедков А.П.** (Сыктывкар). Динамика численности коренных малочисленных народов Севера и современная этническая структура населения Российского Севера. С. 30–37.
- Рожкин Е.Н.** (Сыктывкар). Исторические особенности демографии исламских народов в Республике Коми (XX–XXI вв.). С. 38–40.

СОВРЕМЕННЫЕ ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

- Столярова Г.Р.** (Казань), **Мухамед Исхак Фарук Мухаммед** (Оман). Этнодемографические процессы в современном Омане. С. 41–43.
- Шабает Ю.П.** (Сыктывкар). Миграции, северные сообщества и идентичности. С. 44–47.
- Столярова Г.Р.** (Казань). Этнодемографический портрет Татарстана накануне Всероссийской переписи 2010 г. С. 48–50.

ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКИ И МЕТОДИКА ИХ АНАЛИЗА

- Исупов В.А.** (Новосибирск). Проблемы и перспективы историко-демографических исследований в Сибири. С. 51–55.
- Макаренко М.Ю.** (Краснодар). Историкогеография изучения населения Юга России (конец XIX – первая треть XX века). С. 56–60.
- Штещенко Н.Л.** (Краматорск, Украина). Миграции в Южной Украине (XVI–XVIII вв.) в научном наследии В. Антоновича. С. 61–63.
- Такиджаева Н.З.** (Астана, Казахстан). Историческая демография и междисциплинарные связи. С. 64–67.
- Прокопенко С.А.** (Ульяновск). Дискуссии в исторической демографии о современных методах ретроспективного анализа и процедурах сглаживания влияния миграционного фактора. С. 68–74.
- Горбачев О.В.** (Екатеринбург). Миграционная статистика второй половины XX в. как исторический источник: проблемы использования. С. 75–77.
- Дементьев Б.П.** (Пермь). Источники исторической демографии: методы анализа. С. 78–79.
- Фадеева Е.В.** (Владивосток). Похозяйственные книги и актовые записи как источники по современной этнографии негидальцев. С. 80–82.
- Мельник Т.Ф.** (Архангельск). Переписи населения Поморья (досоветский период): хронология, анализ, особенности. С. 83–87.
- Федоров П.В., Малашенков А.А.** (Мурманск). Модель социальной структуры Колы XIX – начала XX в. С. 88–89.
- Раков А.А., Фаузер В.В., Грибанов В.В.** (Сыктывкар). Методические подходы к обоснованию демографического проекта. С. 90–91.

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

- Рудаева Е.С.** (Тюмень). Структура смертности села Мужы Березовского округа в последней трети XIX в. С. 92.
Ракачев В.Н. (Краснодар). Население Кубани по материалам переписи 1939 г.: проблема достоверности данных. С. 92–93.
Ракачева Я.В. (Краснодар). Голод 1932–1933 гг. на Кубани и его демографические масштабы и последствия. С. 93.

РЕЦЕНЗИИ

- Разумова И.А.** (Апатиты). Северный уездный город в зеркале демографической истории. С. 94–95.

ХРОНИКА

- Жеребцов И.Л.** (Сыктывкар), **Исупов В.А.** (Новосибирск), **Меньковский В.И.** (Минск, Украина). Всероссийские симпозиумы по исторической демографии. С. 96–97.

2011, № 2 (8)

ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СТРАН И РЕГИОНОВ В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

- Бурцев И.Г.** (Тула). О невеликорусском элементе служилого населения южнорусского фронта XVI–XVII вв. С. 3–6.
Васина Т.А. (Ижевск). Опыт историко-демографического исследования семьи горнозаводского населения Глазовского уезда Вятской губернии в середине XIX в. С. 7–13.
Аргудяева Ю.В. (Владивосток). Роль миграций в изменении структуры и состава семей крестьян-переселенцев Дальнего Востока (по материалам центральных и региональных архивов). С. 14–18.
Исупов В.А. (Новосибирск). Демографическое развитие Сибири в годы Великой Отечественной войны. С. 19–23.
Вавулинская Л.И. (Петрозаводск). Демографическая ситуация и переселение в Карело-Финскую ССР (конец 1940-х – середина 1950-х гг.). С. 24–27.
Белых Н.Ю. (Киров). Место гибели – ВЯТЛАГ. (К анализу уровня и причин смертности среди политических узников Вятского ИТЛ в 1938–1956 гг.). С. 28–31.

СОВРЕМЕННЫЕ ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

- Жаркенова А.М.** (Астана, Казахстан). Демографическая политика: определение, принципы, направления. С. 32–35.
Славина Л.Н. (Красноярск). Теоретико-методологические проблемы исследования основных тенденций брачности и рождаемости в России во второй половине XX – начале XXI в. С. 36–39.
Эфендиев Р.Дж. (Баку, Азербайджан). Изменения в смертности населения Азербайджанской Республики после распада СССР и обретения независимости. С. 40–49.
Суший С.Я. (Ростов-на-Дону). Динамика русского населения Северного Кавказа в постсоветский период: основные тенденции конца XX – начала XXI века. С. 50–53.
Рычкова Н.В. (Казань). Социально-демографическая составляющая потребительских рынков Республики Татарстан. С. 54–56.
Обедков А.П., Обедкова Н.П. (Сыктывкар). Особенности и тенденции демографического развития России в постсоветский период. С. 57–68.
Горохов С.А., Дмитриев Р.В. (Москва). Демографический потенциал развития мусульманской общины Индии. С. 69–71.

ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКИ И МЕТОДИКА ИХ АНАЛИЗА

- Сакало А.Е.** (Полтава, Украина). Документы церковного происхождения XVIII в. как источники историко-демографических исследований: исповедные ведомости. С. 72–75.
Безносова Н.П. (Сыктывкар). Всесоюзные переписи населения как источник по изучению этнодемографического состава населения (на примере Республики Коми). С. 76–79.
Мазур Л.Н. (Екатеринбург). Историко-географические справочники по Среднему Уралу в контексте исследовательских практик. С. 80–83.

ХРОНИКА, БИБЛИОГРАФИЯ

- «Этнодемографические процессы на Севере Евразии». Содержание сборников статей за 2004–2007 гг. С. 84–91.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ
журнала «Историческая демография»

Журнал публикует научные статьи (объем до 0,5 п.л., до 20 000 знаков, включая пробелы) и краткие сообщения (объем до 0,15 п.л., до 6000 знаков, включая пробелы) по следующим проблемам: история и современное состояние историко-демографических исследований; источники для проведения историко-демографических исследований и методика их анализа; этнодемографические процессы в древности и средневековье; общее и особенное в историко-демографическом развитии стран и регионов в новое и новейшее время; современная этнодемографическая ситуация и перспективы ее развития; историческая география. К публикации также принимаются рецензии на книги, информация о научных конференциях, комментарии к ранее опубликованным работам, хроника научной жизни. В разделе «Научное наследие» публикуются не издававшиеся ранее труды ушедших из жизни ученых.

Решение о публикации принимается редакционной коллегией журнала после рецензирования с учетом новизны, научной значимости и актуальности представленных материалов. Статьи, отклоненные редколлекцией, повторно не рассматриваются. Авторы несут ответственность за научное содержание, достоверность и оригинальность приводимых данных.

Требования, предъявляемые к оформлению текстов для публикации:

1. Материал предоставляется в электронном виде в текстовом редакторе *Microsoft Word*. Имя файла составляет фамилия первого автора, например: *Ivanov.doc*. Формат А4. Поля по 2 см; шрифт – *Times New Roman*; размер кегля – 10 пунктов; межстрочный интервал – одинарный.

Вставка символов – **Symbol**. Просим не пользоваться особыми шрифтами и оригинальными символами. Текст набирается без принудительных переносов. Разрядки слов не допускаются.

2. Абзацы задаются автоматически (0,7 см), а не с помощью пробелов. Расстановка переносов – автоматическая (в словах из прописных букв переносы не ставятся).

3. В первой строке печатается индекс УДК (выравнивание влево). Во второй строке печатаются инициалы и фамилия автора с выравниванием по центру, курсивом. Третья строка оставляется пустой. В четвертой строке печатается название статьи полужирным шрифтом, выравнивание по центру. Пятая строка остается пустой. С шестой строки печатается аннотация (не более 7 строк) на русском языке обычным шрифтом с выравниванием по ширине. После аннотации печатаются ключевые слова на русском языке (не более 7 слов и словосочетаний). Далее печатаются на английском языке с соблюдением тех же требований: инициалы и фамилия автора, название статьи, аннотация, ключевые слова. После этого пропускается одна строка, далее печатается текст обычным шрифтом с выравниванием по ширине.

4. Рисунки, фотографии, схемы, таблицы, диаграммы необходимо присылать в одном дополнительном файле. Максимальное количество иллюстраций – 5.

Рисунки и фотографии должны быть черно-белыми: с разрешением не ниже 300 пикс/дюйм. Рисунки и таблицы должны быть пронумерованы и иметь названия. В тексте необходима ссылка на конкретный рисунок или таблицу, например: «Рассмотрим численность населения Северного края (табл. 1)».

Название таблицы располагается над ней и оформляется следующим образом:

Таблица 1

Численность населения Северного края в 1939 г.

Ссылки на источники к таблице даются под ней (не в сноске) курсивом, например: «*Источники: ГААО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 3. Л. 4–5.*»

Название рисунка и комментариев располагаются под ним, курсивом, например: «*Рис. 2. Источники роста населения Северного края.*»

5. Список ссылок приводится отдельным разделом в конце статьи и оформляется в соответствии со следующими требованиями. Архивные и литературные источники располагаются в порядке их упоминания по тексту в виде нумерованного списка. Ссылка на источник по тексту оформляется как число в квадратных скобках, вручную. Например: [1]. Автоматические сноски не допускаются!

6. Ссылки на неопубликованные работы допускаются только в том случае, если они переданы на хранение в государственные архивы, научные архивы учреждений, например: Сидоров С.С. Очерки демографической истории вымечей // Научный архив Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 2. Д. 3. 45 л.

7. Если есть сокращения, прилагают список с расшифровкой, например:

МАЭ ОмГУ – Музей археологии и этнографии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского.

ISSN 2304-5922

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕМОГРАФИЯ

Научный журнал

Оригинал-макет – Н.К. Забоева

Компьютерный набор. Формат 60 x 84 1/8. Уч.-изд. л. 10,0. Усл. печ. л. 12,5.

Тираж 150 экз. Заказ № 55 (168).

Редакционно-издательский отдел Института языка,
литературы и истории Коми НЦ УрО Российской АН.
167982, ГСП-2, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26.

Отпечатано с оригинал-макета
в ООО «Типография «Полиграф-сервис»
г. Сыктывкар, ул. Ленина, 4, тел. 21-48-36

